

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

516 1891.

№ 13.

ЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Вторая книга Моисея „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горсанаго-Платонова</i>	1—21
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	22—40
Воспоминанія священника Православной Церкви Д-ра о. Владимира Гетте, бывшаго священникомъ римской церкви (продолженіе). <i>И.</i>	41—69

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Нравственное чувство (окончаніе). Профессора Казанской Духовной Академіи, <i>В. А. Снегирева</i>	1—26
«Теодицея» Лейбница. Разсужденіе о благодти Божіей, свободѣ човѣческой и началѣ зла. Часть третья. (Продолженіе) <i>Н. Истомина</i>	27—46

III. ЛИСТОВЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Назначеніе преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую Духовную Семинарію.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ май и іюнь мѣсяцахъ 1891 г. и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 22-го іюня 1891 г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго Духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 1890/91 учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 іюня н. г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ испытаній, бывшихъ за 1890/91 учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 іюня 1891 года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго училища.—Для свѣдѣнія духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ № Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗБОРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатеринославской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая ул., Гостинный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

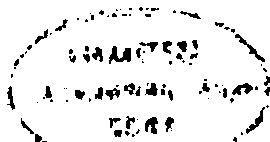
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Іюля 15 дня 1891 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДЪ И СЪ ОБЪЯСНЕНИЯМИ.

(Продолженіе *).

Объ устроеніи умывальника (30, 17—21).

30, 17. *И сказалъ Гегова Моисею, говоря: (18) И сдѣлаешь умывальникъ мѣдный и подножіе его мѣдное, для омовенія, и поставиши его между скиніею собранія и между жертвенникомъ, и нальешь туда воды. (19) И будутъ Ааронъ и сыны его омыватъ изъ него руки свои и ноги свои. (20) Когда входитъ имъ въ скинію собранія, будутъ совершать омовеніе водою, и не умрутъ; или когда приступать имъ къ жертвеннику для служенія, для воскуренія сожигаемой жертвы Геговъ, (21) будутъ они омыватъ руки свои и ноги свои, и не умрутъ; и будетъ это уставомъ для нихъ на вѣкъ, для него и для потомства его, въ роды ихъ.*

Ст. 18. *И сдѣлаешь умывальникъ мѣдный.* По значенію еврейскаго слова, переведеннаго на основаніи греческаго перевода словомъ: *умывальникъ*, можно предполагать, что онъ имѣлъ форму чаши. Объ устройствѣ умывальника въ точности можно сказать только то, что онъ состоялъ изъ двухъ частей: *емъстилица* для воды и изъ *подножія*. Какое заключеніе относительно устроенія первой составной части можно вывести изъ

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 10.

Исх. 38, 8: см. въ изъясненіи этого послѣдняго мѣста. Относительно другой составной части—*подножія* нѣтъ основаній думать, что оно кромѣ своего ближайшаго назначенія еще имѣло назначеніе служить тазомъ или лоханью.

Мѣсто для умывальника указано между скиніею и жертвенникомъ. Думать, что умывальникъ поставленъ былъ не на прямой линіи отъ жертвенника къ входу во святилище, а въ сторонѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Ст. 19, 20. *Омывать... руки и ноги.* Съ нечистыми руками и ногами приступать къ священнодѣйствию,—это было бы свидѣтельствомъ недостатка благоговѣйнаго отношенія и къ святости мѣста, и къ святости дѣйствій; указаніе на святость мѣста, какъ на основаніе для омовенія, содержится въ словахъ стиха двадцатаго: *когда входитъ имъ въ скинію собранія*; указаніе на святость дѣйствій содержится въ словахъ того же стиха: *когда приступать имъ къ жертвеннику для служенія, для воскуренія сожигаемой жертвы Госовъ.*

И не умрутъ. Двукратное повтореніе (ст. 20 и 21) этого выраженія и въ рѣчи о вхожденіи въ скинію, и въ рѣчи о совершеніи жертвоприношеній ясно указываетъ, что наказаніе смертію составляетъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе неблагоговѣйнаго отношенія и къ святости мѣста и къ святости дѣйствій.

Ст. 21. Заповѣдь относительно омовенія рукъ и ногъ есть уставъ *на вѣкъ, въ роды.* Эти выраженія говорятъ о неотложной обязательности данной заповѣди.

О елеѣ помазанія (30, 22—33).

30, 22. *И сказалъ Госовъ Моисею, гозоря: (23) Возьми ты себѣ благовоній лучшихъ: смирны самотечной пять сотъ (сиклей), и корицы благовонной половину того—двести пятьдесятъ, и тростника благовоннаго двести пятьдесятъ, (24) и кассіи пять сотъ, по сиклю священному, и елея масличнаго гинъ. (25) И сдѣлаешь изъ сего елея священно-помазанія, составъ смѣшанный по способу составителя (такихъ) составовъ:*

елей священно-помазанія будетъ. (26) И помажешь имъ скинью собранія и ковчегъ откровенія, (27) И столъ и все сосуды его, и свѣтильникъ и сосуды его, и жертвенникъ куренія, (28) И жертвенникъ всесожженія и все сосуды его, и умывальникъ и подножіе его. (29) И освятить ихъ, и будутъ святынею святынь; все, прикоснувшееся къ нимъ, будетъ свято. (30) И Аарона и сыновъ его помажешь и освятить ихъ, чтобы быть священниками Моими. (31) И сынамъ Израиля скажешь, говоря: елею священно-помазанія будетъ это у Меня въ роды ваши. (32) На тѣло человека да не возмывается онъ, и такого же, по составу его, не дѣлайте; онъ — святыня; святынею да будетъ для васъ. (33) Кто составитъ такой же (елей), и кто дастъ его стороннему, истребленъ будетъ изъ народа своего.

30, 22. Для приготовленія елея, которымъ нужно было впоследствии помазать и освятить скинью, ея священныя вещи и священныя лица (ср. 29, 7. 21), Моисей получаетъ особыя указанія, опредѣляющія составъ этого елея священно-помазанія.

Ст. 23. *Возьми ты себѣ благовоній лучшихъ.* Слово: *себѣ* могло бы дать поводъ думать, что Моисей долженъ былъ самъ приготовить елей помазанія, а не обращаться для сего къ содѣйствию другаго лица, хотя бы и искуснаго въ дѣлѣ приготовленія благовонныхъ составовъ: но мы имѣемъ ясное указаніе книги же Исхода на то, что елей помазанія былъ приготовленъ Веселіиломъ (31, 29). *Благовоній лучшихъ.* Слово: *лучшихъ* можетъ относиться и къ перечисляемымъ далѣе четыремъ видамъ благовоній, означая, что эти виды и суть лучшіе виды благовонныхъ веществъ; но можетъ означать и то, что изъ перечисляемыхъ далѣе веществъ должны быть взяты только лучшіе сорта или части.

Смирны самотечной, т. е. смолы, не извлекаемой при помощи надрѣзовъ на корѣ мирроваго кустарника (*Balsamodendron myrrha*), а выступающей каплями на разныхъ мѣстахъ ствола этого кустарника. Растеніе, дающее эту благовонную смолу, нерѣдко встрѣчается въ южной Аравіи и по другую сторону Аравійскаго залива, на берегу Африки. И теперь капли этой смолки цѣнятся очень дорого. Количество этой смолки, какое слѣдовало взять Моисею, обозначено словомъ: *пять сотъ*, безъ

указанія той мѣры, къ которой относится это число: но и по указанію перевода греческаго и по указанію стиха послѣдующаго несомнительно, что мѣрою здѣсь служитъ сикль. *Пять сотъ* сиклей будутъ составлять около шестнадцати фунтовъ.

Корицы, т. е. коры съ коричнеаго дерева (*Laurus Cinnamomum*). Это дерево, достигающее очень большихъ размѣровъ, встрѣчается теперь въ восточной Индіи и на островѣ Цейлонѣ. Ко-ра съ настоящаго коричнеаго дерева весьма пахуча. Издавна извѣстенъ сборъ коры и съ такихъ деревъ, которыя даютъ корицу только похожую своимъ запахомъ на настоящую корицу. Можетъ быть этимъ и нужно объяснить, почему въ разбираемомъ стихѣ послѣ слова *корицы* прибавлено слово *благовонной*, въ отличіе отъ не настоящей, не столь благовонной корицы. Корицы нужно было Моисею взять двѣсти пятьдесятъ сиклей, что составляло около осьми фунтовъ.

Тростника благовоннаго. Такъ названо растеніе, пахучіе корни котораго и другимъ древнимъ народамъ были извѣстны, какъ одно изъ очень благовонныхъ веществъ. Привозились эти корни изъ Индіи, гдѣ есть и теперь нѣсколько видовъ благовоннаго тростника, изъ которыхъ наиболѣе извѣстный носить названіе лимонной травы (*Andropogon schoenanthus*). Благовоннаго тростника надлежало употребить Моисею такъ-же фунтовъ около осьми.

Ст. 24. Четвертое благовонное вещество, входившее въ составъ священнаго елея, было *кассія*. Съ вѣроятностію можно думать, что это вещество такъ же составляло благовонную кору; но болѣе точнаго понятія объ этомъ предметѣ дать нельзя. Кассіи надлежало употребить для составленія священнаго елея около шестнадцати фунтовъ.

По сиклю священному, или по ⁷сиклю святилища. Это означаетъ, что вѣсъ долженъ быть полный, точно опредѣленный въ другомъ мѣствѣ той же главы (ст. 13), не такой, какой могъ допускаться въ торговыхъ сдѣлкахъ по взаимному ли соглашенію или по недобросовѣстности.

Елея масличнаго гинъ. Перелагая на нашу мѣру, гинъ масла можно считать за четвертую съ небольшимъ долю ведра.

Ст. 25. *Составъ, смѣшанный по способу составителя* (та-

кихъ) *составовъ*. Въ чемъ состоялъ этотъ способъ,—неизвѣстно: въ особомъ ли изготовленіи, которому должно было подвергнуться каждое изъ благовонныхъ веществъ, прежде чѣмъ соединить его съ остальными, или въ особомъ приготовленіи всей смѣси благовонныхъ веществъ и масла посредствомъ настоя или варки, или и въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ. Изготовленіе священнаго елея произведено было (37, 29) Веселиломъ, человекомъ исполненнымъ мудростію и всякимъ искусствомъ (35, 31).

Ст. 26—28. Священнымъ елеемъ должны быть помазаны и сама скинія и всѣ священныя вещи, относительно устройства которыхъ даны были выше особыя повелѣнія, именно: и ковчегъ, и столъ, и свѣтильникъ, и оба жертвенника, и умывальникъ, со всѣми ихъ принадлежностями. О самомъ совершеніи помазанія сказано Исх. 40, 9 и слѣд.; Лев. 8, 10 и слѣд.; Числь 7, 1.

Ст. 29. *И освятимъ ихъ, и будутъ святынею святымъ*. Совершенное выдѣленіе изъ области обычныхъ житейскихъ вещей и обращеніе помазанныхъ предметовъ въ средство освященія должно быть совершено чрезъ помазаніе священнымъ елеемъ. Помазаніе было видимымъ знакомъ осуществленія Божія изволенія о сообщеніи помазаннымъ предметамъ такого значенія и такой силы, которыхъ они сами по себѣ имѣть не могли.

Все, прикоснувшееся къ нимъ, будетъ свято. И по отношенію къ лицамъ и по отношенію къ предметамъ прикосновеніе къ вещамъ, освященнымъ помазаніемъ, будетъ служить источникомъ очищающей и освящающей силы.

Ст. 30. Помазаніе Аарона и сыновъ его освятитъ ихъ не въ томъ смыслѣ, что они сами будутъ *святынею святымъ*, но сказано: *освятимъ ихъ, чтобы быть священниками Моими*. Выдѣленіе изъ среды остальнаго народа, поставленіе въ посредники между Богомъ и людьми, въ орудія дѣйствованія очищающей и освящающей силы Божіей, должно было совершиться чрезъ помазаніе, или, иначе, чрезъ особое освященіе.

Ст. 31. *Елеемъ священно-помазанія будетъ это у Меня во роды ваши*. Здѣсь рѣчь обращена не къ Моисею, не къ преемникамъ его въ дѣлѣ управленія народомъ, не къ священному

сословію, а ко всѣмъ вообще сынамъ Израиля. По этой причинѣ, а такъ же и по содержанію двухъ послѣдующихъ стиховъ, разбираемыя слова нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что этотъ елей долженъ быть хранимъ для священно-помазанія во всѣ послѣдующіе роды, и не въ томъ смыслѣ, что такой елей долженъ быть употребляемъ и на будущія времена для священно-помазанія. Разбираемыя слова имѣютъ тотъ смыслъ, что этотъ елей, ровно какъ и елей, составленный такимъ же точно образомъ, только для священно-помазанія и назначенъ. Это ясно изъ двухъ послѣдующихъ стиховъ.

Ст. 32. *На тѣло чловѣка да не возливается онъ.* Въ этихъ словахъ нельзя искать указанія на то, что священный елей, который долженъ быть приготовленъ Моисеемъ, не долженъ быть употребляемъ священными лицами или людьми посторонними для обычнаго умащенія тѣла. Давать такое повелѣніе относительно Моисеева елея всѣмъ сынамъ Израиля было излишне. Въмѣсто подобнаго повелѣнія нужно было бы ожидать повелѣнія священнымъ лицамъ хранить приготовленный Моисеемъ елей, не употребляя для себя и не давая его другимъ. Елей того состава, какой указанъ Моисею, не долженъ быть употребляемъ никѣмъ изъ сыновъ Израиля для возливанія на тѣло, то есть, для умащенія тѣла, а потому никѣмъ и не долженъ быть составляемъ. Въ этомъ составѣ елей есть *святыня* уже по тому самому, что имъ освящены самыя *святыни святыни* (ст. 29). Елей этого состава изъемяется изъ обычнаго чловѣческаго употребленія, онъ оставляется и на будущее время святынею для сыновъ Израиля.

Ст. 33. *Кто составитъ такой же (елей), и кто дастъ его стороннему, истребленъ будетъ изъ народа своего.* Для себя ли приготовить кто-нибудь елей указаннаго Моисею состава, или приготовить не для собственнаго, а для чужаго употребленія, будетъ наказанъ отъ Бога смертію (ср. Быт. 17, 14).

О священномъ куреніи (30, 34—38).

30, 34. *И сказалъ Иегова Моисею: возьми себѣ благовоній: стакти, и омха, и халвана благовоннаго, и ливана чистаго;*

порошку будетъ. (35) И сдѣлаешь изъ сего куреніе—составъ по способу составителя (такихъ) составовъ,—перемѣшанный, чистый, святыню. (36). И истолчешь изъ сего въ порошокъ, и будешь класть изъ сего предъ откровеніемъ въ скинии собранія, гдѣ Я буду открываться тебѣ; святынею святынь будетъ для васъ. (37) Куреніе, какое сдѣлаешь, (такого) по составу его, не дѣлайте для себя; святынею да будетъ тебѣ оно для Іеговы. (38) Кто сдѣлаетъ такое же, чтобы курить имъ: истребитъ изъ народа своего.

Ст. 34. Въ составъ куренія, которое должно было сожигаться на кадильномъ жертвенникѣ, стоявшемъ въ святилищѣ, предъ входомъ во святое святыхъ, вѣдно было Моисею взять четыре сорта благовоній. Наши свѣдѣнія объ этихъ ароматахъ недостаточны. На первомъ мѣстѣ поставлено названіе аромата, которое, на основаніи перевода греческаго, передается словомъ: *стакти*, а по значенію еврейскаго слова могло бы быть переведено такъ: *капля, каплющее*. Такой переводъ, очевидно, имѣлъ бы значеніе очень неопредѣленное. Съ словомъ *стакти* такъ же не соединяется опредѣленнаго понятія о существѣ аромата. Можно думать, что ароматъ этотъ состоялъ изъ капель сока или смолы какого-нибудь растенія, но какого именно, изъ породы ли мирровыхъ растеній, какъ думали одни, или стираксовыхъ, какъ думали другіе, или бальзамовыхъ, какъ думали третьи, или еще какого-либо растенія: это рѣшить трудно.

Послѣ *стакти* названо другое благовонное вещество—*онизъ*. Точно не знаютъ, какой ароматъ названъ этимъ именемъ. Многіе думаютъ, что подъ нимъ нужно разумѣть или наростъ на раковинѣ или самую раковину одной изъ породъ улитокъ, водящихся въ водахъ Индіи и Чермнаго моря. Нѣкоторое подтвержденіе этому объясненію дается возможностью дать разбираемому еврейскому слову значеніе *чаики*. При сожиганіи этого вещества получается сильный запахъ, похожій на запахъ бобровой струи.

Третье вещество для куренія—*халванъ* благовонный. И на основаніи перевода греческаго и на основаніи строя рѣчи слѣдуетъ соединить слова *халванъ* и *благовоніе*, и видѣть въ этомъ соединеніи указаніе на то, что виды халвана были различны,

т. е., что былъ халванъ благовонный и былъ халванъ, не имѣвший этого качества. Подъ халваномъ многіе разумѣютъ смолу, добываемую изъ кустарника (*hevila*), растущаго въ Сиріи и Персіи. Названіе этого куренія даетъ указаніе на его бѣлый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ молока.

Четвертое благовоніе—*ливанъ* есть смола растенія изъ породы теревинеевъ. Она въ древности добывалась изъ южной Аравіи. Прибавленіе къ названію этого вещества слова *чистый* указываетъ не на бѣлый цвѣтъ этого куренія, на который ясно указываетъ и самое имя вещества, но или на отсутствіе какой бы то ни было примѣси, которую выгодно было подмѣшивать въ составъ этого цѣннаго предмета, или на способъ собиранія смолы, извѣстный намъ изъ позднѣйшаго времени. Именно, для собиранія совершенно чистой смолы разстилаютъ иногда около растенія подстилку, на которую и падаютъ капли смолы. Она, конечно, гораздо чище собираемой прямо съ земли. Вѣроятно чистымъ названъ ливанъ, собранный такимъ способомъ.

По ровну будетъ. Вѣсъ не опредѣленъ, а опредѣлена только одинаковость количества каждаго изъ веществъ, имѣвшихъ войти въ составъ куренія. Переводя: *по ровну будетъ*, имѣемъ въ виду и указаніе перевода греческаго и неудовлетворительность другихъ переводовъ.

Ст. 35. Указаніе, какъ составить куреніе изъ поименованныхъ веществъ, выражено словами: *по способу составителя* (такихъ) *составовъ*. Въ чемъ состоялъ этотъ способъ,—неизвѣстно (изъясненіе ст. 25). Нѣкоторое поясненіе этого могло бы дать намъ поставленное за симъ слово: *перемѣшанный*; но это слово приходится поставить въ переводѣ только потому, что не ясное для насъ слово подлинника еврейскаго такъ именно понято греческими переводчиками. Слово: *перемѣшанный* не даетъ яснаго понятія о способѣ изготовленія состава и ставится безъ увѣренности въ точномъ соотвѣтствіи его слову еврейскому; но другіе переводы, предпочитающіе употребленіе словъ: *измельченный*, *обращенный въ порошокъ*, *стертый*, *посоленный*, еще менѣе удовлетворительны. Если бы допустить догадку, что затрудняющее переводчиковъ слово заключаетъ въ

себѣ указаніе не на способъ составленія куренія, а на качество куренія, на которое указываютъ и два послѣдующія слова: *чистый, святыня*: то можно было бы предположить, что съ давняго времени въ текстѣ еврейскомъ допущена была ониска, именно, что вмѣсто слова, означающаго *отборный* (можетъ быть, *михаръ*), явилось нынѣ стоящее въ текстѣ еврейское слово. При этомъ предположеніи качество куренія опредѣлялось бы въ такомъ восходящемъ порядкѣ: куреніе должно быть *отборнымъ, чистымъ, святынею*. Иначе сказать, къ самому выбору матеріала, долженствующаго войти въ составъ куренія, требуется приложить самое тщательное и благоговѣйное попеченіе, какъ къ святынѣ. Такого отношенія требуетъ самое значеніе куренія, какъ *святыни святынь* (ст. 36).

Ст. 36. Послѣ указанія качества матеріала для куренія дано въ словахъ: *истолчешь изъ сего въ порошокъ* не указаніе способа приготовленія куренія, какъ многіе думаютъ, а указаніе того вида, въ какомъ приготовленное куреніе должно было возлагаться въ скинии собранія. Взявъ часть изготовленнаго куренія, надлежало мелко истолочь его и въ такомъ видѣ употреблять.

Будешь класть изъ сего предъ откровеніемъ. Изъ пятаго стиха 40-й гл. книги Исхода ясно, что куреніе должно было возлагаться на жертвенникъ, стоявшій во святилищѣ насупротивъ ковчега откровенія, находившагося за завѣсою, во святомъ святыхъ. На ковчегъ же откровенія указываютъ и слова: *гдѣ Я буду открываться тебѣ*. Взятая вмѣстѣ разбираемая слова означаютъ: сожигай куреніе на жертвенникѣ предъ ковчегомъ, съ котораго Я буду открываться тебѣ.

Ст. 37, 38. Куреніе такого же точно состава запрещено составлять для употребленія въ домахъ. Въ этомъ составѣ куреніе есть *святыня* для сыновъ Израиля; за употребленіе ея въ обыденной жизни, точно такъ же, какъ и за употребленіе елея помазанія (ст. 33), послѣдуетъ истребленіе изъ народа, т. е., наказаніе отъ Бога смертію.

Назначеніе строителей Скинии (31, 1—11).

31, 1. И сказалъ *Гегова Моисею* говоря: (2) *Смотри, по имени называю Я Веселіила, сына Урія, сына Ора, изъ Кольна Іуды; (3) и исполнилъ Я его духомъ Божіимъ, мудростію и разумомъ, и умнѣемъ во всякой работѣ: (4) съ художествомъ исполнять работы изъ золота, и серебра, и мѣди; (5) и въ вырѣзкѣ камней вставочныхъ, и въ рѣзбѣ деревянной,—въ исполненіи всякой работы. (6) И вотъ, придалъ Я къ нему Оголіава, сына Ахисамаха, изъ колѣна Дана, и въ сердце всякаго мудраго вложилъ Я мудрость, и сдѣлаютъ они все, что Я повелѣлъ тебѣ: (7) скинью собранія, и ковчегъ откровенія, и крышку на него, и всѣ сосуды Скинии, (8) и столъ и сосуды его, и свѣтильникъ чистый и всѣ сосуды его, и жертвенникъ куренія, (9) и жертвенникъ всесожженія и всѣ сосуды его, и умывальникъ и подножіе его, (10) и одежды служебныя—одежды священныя Аарону священнику и одежды сынамъ его для священнослуженія, (11) и елей помазанія и куреніе благовоній для святилища; все, какъ повелѣлъ Я тебѣ, сдѣлаютъ они.*

31, 2. *Смотри, по имени называю Я Веселіила.* Дѣло устройства святилища по указанному Моисею образцу должно быть совершенно строителями, назначенными такъ же самимъ Богомъ. Моисею извѣстно, что и въ какомъ видѣ нужно устроить; но ему не предоставлено употребить для сего дѣла такихъ людей, которые по его мысли были бы для того пригодны. „Главнымъ строителемъ Я назначаю Веселіила; смотри, не избери другаго“.

Ст. 3. При переводѣ стиха третьяго слѣдуетъ отступить отъ чтенія еврейскаго и отдать предпочтеніе переводу греческому.

Ст. 6. Помощникъ главнаго строителя скинии, Оголіавъ, такъ же указанъ опредѣлено. Что Оголіавъ былъ только помощникомъ Веселіила, это открывается не только изъ того, что Веселіиль поставленъ на первомъ мѣстѣ, но и изъ того, что ему усвоятся (ст. 3 и 4) особенные дары Божіи, а такъ же и изъ того, что въ другихъ мѣстахъ онъ поименованъ одинъ, безъ помощника (37, 1). Подручные этимъ лицамъ участники работъ по устройству Скинии не обозначены ни по именамъ, ни

по количеству; мы знаемъ только, что и въ ихъ сердца была вложена мудрость.

Ст. 7—11. Въ краткомъ перечисленіи предметовъ, которые должны быть устроены строителями Скинии, упоминаются и одежды Аарона, причѣмъ имъ дается особое названіе (*serád*), смыслъ котораго не ясенъ. Пользуясь указаніемъ перевода греческаго и сличая 35—19 и 39, 41 можно думать, что одежды названы *служебными*, т. е., назначенными для употребленія при священнослуженіи. Такое поясненіе можно усматривать въ дальнѣйшихъ словахъ самого священнаго писателя, при чемъ употребленіе въ еврейскомъ текстѣ однобуквеннаго союза (*u*) можетъ быть сочтено за погрѣшность, не существовавшую въ то время, когда трудились надъ своимъ переводомъ греческіе переводчики.

Нерушимость субботняго покоя (31, 12—17).

Ст. 12. *И сказалъ Иегова Моисею, говоря: (13) скажи ты сынамъ Израиля, говоря: только храните субботы Мои, ибо это—знаменіе между Мною и между вами въ роды ваши, въ наученіе, что Я Иегова, освящающій васъ. (14) Храните субботу, ибо она святыня для васъ: оскверняющій ее смерти преданъ будетъ; ибо всякій дѣлающій работу въ нее,—истреблена будетъ душа та изъ среды народа своего. (15) Шестъ дней будетъ дѣлаться работа, а въ день седьмой—субботи празднованія, святыня Иеговы; всякій, дѣлающій работу въ день субботы, преданъ будетъ смерти. (16) И будутъ сыны Израиля хранить субботу—творить покой въ роды ихъ; (это) завѣтъ вѣчный. (17) Между Мною и между сынами Израиля это—знаменіе на вѣкъ; ибо шесть дней творилъ Иегова небо и землю, а въ день седьмой покоился и почилъ.*

Ст. 12, 13. Повтореніе заповѣди о субботнемъ покоѣ послѣ данныхъ Моисею повелѣній относительно устроенія святилища не такъ нужно объяснять, что будто это повтореніе потребно было въ видахъ удержанія строителей отъ производства работъ по Скинии въ дни субботніе. Заповѣдь повторена для всѣхъ сыновъ Израиля, а не для однихъ строителей Скинии,

повторена съ указаніемъ основаній для самой заповѣди о празднованіи субботы и съ разъясненіемъ великаго значенія субботняго покоя. Посему слѣдуетъ усматривать иную связь между полученными Моисеемъ повелѣніями объ устроеніи святилища и новымъ подтвержденіемъ нерушимости субботняго покоя. Святилище устроится среди народа еврейскаго для служенія Богу. Постоянное исповѣданіе владычества Божія и словомъ и дѣломъ составляетъ истинную сущность сего служенія. Ненарушимое храненіе субботы есть исповѣданіе владычества Божія, выражаемое самымъ дѣломъ. Посему можно передать связь мыслей такъ: „устройте святилище для служенія Мнѣ: при этомъ постоянно помните, что истинное служеніе Мнѣ должно состоять въ исповѣданіи самымъ дѣломъ Моего владычества“. Повтореніемъ заповѣди о нерушимости субботняго покоя не только устраняется мысль о замѣнѣ субботняго празднованія тѣми или другими дѣйствіями, имѣющими совершаться въ новоустроаемомъ святилищѣ, но и указана истинная сущность служенія во святилищѣ.

Субботы Мои. Употребленіе слова *суббота* не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ даетъ основаніе думать, что здѣсь нужно разумѣть не одинъ только седьмой день, но и прочіе дни священнаго покоя отъ работъ, указанные послѣ данныхъ законовъ. Правда, что съ слѣдующаго четырнадцатаго стиха рѣчь идетъ о седьмомъ днѣ недѣли: но вѣтъ никакихъ затрудненій понимать дѣло такъ: „всѣ дни священнаго покоя соблюдайте и въ частности соблюдайте покой седьмаго дня“.

Это - знаменіе между Мною и между вами; знаменіе и въ смыслѣ отличительнаго знака, свидѣтельствующаго о союзѣ между Богомъ и народомъ еврейскимъ, и въ смыслѣ знака, свидѣтельствующаго о вѣрности народа Богу, и въ смыслѣ знака, свидѣтельствующаго, что народъ еврейскій выдѣленъ изъ другихъ народовъ и освященъ Иеговою.

Въ наученіе, что Я - Иегова, освящающій васъ. Соблюденіе праздничнаго покоя должно было наглядно научать исповѣданію владычества Иеговы, освятившаго Свой народъ.

Ст. 14. *Оскверняющій ее смерти преданъ будетъ.* Строгость наказанія достаточно изъясняется значеніемъ субботы, указан-

нымъ въ предшествующемъ стихѣ: сознательное отрицаніе владычества Іеговы должно имѣть своимъ послѣдствіемъ изыятіе отрицателя изъ среды народа Божія. Дѣйствительный случай такого изыятія (Числь 15, 34, 35) заставляетъ думать, что въ разбираемомъ стихѣ указано не правило для судей, а то послѣдствіе, какое по суду Божию произойдетъ для виновнаго въ оскверненіи субботы.

Скрижали откровенія (31, 18).

Ст. 18. *И далъ Онъ Моисею, когда кончилъ говорить съ нимъ на горѣ Синаѣ, двѣ скрижали откровенія, скрижали каменные, писанныя перстомъ Божиимъ.*

Десять заповѣдей, изреченныя самимъ Богомъ въ слухъ всего народа Израильскаго, самимъ же Богомъ даны и въ письмени на двухъ небольшихъ каменныхъ доскахъ, исписанныхъ и съ лицевой и съ задней стороны (Исх. 32, 15). Доски (скрижали) были меньшаго размѣра; это видно и изъ того, что Моисей несъ ихъ въ одной рукѣ, (32, 15), и изъ того, что помѣщеніемъ для нихъ долженъ былъ служить небольшой по своимъ размѣрамъ Ковчегъ Завета. Легкость, съ какою разбились эти доски (32, 19), показываетъ, что они были не толсты.

Служеніе тельцу (32, 1—14).

Ст. 1. *И увидѣлъ народъ, что умедлилъ Моисей сойти съ горы, и собрался народъ къ Аарону и сказалъ ему: встань, сдѣлай намъ боговъ, которые пойдутъ передъ нами; ибо этотъ Моисей, человекъ, который вывелъ насъ изъ земли египетской,— не знаемъ, что стало съ нимъ. (2) И сказалъ имъ Ааронъ: снимите серьги золотыя, которыя въ ушахъ женъ вашихъ, сыволей вашихъ и дочерей вашихъ. и принесите ко мнѣ. (3) И снялъ весь народъ серьги золотыя, которыя въ ушахъ ихъ, и принесли къ Аарону. (4) И взялъ онъ изъ руки ихъ и обдѣлалъ это рѣземъ и сдѣлалъ изъ сего тельца—истуканъ; и сказали они: вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ зем-*

ли египетской! (5) И видѣлъ Ааронъ, и устроилъ жертвенникъ передъ нимъ, и возгласилъ Ааронъ и сказалъ: праздникъ Иеговъ завтра! (6) И встали на другой день рано, и вознесли всесожженіе, и принесли жертвы мира; и съѣлъ народъ ѣсть и пить, и встали играть. (7) И сказалъ Иегова Моисею: поди, сойди; ибо собратился народъ твой, который вывелъ ты изъ земли египетской; (8) уклонились они скоро съ пути, который Я заповѣдалъ имъ: сдѣлали они себѣ тельца—истукана, и поклонились ему, и принесли жертвы ему, и сказали: вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли египетской. (9) И сказалъ Иегова Моисею: вижу народъ сей, и вотъ народъ—жестоковѣйный онъ. (10) И теперь оставь Меня, и возгорится гнѣвъ Мой на нихъ, и истреблю ихъ и сдѣлаю тебя народомъ великимъ. (11) И сталъ умолять Моисей Иегову, Бога своего, и сказалъ: къ чему, Иегова, разгорѣться гнѣву Твоему на народъ Твой, который вывелъ Ты изъ земли египетской силою великою и рукою крепкою! (12) Къ чему будутъ египтяне говорить такъ: на зло вывелъ ихъ, чтобы умертвить ихъ въ горахъ и истребить ихъ съ лица земли. Отступи отъ ярости гнѣва Твоего и отъними зло народу Твоему. (13) Вспомни Авраама, Исаака и Израиля, рабовъ Твоихъ, которымъ клялся Ты Собой и говорилъ имъ: умножу съмя ваше, какъ звѣзды небесныя, и всю землю сію, о которой Я сказалъ, дамъ съмени вашему, и будутъ владѣть во вѣкъ. (14) И отъменилъ Иегова зло, о которомъ сказалъ, что сдѣлаетъ его народу своему.

Ст. 1. Евреи подумали, что они потеряли своего вождя Моисея, подумали потому только, что Моисей долго не сходилъ съ горы, и начали рядъ такихъ дѣйствій, которыя должны были привести ихъ къ гибели. Моисея, думали они, не стало; нужно замѣнить его. Заботу объ этой замѣнѣ они взяли на себя. Мѣсто Моисея они пожелали замѣстити такими вождями, которые, по ихъ мнѣнію, могли бы продолжить дѣло Моисеево: они потребовали отъ Аарона, чтобы онъ сдѣлалъ имъ вождей—боговъ. Донскиваться въ этомъ требованіи проявленія какой-либо ясной и твердой мысли было бы дѣломъ напраснымъ; здѣсь съ ясностію обнаружилось только смутное сознаніе и пугливое ощущеніе безпомощности, въ какой усмо-

трѣлъ себя народъ вслѣдствіе мнимой потери своего вождя—Моисея.

Евреи обратились съ своимъ требованіемъ къ Аарону, а не къ кому-либо—другому, потому вѣроятно, что самъ Моисей на время своего отсутствія оставилъ наказъ обращаться по имѣющимъ возникнуть дѣламъ къ Аарону и Ору (24, 14); могло имѣть значеніе и то, что Ааронъ, какъ братъ Моисея, естественно долженъ былъ и до постановленія въ первосвященника занимать видное мѣсто среди народа.

Ст. 2. Ааронъ, по видимому, не менѣе другихъ былъ наклоненъ считать Моисея пронавшимъ и не нашелъ въ себѣ желанія или рѣшимости (ст. 25) направить народъ на путь истины. Онъ прямо потребовалъ матеріаль для работы,—предложилъ отдать ему золотыя серьги. Предполагать, что требованіе серегъ было со стороны Аарона робкою попыткою отклонить евреевъ отъ ихъ затѣи, то есть, предполагать, что Ааронъ надѣялся встрѣтить отказъ въ серьгахъ, украшеніи и цѣнномъ и любимомъ, нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Нѣтъ такихъ основаній и для предположенія, что Ааронъ желалъ только выиграть время до возвращенія Моисея; произвольно возникло и сказаніе, что сначала евреи обратились съ тѣмъ же требованіемъ къ Ору, за отказъ убили его и тѣмъ устроили Аарона. Что ничего такого не было, это ясно изъ тѣхъ оправданій, которыя Ааронъ приносилъ Моисею (ст. 21—24).

Ст. 3. 4. Народъ охотно разстался съ серьгами и принесъ ихъ Аарону. Какъ изъ этого матеріала Ааронъ сдѣлалъ изображеніе тельца: о семъ трудно судить на основаніи разбираемаго стиха. Употребленъ былъ рѣзецъ. Обыкновенно думаютъ, что онъ употребленъ былъ для отдѣлки на чисто лигатаго изображенія тельца: но отдѣлка на чисто предполагаетъ работу на черно, о которой ничего не сказано. Хотя Ааронъ въ свое оправданіе передъ Моисеемъ (ст. 24) говоритъ, что онъ бросилъ золото въ огонь и что *вышелъ* телець: но это упоминаніе о выливаніи тельца дано въ такомъ видѣ, что отсюда едва ли можно извлечь какое-нибудь другое заключеніе кромѣ того заключенія, что Ааронъ желалъ по возможности очистить себя передъ Моисеемъ, не заботясь о точности разказа. Мож-

но, хотя и не съ полною увѣренностію въ правильности, предложить такое объясненіе разбираемыхъ выраженій четвертаго стиха: получивъ серьги, Ааронъ обдѣлалъ деревянную болванку въ формѣ тельца и украсилъ его сплошь золотыми серьгами. При этомъ объясненіи будетъ понятно и то, къ чему Ааронъ требовалъ золото въ формѣ серегъ, и то, что тельца оказалось возможно сжечь, и обратить въ прахъ (ст. 20).

По устройеніи Аарономъ тельца народъ, желавшій получить себѣ вождей—боговъ на будущее время, въ замѣнъ Моисея, былъ настолько удовлетворенъ, что дошелъ до мысли, будто въ новомъ истуканѣ онъ получилъ себѣ тѣхъ боговъ, которые вывели Израиля изъ земли египетской.

Ст. 5 и 6. *И видѣлъ Ааронъ*, т. е. замѣтилъ, съ какимъ удовольствіемъ народъ встрѣтилъ его произведеніе. Уже не по вызову народа, а по собственному почину онъ устроилъ передъ истуканомъ жертвенникъ и объявилъ, что на другой день будетъ *праздникъ Госовъ*. Этотъ самочинный праздникъ отпразднованъ былъ принесеніемъ жертвъ и играми. Участіе Аарона во всемъ этомъ строго было осуждено Моисеемъ (ст. 21). Изъ Втор. 9, 20 извѣстно, что Ааронъ весьма прогнѣвилъ Бога и спасеніемъ отъ истребленія обязанъ былъ только молитвамъ Моисея.

Ст. 7 и 8. Моисей отъ самого Бога услышалъ рассказъ о томъ, что произошло въ его отсутствіе. *Совратился народъ твой*. Несомнѣнно, что народъ еврейскій по многимъ причинамъ въ рѣчи къ Моисею могъ быть названъ народомъ Моисеевымъ; Моисей очень много сдѣлалъ для своего народа и очень любилъ его; но напрасно было бы спорить и противъ того, что въ виду совершившагося служенія тельцу, трудно было бы ожидать употребленія мѣстоименія: *Мой* вмѣсто *твой*.

Ст. 9 и 10. *Вижу народъ сей, и вотъ народъ—жестоковѣйный онъ*. Евреи дали очевидное доказательство склонности не сгибать свою шею, то есть, являться непослушными. *И теперь оставь Меня*: не обращай ко Мнѣ съ ходатайствомъ за свой народъ; онъ долженъ подлежать истребленію; вмѣсто него отъ тебя произведу великій народъ.

Ст. 11—13. Умоляя объ отмѣнѣ грознаго суда надъ пре-

ступнымъ народомъ, Моисей не пытается умалить вину народа или чѣмъ-нибудь извинить ее; онъ только указываетъ на прежнія благодѣянія Божіи народу (ст. 11), какъ на основаніе и вновь явить милость; указываетъ на злорадство египтянъ (ст. 12); указываетъ на обѣтованія патріархамъ (ст. 13). Любовь человѣческая умолила любовь Божію, и истребленіе народа было отмѣнено.

Дѣйствія Моисея по возвращеніи съ горы. (32, 15—35).

Ст. 15. *И обратился и пошелъ Моисей съ горы; и (были) двѣ скрижали откровенія въ руки его, скрижали писанныя съ обѣихъ сторонъ; отсюда и оттуда онъ исписаны. (16) И скрижали тѣ—дѣло Божіе, и письмо то—письмо Божіе, начертанное на скрижаляхъ. (17) И услышалъ Иисусъ голосъ народа кричавшаго, и сказалъ Моисею: въ станѣ—крикъ сраженія. (18) И сказалъ тотъ: не голосъ кликовъ побѣды, не голосъ кликовъ пораженія, голосъ пѣнія я слышу. (19) И было,—какъ приблизился онъ къ стану и увидѣлъ тѣльца и пляски: разгорѣлся гнѣвъ Моисея, и бросилъ онъ изъ своей руки скрижали, и разбилъ ихъ подъ горою. (20) И взялъ тѣльца, котораго они сдѣлали, и сжегъ его въ огонь, и растеръ въ прахъ, и развѣялъ по водѣ, и напоилъ сыновъ Израиля. (21) И сказалъ Моисей Аарону: что сдѣлалъ тебѣ народъ сей, что ты навелъ на него грѣхъ великій? (22) И сказалъ Ааронъ: да не разгорается гнѣвъ господина моего! Самъ ты знаешь народъ, что золъ онъ. (23) Они сказали мнѣ: сдѣлай намъ боговъ, которые пойдутъ передъ нами; ибо этотъ Моисей, человекъ, который вывелъ насъ изъ земли египетской, не знаемъ, что стало съ нимъ. (24) И я сказалъ имъ: у кого золото, снимайте съ себя; и они дали мнѣ, и бросилъ я его въ огонь, и вышелъ этотъ тѣлецъ. (25) И увидѣлъ Моисей, что народъ сталъ распущенъ потому, что Ааронъ распустилъ его, на позоръ передъ врагами. (26) И сталъ Моисей въ воротахъ стана и сказалъ: кто (въренъ) Геговъ, ко мнѣ! И собрались къ нему всѣ сыны Левія. (27) И сказалъ имъ: такъ говоритъ Гегова, Богъ Израиля: возложите, каждый, свой мечъ на бедро свое, пройдите по стану отъ воротъ до воротъ и обрат-*

но, и убивайте каждый брата своего, и каждый друга своего, и каждый ближняго своего. (28) И сдѣлали сыны Левія по слову Моисея, и пало изъ народа въ тотъ день около трехъ тысячъ человекъ. (29) И сказалъ Моисей: посвящены сегодня руки ваши Иеговь, ибо каждый—на сына своего и на брата своего; и дается вамъ сегодня благословеніе. (30) На слѣдующее утро сказалъ Моисей народу: согрѣшили вы грѣхомъ великимъ; и вотъ взойду я къ Иеговь, не выпрошу ли прощеніе грѣху вашему? (31) И возвратился Моисей къ Иеговь, и сказалъ: о, согрѣшилъ народъ сей грѣхомъ великимъ: сдѣлали себѣ боговъ золотыхъ! (32) Теперь, простишь ли грѣхъ ихъ? Если нѣтъ: то меня, молю, изгладь изъ книги Твоей, которую написалъ Ты. (33) И сказалъ Иегова Моисею: кто согрѣшилъ Мнѣ, того изглажу изъ книги Моей. (34) А теперь ступай, веди народъ, куда Я сказалъ тебѣ. Вотъ, Ангелъ Мой пойдетъ предъ тобою; а въ день взысканія Моего возьму на нихъ грѣхъ ихъ. (35) И поразилъ Иегова народъ за то, что сдѣлали тельца, котораго сдѣлалъ Ааронъ.

Ст. 15—19. Праздникъ, объявленный Аарономъ, еще не кончился, когда Моисей сходилъ съ горы. Спутнику Моисея Иисусу, не знавшему, что дѣлается подъ горою, голоса празднующихъ показались криками сраженія. Моисей не сталъ объяснять Иисусу причину криковъ, ограничившись краткимъ указаніемъ неправильности предположенія, сдѣланнаго Иисусомъ; эта краткость понятна въ виду тѣхъ чувствъ, которыя долженъ былъ испытывать Моисей, приближаясь къ мѣсту преступнаго празднованія. Увидѣвъ тельца и пляски, Моисей въ порывѣ справедливаго негодованія бросилъ и разбилъ скрижали, которыя несъ въ рукѣ.

Ст. 20. Вторымъ дѣломъ Моисея было немедленное истребленіе тельца. Телець былъ сожженъ; не сгорѣвшія части были разбиты, растерты, брошены въ потокъ, текущій съ горы (Втор. 9, 21); водою потока были напоены евреи. Этими дѣйствіями достигнуто было унизительное для измышленнаго вождя (32, 1) и безслѣдное истребленіе истукана.

Ст. 21—24. Непосредственно за истребленіемъ тельца Моисей изслѣдуетъ вину Аарона, прямо обвиняя его въ томъ,

что онъ навелъ на евреевъ великій грѣхъ. Отвѣтъ Аарона, при всемъ желаніи его умалить вину свою, ясно свидѣтельствуеть, что Моисей винилъ его вполне справедливо. Ааронъ ссылается на злость народа, подразумѣвая, конечно, то, что народъ сдѣлалъ бы ему зло (ст. 22); ссылается на предъявленіе народомъ положительнаго требованія сдѣлать боговъ (ст. 23); пытается въ самыхъ легкихъ чертахъ изобразить свою долю участія въ устройствѣ тельца. По его разсказу выходитъ, что онъ только предложилъ носившимъ золото снять съ себя это золото; что они сами дали золото; что Ааронъ только бросилъ его въ огонь, а телець уже образовался самъ собою (ст. 24).

Ст. 25. Изъ объясненій Аарона Моисей вынесъ то убѣжденіе, что Ааронъ виноватъ въ такомъ послабленіи, котораго онъ никакъ не долженъ былъ допускать, и которое покрыло народъ позоромъ даже въ глазахъ постороннихъ. Очевидно, что Моисей далъ не высокую цѣну объясненіямъ своего брата. Изъ Втор. 9, 20 знаемъ, что только молитвамъ Моисея Ааронъ былъ обязанъ оставленіемъ въ живыхъ. Строгое осужденіе дѣйствіямъ Аарона мы можемъ умѣрить приведеніемъ себѣ на память отреченія Апостола Петра. Паденіе Аарона до поставленія въ первосвященника такъ же могло быть омыто слезами горькаго и искреннаго раскаянія, какъ и отреченіе Петра.

Ст. 26, 27 и 28. Послѣ разслѣдованія вины Аарона Моисей сталъ въ воротахъ стана, иначе сказать, вышелъ на площадь и обратился къ народу съ кличемъ: *кто (вѣренъ) Геговъ, ко мнѣ!* На этотъ зовъ собрались *всѣ сыны Левія*, будущіе служители Скинии, составлявшіе въ то время довольно многочисленное колено, болѣе чѣмъ изъ 20,000 душъ мужескаго пола (Числь гл. 3).

Именемъ Божиимъ (ср. ст. 35) Моисей далъ собравшимся сынамъ Левія повелѣніе пройти станъ съ мечемъ въ рукахъ, взадъ и впередъ, отъ однихъ воротъ до другихъ, и предавать смерти ближнихъ своихъ, не взирая на родственныя или дружескія отношенія. Около трехъ тысячъ человѣкъ было убито. Не безъ основанія можно думать, что эти убитые потерпѣли плачевную участь за собственную личную вину, а не за общую вину всего народа. Они, можно думать, продолжали на улицѣ

праздновать свой самочинный праздникъ, продолжали и тогда, какъ уже не мало времени прошло съ возвращенія Моисея въ станъ, продолжали даже и послѣ истребленія тельца, послѣ ясныхъ свидѣтельствъ о негодованіи Моисея на ихъ дѣло. Личной вины въ такомъ упрямомъ сопротивленіи было совершенно достаточно для наказанія строгою карою этихъ упрямецъ, выдѣлившихся изъ среды прочаго народа.

Ст. 29. Дѣло наказанія (ст. 35), исполненное сынами Левія, было дѣломъ служенія Іеговѣ, дѣломъ священнымъ; поему и сказалъ Моисей: *посвящены сегодня руки ваши Іеговѣ*. Слѣдующія за симъ слова: *ибо каждый -- на сына своего и на брата своего* указываютъ, что дѣло, возложенное на исполнителей наказанія, исполнено было ими безъ послабленій, безъ изъятій, основанныхъ на личныхъ отношеніяхъ къ тому или другому изъ виновныхъ. Своимъ образомъ дѣйствій сыны Левія заслужили благословеніе отъ Господа: *дается вамъ сегодня благословеніе*.

Ст. 30. Прежде возвращенія съ Синайской горы въ станъ еврейскій Моисей уже молилъ Бога о сохраненіи народа отъ истребленія за служеніе тельцу (32, 10—13), и Богъ отмѣнилъ зло, которое должно было постигнуть народъ (ст. 14): но отмѣна этого наказанія не была прощеніемъ самаго грѣха. Моисей по любви къ народу своему, желалъ умолилъ Бога о прощеніи грѣха. О своемъ намѣреніи взойти снова на гору и молить о прощеніи Моисей предваряетъ народъ. Это предвареніе могло имѣть большое значеніе и для народа и для Моисея, въ народѣ возбуждая сознаніе грѣха и раскаяніе въ немъ, а для Моисея приготовляя нѣкоторую помощь: чѣмъ больше нашлось бы людей, сердечно кающихся въ грѣхѣ, тѣмъ легче могли быть услышаны мольбы Моисея о прощеніи грѣха.

Ст. 31. 32. Великъ грѣхъ, сдѣланный народомъ; потому Моисей не имѣетъ увѣренности, что грѣхъ можетъ быть прощенъ: *простимъ ли грѣхъ ихъ?* Если прощеніе не можетъ быть даровано, то Моисей предлагаетъ въ жертву свою жизнь: *меня, мою, изгладь изъ книги Твоей, которую написалъ Ты*. Моисей молить подвергнутъ истребленію, въ наказаніе за грѣхъ, его, Моисея, а не народъ. Живая вѣра въ Промыслъ, охраняющій бытіе тварей, нашла для себя выраженіе въ такомъ образномъ представленіи: имена всѣхъ живущихъ записаны въ книгѣ: кто

долженъ перестать жить, имя того вытирается въ книгѣ. Иначе сказать, и начало, и продолженіе, и прекращеніе бытія совершается по волѣ Божіей.

Ст. 33. 34. Сила любви къ народу, выразившаяся съ такою ясностію въ мольбѣ Моисея, вызвала отвѣтъ, свидѣтельствующій, что Богъ хотя и не принялъ предложенное Моисеемъ самопожертвованіе, но и не отвергъ ходатайства его за народъ. *Кто согрѣшилъ, того изгласу.* Иначе сказать: „ты не согрѣшилъ; ты и не подлежишь истребленію. Тебѣ предлежитъ другое дѣло—вести народъ въ землю обѣтованія“. *Веди народъ.* Эти слова открываютъ, что ходатайство Моисея о помилованіи народа не отвергнуто; народъ не осужденъ на немедленное истребленіе.

Вотъ Ангелъ Мой поидетъ предъ тобою. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ (14, 19; 13, 21; 32, 34; 33, 15), названъ Ангеломъ столпъ облачный, служившій мѣстомъ особаго присутствія и явленія Божія. Итакъ, Моисей, ведя народъ, самъ будетъ руководимъ непосредственно Богомъ; это должно было служить новымъ свидѣтельствомъ успѣха Моисеева ходатайства за народъ. *Предъ тобою.* Истинный смыслъ этихъ словъ тотъ же, который съ ясностію указанъ въ слѣдующей главѣ (ст. 3. 4. 9), именно, что слова *предъ тобою* относятся исключительно къ одному Моисею. Ему лично, а не народу обѣщается водительство Божіе. Это—одно изъ свидѣтельствъ гнѣва Божія противъ грѣшнаго народа; другое дается словами: *а въ день взысканія Моего взыщу на нихъ грѣхъ ихъ.* Взысканіе отложено, но не отмѣнено совсѣмъ. Къ будущимъ винамъ причтется и теперешняя вина народа и прибавитъ мѣру взысканія. Въ настоящее же время наказаніе народу ограничивается избіеніемъ тѣхъ упрямцевъ, которые пали отъ меча сыновъ Левія (ст. 28).

Ст. 35. *И поразилъ Госова народъ.* Не о какомъ-либо новомъ наказаніи идетъ здѣсь рѣчь, но о томъ, которое уже послѣдовало по слову Моисея и которое Моисеемъ прямо указано какъ исполненіе воли Божіей (ст. 27, 28).

П. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Въ 1847 году Москва праздновала семисотлѣтіе своего существованія на Руси, такъ какъ впервые въ нашихъ лѣтописяхъ она упоминается подъ 1147 годомъ, подъ именемъ *Московъ—а*¹⁾. Въ виду этого обстоятельства ученые историки и археологи заблаговременно занялись изслѣдованіями о началѣ и семисотлѣтнемъ историческомъ существованіи Москвы. Но такъ какъ они не пришли къ полному соглашенію относительно точнаго опредѣленія времени начала этого существованія, то Государь Императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ праздновать семисотлѣтіе Москвы 1 января 1847 года. Объ этомъ повелѣніи, конечно, въ свое время освѣдомлены были какъ гражданское, такъ и епархіальное начальства Москвы. „Въ Успенскомъ соборѣ,—писалъ по этому случаю изъ Москвы отъ 30 декабря 1846 г. извѣстный археологъ князь М. А. Оболенскій къ В. А. Полѣнову,—будетъ совершена Божественная литургія; вѣроятно при этомъ случаѣ нашъ маститый архипастыръ скажетъ назидательное слово. Это такой фактъ, надъ которымъ задумается и глубокомысленный политикъ, и прони-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 11.

1) «Въ лѣто 6665 (1147),—говорится здѣсь,—приславъ Гюрги (в. кн. Георгій или Юрій Владиміровичъ Долгорукій) и рече (кн. Святославу Олеговичу): «приди ко мнѣ, брате, въ Московъ». См. *Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.* II, 29. Сообщение Ипат. лѣтоп.

дательный дипломатъ, и внимательный археологъ, и любознательный историкъ. Семь столѣтій существованія города, основаннаго въ безлюдной странѣ, въ суровомъ климатѣ, опустошаемаго не одинъ десятокъ разъ, то варварами, то родичами, безпрестанно воевавшими между собою за удѣлы, за родовую месть и за все, за что ни пришлось, — возникновеніе такого города, какъ Москва, и процвѣтаніе его послѣ такихъ несчастій, каковъ, на нашей почти памяти, былъ 1812 годъ, — дѣло не случая и не усилій человѣческихъ, а прямо силы Божіей, постоянно охранявшей нашу столицу, а вмѣстѣ съ нею и всю Россію. Исторія Москвы какъ города, съ ея завѣтною святынею, есть исторія Россіи церковная и гражданская¹⁾. Самъ святитель московскій нѣкоторымъ образомъ подалъ основаніе къ такой надеждѣ на то, что „скажетъ назидательное слово“. Мы не забыли, конечно, того мѣста въ его проповѣди, произнесенной 6 декабря 1846 г. въ Маріинской церкви Вдовьяго дома, въ которомъ святитель-витія, указывая на широту благотворительности въ Москвѣ, говоритъ объ этой благотворительности, какъ причинѣ милосердія Божія къ сему городу во все время существованія послѣдняго и обращаясь къ самому городу, добавляетъ: „смертоносныя раны, не разъ, на твоёмъ долгомъ вѣку, нанесенныя тебѣ то яростію враговъ, то другими бѣдствіями, не могли причинить тебѣ смерти, и ты, не изнемогая, достигаешь семисотлѣтней старости“²⁾. При всемъ томъ святитель не говорилъ проповѣди въ новый 1847 г.³⁾, а произнесъ только по совершеніи литургіи на молебствіи особую, составленную имъ на этотъ случай молитву, и въ объясненіе сего отъ 16 января 1847 года писалъ къ намѣстнику Лавры Антонію слѣдующее: „Вы знаете, что былъ праздникъ семисотлѣтія Москвы. Я не рѣшился говорить на сей случай поученія, частію потому, что праздникъ не казался происшед-

1) *Русск. Архивъ*, 1882, I, 285.

2) *Соч. Фил.*, IV, 469.

3) Проповѣдь говорилъ извѣстный Московскій проповѣдникъ того времени протоіерей С. Г. Терновскій, проповѣдь котораго, по распоряженію генералъ-губернатора кн. Щербатова была напечатана въ *Моск. Вѣд.* 1847 г. № 5. О самомъ же торжествѣ 700-лѣтія Москвы см. № 2.

шимъ изъ свойственнаго источника, частію потому, что, дабы говорить на сей случай нѣсколько удовлетворительно, надобно было имѣть нѣсколько свободнаго времени, котораго я не имѣлъ, чтобы осмотрѣть семьсотъ лѣтъ, и открыть, что не всегда открывается первымъ взглядомъ, и сказать малыми многая. Но когда празднику необходимо стало быть, то моя была обязанность сколько-нибудь выговорить молитву Москвы¹⁾. Эта „Молитва предъ окончаніемъ молебнаго пѣнія, въ новый 1847 г., и въ воспоминаніе седмисотлѣтія царствующаго града Москвы“ не даромъ вошла въ собраніе словъ и рѣчей Филарета изданій 1847—1848 и 1873—1885 годовъ. Не даромъ ожидали отъ Филарета проповѣди въ столь знаменательный праздникъ. Отъ мудраго святителя всегда, бывало, съ нетерпѣніемъ ожидали услышать первое слово по тому или другому болѣе или менѣе важному случаю, по поводу того или другаго, болѣе или менѣе важнаго событія, въ тотъ или другой болѣе или менѣе важный праздникъ; къ его слову внимательно прислушивались; его словомъ провѣряли не только свои личныя мысли и впечатлѣнія, но и газетныя, слѣдовательно, болѣе или менѣе обдуманныя и авторитетныя, сообщенія: все это именно потому, что его слово было словомъ мудраго. И замѣнившая собою, по изъясненнымъ выше причинамъ, проповѣдь молитва подлинно достойна занять мѣсто въ ряду историческихъ проповѣдей Филарета. Въ этой молитвѣ святитель, указавъ сначала на значеніе седмичнаго числа въ Вѣтхомъ завѣтѣ, а затѣмъ на значеніе новаго года въ христіанской церкви, продолжаетъ моленіе къ Господу Вседержителю слѣдующими словами: „Царствующій же градъ сей не мѣсяца токмо и лѣта начало предъ собою нынѣ зреть, и не седмицы дней токмо и лѣтъ исчисляетъ, но, семь протекшихъ надъ нимъ вѣковъ помянувъ, судьбамъ Твоимъ чудится, и въ помышленіи о судьбахъ осьмаго своего вѣка, предъ лицомъ Твоимъ, Царю вѣковъ, благоговѣетъ. Исповѣдуемъ милости Твоя древнія, и о настоящихъ благодаримъ, и о будущихъ молимъ. Славимъ Твое благодатное избраніе, и богатый о насъ Промыслъ, яко малую

1) Письма Фил. къ Ант., II, 290.

и́когда весь во градъ велій возрастилъ еси; и, преже сбытія, еже славному быти граду сему во всѣхъ градѣхъ Россійскихъ, и взыти рукамъ его на плещи врагъ его, и прославитися Тебѣ въ немъ, угодникомъ Твоимъ святителемъ Петромъ предвозвѣстивъ еси ¹⁾, таже и преносимый престоль Православія здѣ утвердилъ еси ²⁾, и корень Единодержавія Всероссійскаго здѣ насадилъ еси ³⁾, и престоль Царства возвысилъ еси, и угасшему свѣтильнику царскаго рода отселѣ съ вящею свѣтлостію возсіяти даровалъ еси ⁴⁾; и святымъ Твоимъ здѣ пожити и во благоуханіи святыхъ почити благоволилъ еси, ихже молитвами овогда убо, аки адамантовою стѣною, отъ напастей ограждалъ еси градъ сей, овогда же и бѣдствующій вскорѣ избавлялъ еси, и во дни наши, мнѣвнійся погибнути, отъ пепела и разрушенія еси возставилъ, и новымъ благолѣпіемъ украсилъ, и обиліемъ исполнилъ ⁵⁾. Отче щедротъ и Господи милости! Призри благосердіемъ на сіе благодарственное исповѣданіе наше, и не остави милости Твоея отъ насъ. Благослови вѣнецъ новаго лѣта благодатію Твоею: и вѣнецъ седми вѣковъ, иже на версѣ царствующаго сего града, и во осмѣмъ да не увядаетъ“. И за тѣмъ слѣдуютъ молитвенныя благожеланія Государю Императору съ Его фамиліею, Церкви и людемъ. А въ заключеніе призывается предстательство Богородицы и святителей Московскихъ въ молитвѣ и возсылается славословіе Трїединому Богу ⁶⁾. Подлинно и въ этой молит-

1) Убѣждая Московскаго князя Іоанна Даниловича Калиту воздвигнуть храмъ во имя Успенія Богоматери (Успенскій соборъ), святитель Петръ митрополитъ говорилъ ему: «если послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ паче иныхъ князей, и градъ твой славенъ будетъ предъ всѣми городами русскими, и святители поживутъ въ немъ, руки его въздуть на плечи враговъ нашихъ, и прославится Богъ нашъ». Филар. Черниг. *Ист. Рус. Церкви*, стр. 79 Спб. 1877.

2) Митрополитская кафедра сперва была въ Кіевѣ, изъ Кіева, по причинѣ разоренія его варварами, перенесена была во Владиміръ на Клязьмѣ, а отсюда въ 1325 году въ Москву.

3) Въ родѣ упомянутаго сейчасъ князя Іоанна Даниловича Калиты, возмѣвшаго благую мысль «собрать всю Русскую землю» вокругъ Москвы.

4) Въ лицѣ перваго царя изъ дома Романовыхъ—Михаила Федоровича.

5) Разумѣется позстановленіе Москвы послѣ французскаго нашествія 1812 г.

6) Соч. Ф. IV, 478—480. Срав. Сушкова. *Зап. о жизни и врем. Филар.*, Прилож. стр. 89—90.

вѣ, которая уже потому, что она есть молитва, а не проповѣдь, должна была быть гораздо короче проповѣди, сказано „малыми многая“. И потому не удивительно, если многіе желали видѣть ее напечатанною во всеобщее свѣдѣніе, утѣшеніе и назиданіе. „Просили и просятъ напечатать ее,—пишетъ самъ Филаретъ въ томъ же письмѣ своемъ къ Антонію,—но это не очень обыкновенно, и трудно найти ей мѣсто на печатныхъ листахъ, гдѣ она не была бы не у мѣста. Подаютъ мнѣ мысль напечатать ее въ прибавленіяхъ къ изданію Святыхъ Отецъ. Прочитайте ее, и скажите мнѣ, покажется ли она вамъ подходящею на дѣло, понятною и могущею подать читающему полезныя мысли“¹⁾. Конечно, молитва найдена вполне таковою и была напечатана въ помянутомъ академическомъ изданіи. Какъ бы подробнѣйшимъ раскрытіемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе существенныхъ историческихъ указаній, заключающихся въ молитвѣ, служить проповѣдь святителя Филарета на память святителя Алексія 12 февраля того же 1847 года. Въ свое время мы подробнѣе разсмотримъ эту проповѣдь; а теперь только скажемъ, что въ ней святитель Филаретъ между прочимъ излагаетъ ясныя и обстоятельныя мысли о связи между Церковію и Государствомъ въ Россіи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не прерывавшейся и приносившей громадную обоюдную пользу²⁾. А между тѣмъ въ томъ же 1847 году, въ началѣ сентября сего года, и самъ Государь благоволилъ посѣтить свою первопрестольную столицу. Предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ, святитель Московскій встрѣтилъ Его слѣдующею рѣчью: „Благочестивѣйшій Государь! И сей годъ будетъ свѣтель въ лѣтописи Твоей древней столицы, свѣтомъ Твоего въ ней присутствія.—Петръ Великій, направляя жизнь Россіи ко внѣшнимъ сношеніямъ, далъ ей другую столицу: Ты, Благочестивѣйшій Государь, возвышая внутреннюю жизнь Россіи, кажется, изъ двухъ столицъ дѣлаешь одну, одинаково полнымъ вниманіемъ Твоимъ къ обѣимъ, частымъ благотворнымъ присутствіемъ Твоимъ въ древней, и сближе-

1) Письма Ф. къ Ант. II, 290.

2) Соч. Ф. IV 484—485.

ніемъ ихъ, чрезъ улучшеніе и усиленіе сообщеній.—Радостными и благодарными сердцами взываемъ къ Царю Царей о продолженіи и умноженіи благословеній Его надъ Тобою и надъ всѣми вѣтвями и отраслями Твоего державнаго рода¹⁾. Между тѣмъ какъ упомянутое слово въ день святителя Алексія 12 февраля служило разъясненіемъ къ историческому прошлому Москвы, кратко очерченному въ „молитвѣ“, въ періодъ собственно, такъ называемый, Московскій, приведенная сейчасъ рѣчь, исходя отъ того момента въ историческомъ прошломъ той же Москвы, съ котораго она должна была уступить и все болѣе и болѣе уступать часть своихъ правъ и своей славы, какъ столица, основанной Петромъ сѣверной столицѣ,—Петербургу, служить наилучшимъ истолкованіемъ и дополненіемъ того въ „молитвѣ“, что въ ней касается до остальныхъ полутора столѣтъ изъ семисотлѣтняго историческаго существованія Москвы. При этомъ нельзя не отмѣтить какъ глубоко патріотическихъ чертъ, которыми она запечатлѣна сама и которыя указываетъ она въ Императорѣ Николаѣ, такъ и нѣкоторыхъ новыхъ намековъ на современныя событія, исполненіе коихъ окончательное состоялось уже ко дню 25-лѣтняго юбилея царствованія Николая. Разумѣемъ начало устроенія Николаевской желѣзной дороги, соединяющей Петербургъ съ Москвою, и нѣкоторыя другія, съ тѣмъ связанныя преобразованія путей сообщенія.

Въ ноябрѣ 1854 года скончалась родная сестра уже извѣстнаго намъ изъ предшествующаго періода (1821—1825) нашего настоящаго изслѣдованія родовитаго князя и вельможи Сергія Михайловича Голицына, княжна Анастасія Михайловна Голицына, въ глубокой старости, въ домѣ своего брата. Филаретъ зналъ ее (какъ и всю семью Голицыныхъ) издавна за добродѣтельную и благочестивую старицу, не разъ оказывавшую и ему самому и его роднымъ многія и разнообразныя услуги изъ истинно христіанской любви и глубокаго къ нему уваженія²⁾. Въ свою очередь и Филаретъ питалъ къ ней искреннее

1) Соч. Ф. IV, 612.

2) См. для сего *Чтен. въ Об. мѣб. д. просв.* 1868: IV, 88. 93. 94. 99; V 88. *Матеріаловъ для біогр. Филарета*;—*Письма Филар.* къ родн. стр. 375. 387. 936;—

расположеніе и уваженіе, не рѣдко посѣщаль ихъ домъ (на Волхонкѣ, противъ Храма Христа Спасителя) и любилъ бесѣдовать съ нею о духовныхъ предметахъ. Еще чаще ѣздила къ нему княжна, обыкновенно съ братомъ или другими родными и близкими знакомыми, также для духовныхъ собесѣдованій или по какимъ-либо дѣламъ, по большей части тѣсно связаннымъ съ ея благодѣяніями кому-либо. Такъ, напримѣръ, однажды она пріѣхала къ нему въ одной каретѣ съ другою благочестивою старицею, также пользовавшеюся расположеніемъ святителя, извѣстною Спасобородинскою игуменіею Маріею (Тучковою) и, сидя уже въ гостинной у митрополита Филарета, простодушно сказала ему: „у насъ съ игуменіею былъ дорбогой споръ: кого изъ насъ вы больше любите?“ Архипастырь съ свойственнымъ ему остроуміемъ и находчивостію отвѣчалъ: „и ту и другую больше“¹⁾. Таковы были отношенія святителя Филарета къ этой, по его же словамъ, „вѣтви древняго величественнаго древа“²⁾. И вотъ, когда 90-лѣтняя старица скончалась³⁾, Филареть, давно уже отвыкшій говорить надгробныя слова, частію по просьбѣ ея родныхъ, конечно, а главнымъ образомъ по влеченію собственнаго къ усопшей расположенія сердечнаго, рѣшилъ почтить ее таковымъ словомъ. „Проводили мы,—писаль онъ отъ 29 ноября 1854 года къ А. Н. Муравьеву,—добрую старицу княжну Анастасію Михайловну: и я напутствовалъ ее нѣсколькими словами, чего не дѣлалъ около тридцати лѣтъ“⁴⁾. Въ самомъ дѣлѣ, со времени произнесенія надгробныхъ словъ по въ Бозѣ почившемъ императорѣ Александрѣ Павловичѣ и императрицѣ Елисаветѣ Алексіевнѣ въ 1826 году святитель Филареть не говорилъ ни одной подобной проповѣди доселѣ, хотя многихъ, болѣе или менѣе по-

Письма его же къ кн. С. М. Голицы. стр. 7. 9. 23. 26. 29; *Письма къ Ант. II,* 394. 492. 492; *Письмо къ А. Н. Мур.* стр. 311—312 и др.

1) *Душен. Чт.* 1884, III, 245.

2) *Чтен. въ Общ. л. о. просв.* 1868, V, 88 «Матеріаловъ для біогра. Филарета». Рѣчь здѣсь объ одномъ изъ членовъ того же рода Голицыныхъ.

3) Уже въ 1849 году А. Н. Муравьевъ, также близко знавшій Голицыныхъ насчитывалъ княжнѣ А. М. Голицыной 85 лѣтъ. См. *Письма Ф. къ А. Н. Мур.* стр. 311 примѣч. Она скончалась дѣвницею.

4) *Письма Ф. къ А. Н. Муравьеву,* стр. 459.

чтенныхъ особъ самъ отпѣвалъ; а теперь рѣшился побесѣдовать съ отшедшею отъ міра сего княжною Анастасією Михайловною, какъ еще и при жизни ея онъ, по его же словамъ, „желалъ нерѣдко бесѣдовать съ нею“¹⁾. Эта его „Бесѣда при гробѣ новопреставленной княжны Анастасіи Михайловны Голицыной“, произнесенная 13 ноября 1854 года, при отпѣваніи ея, въ церкви Божіей Матери, иконы ея Ржевскія, вмѣстѣ съ тѣмъ служить и наилучшимъ дополненіемъ къ сообщеннымъ сейчасъ нами краткимъ свѣдѣніямъ о самой усопшей. Вотъ эта „Бесѣда“, въ основныхъ ея чертахъ, важныхъ для настоящей цѣли нашего изслѣдованія. „Рѣдко, и только покоряясь необходимости,—говоритъ нашъ святитель-витія,—бесѣдовалъ я при гробахъ усопшихъ“²⁾. Не пужна для нихъ повѣсть о ихъ жизни и похвала, исчезающая въ воздухѣ: а благопотребна и полезна молитва о ихъ вѣчномъ покоѣ. А для окружающихъ гробъ зрѣлище смертныхъ останковъ челоувѣчества, думаю, вразумительнѣе и поучительнѣе всякаго слова говорить о ничтожности всего земнаго, о неизбѣжной для каждаго смерти, о невидимомъ мірѣ, о сокровенной вѣчности, въ которую ведетъ насъ одна узкая дверь смерти, но которая безмѣрно пространнѣе видимаго временнаго міра, и въ которой есть *многія обители* горнія и преисподнія, невечерній день и безконечная ночь, вѣчный свѣтъ и неугасимый огонь, вѣчный покой и вѣчное мученіе, вѣчная жизнь и вѣчная неумирающая смерть. Но ты, провождаемая нынѣ въ вѣчность, благовѣрная княжна Анастасія, прежде отшествія твоего, неоднократно о пути и приготовленіи къ вѣчности, о благоустроеніи души, объ очищеніи и воздѣланіи земли сердца, о благовременномъ насѣяніи въ немъ сѣмянъ вѣчнаго покоя, такъ занимательно бесѣдовала со мною, что мнѣ трудно вдругъ пресѣчь собесѣдованіе съ тобою, и удержаться отъ малаго, по крайней мѣрѣ, послѣдняго слова предъ послѣднимъ молчаніемъ. При томъ же, теперь могу дать себѣ свободу сказать о тебѣ нѣчто и такое,

1) *Ут. въ об. люб. д. просв.*, 1868, V, 88 «Матеріаловъ для біогр. Филар.».

2) Кромѣ выше упомянутыхъ надгробныхъ проповѣдей въ честь Императора Александра I и его Супруги, Филаретъ произнесъ только пять надгробныхъ же проповѣдей еще въ бытность свою въ Петербургѣ, въ 1811—1817 годахъ.

чего прежде не могъ сказать тебѣ, чтобы не возмутить твоего смиренія“. Послѣ такого искуснаго и краснорѣчиваго вступленія, святитель—витія начинаетъ самую бесѣду свою съ усопшей, характеристикою послѣдней. „Отрасль рода, издревле возвышеннаго,—говоритъ онъ,—доблестями своихъ членовъ оправдавшаго предъ отечествомъ достоинство своего званія,—вѣтвь семейства, которому если бы я не приписалъ наслѣдственнаго благочестія, то меня обличилъ бы наслѣдственно пребывающій въ его домѣ храмъ, исполненный частыхъ молитвъ,—княжна Анастасія въ тихомъ крутѣ семейства, какъ кринь въ юдоли, долго цвѣла въ благолѣпн дѣвства и цѣломудрія, въ благоуханнн благочестія и доброты сердечной; и тогда, какъ съ умноженіемъ дней увядалъ цвѣтъ ея жизни, не уменьшалось, а возрастало благоуханіе благочестія и доброты. Неизвѣстна мнѣ первая большая половина ея жизни: но въ продолженіе болѣе тридцати послѣднихъ лѣтъ зналъ я ее всегда удаленною отъ суеты и увеселеній міра, преданною Церкви, молитвѣ и духовному поученію, мирною въ семействѣ, любящею благотворить, и особенно такъ, чтобы не вѣдала шуйца, что творитъ десница. При постепенномъ уменьшеніи крѣпости тѣлесной, трудъ ноцной молитвы простирала она иногда до того, что въ изнеможеніи упадала предъ святынею, предъ которою колѣнопреклоненно молилась, и непризываемый ею сонъ приходилъ обновить ея силы. При попеченіи присныхъ и ближнихъ о ея спокойствіи, она имѣла однако иногда скорбь: о чемъ, думаете?—о томъ, что по немощи не могла, или не довольно часто могла быть въ церкви при священнодѣйствѣнномъ богослуженіи, хотя нѣкоторыя части богослуженія нерѣдко совершались въ ея собственной храминѣ, исполненной отцепреданною святынею. Съ нѣкотораго времени, разсудивъ, что можетъ быть призвана отъ сей жизни внезапно, и желая отойти со Христомъ, она чаще прежняго пріобщалась Божественнаго Тѣла и Крови Христовы: но Богъ даровалъ ей и сіе знаменіе христіанской непостыдной кончины, что и предъ самымъ преставленіемъ своимъ она пріяла напутствіе священныхъ Таинствъ“. Далѣе витія дѣлаетъ отъ характеристики почившей такой переходъ къ наставленію или поучительной части бесѣды: „Утѣ-

шительно видѣть добрую жизнь, благословенную долготѣемъ: потому что одно изъ благословеній Божіихъ есть—*долгомытенъ будеши на земли* (Исх. 20, 22). Но вотъ и благословенное долготѣемъ поприще жизни нашло свой предѣлъ; странствованіе христіанской души, взыскующей града грядущаго, кончилось, отворилась темная дверь вѣчности и душа скрылась въ ней, оставивъ здѣсь, какъ въ преддверіи дома, дорожную одежду, брѣнное тѣло, дабы надъ тѣмъ, что въ немъ есть отъ ветхаго Адама, исполнился древній судъ: *земля еси, и въ землю отзидеши* (Быт. 3, 19)⁴. И затѣмъ, въ рѣшеніе вопроса: что же за гробомъ? витія даетъ отвѣтъ словами гласа съ небесе, который слышанъ былъ тайновидцемъ Іоанномъ Богословомъ: *блаженни мертви умирающіи о Господь отнынѣ: ей, глаголетъ Духъ, да почиютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними* (Апок. 14, 13). Потомъ естественно всю силу поучительности этого изреченія сосредоточивъ на словахъ его: *умирающіи* именно *о Господь*, витія заключаетъ свою бесѣду съ почившею такими словами обращенія къ ней: „Имѣемъ основаніе вѣрить, что сей вождѣльный гласъ коснулся тебя, благовѣрная душа княжны Анастасіи. Иди съ миромъ къ горнему Іерусалиму, сопровождаемая молитвами любви; и молись взаимно, да не угасаетъ твой достойно чтимый родъ, и да продолжаетъ въ немъ жить и дѣйствовать древнее благочестіе. Аминь“¹⁾. Похвалою благочестію въ Бозѣ почившей княжны А. М. Голицыной и ея рода святитель-витія какъ бы засвидѣтельствовалъ о томъ идеалѣ, осуществленіе котораго онъ всегда желалъ видѣть въ своихъ пасомыхъ и къ осуществленію же котораго онъ всегда направлялъ поучительное слово своей проповѣди. Къ этому, какъ мы припомнимъ, вель онъ между прочимъ свое слово по случаю пожаровъ 1834 года; объ этомъ молился въ Молитвѣ по случаю воспоминанія семисотлѣтія Москвы; этотъ идеалъ или образецъ представлялъ онъ въ личности святителя Алексія въ своей проповѣди 12 февраля юбилейнаго для Москвы 1847 года; при чемъ, въ противоположность св. Алексію, не даромъ говорилъ:

1) Соч. Ф. V. 278—281.

„хорошо было бы, если бы на него умѣли, какъ должно, посмотреть и нѣкоторые дѣти бояръ¹⁾, по крайней мѣрѣ для того, чтобы не почитать себя очень любомудрыми и очень возвышенно мыслящими, когда они, поспѣшно вышедъ изъ училища, не столько стремятся къ подвигамъ и пользамъ отечества, сколько преслѣдуютъ призраки почестей, или кружатся въ вихрѣ суеты и роскоши“²⁾. и т. д. Ибо онъ крѣпко вѣрилъ и глубоко сознавалъ, что только подъ этимъ условіемъ, т. е. подъ условіемъ истиннаго благочестія, его пасомые могутъ быть какъ достойными чадами общей матери—Церкви, такъ и добрыми гражданами, истинными сынами Отечества, приносящими послѣднему настоящую пользу и искренно радѣющими о ней. Въ этомъ состоитъ одно изъ существенныхъ выраженій союза между Церковію и государствомъ. Но та же похвала и характеристика личности въ Бозѣ почившей княжны Голицыной, принадлежавшей къ свѣтскому, гражданскому кругу лицъ, относившихся къ Московской епархіи, представляетъ для насъ и удобный случай къ переходу отъ предшествующаго въ нашемъ настоящемъ изслѣдованіи къ послѣдующему, именно,—къ характеристикѣ лицъ церковнаго управленія Московско-Московской епархіи за время царствованія Николая Павловича, по проповѣдямъ Филарета. При этомъ, по прежнему, мы начнемъ съ викаріевъ первосвятителя Московскаго.

Въ 30-лѣтній періодъ царствованія Николая Павловича у святителя Филарета перебыло (вступно и невступно) восемь викаріевъ, изъ коихъ первый, уже извѣстный намъ Кириллъ Богословскій—Платоновъ, прослужилъ съ нимъ въ это царствованіе лишь немногимъ менѣе, нежели полтора года, а послѣдній—Алексій Ржаницынъ—ровно полтора года; остальное же время служенія того и другого принадлежало,—перваго—предшествующему, а втораго—послѣдующему царствованіямъ. Изъ нихъ цѣлыхъ четверо, а съ Кирилломъ (о которомъ уже была рѣчь за предшествующее царствованіе) и пятеро получили и

1) Какъ извѣстно, святитель Алексій митрополитъ происходилъ изъ знатнаго боярскаго рода, какъ и Голицыны.

2) Соч. Ф. IV, 481—482.

рукоположеніе во епископа отъ святителя Филарета и именно въ его епархіальномъ градѣ Москвѣ, при чемъ не оставлены были и поученіемъ отъ своего рукоположителя въ обычныхъ по сему случаю рѣчахъ его; остальные же трое рукоположены были не Филаретомъ или хотя и имъ, но при рукоположеніи которыхъ онъ не говорилъ рѣчей. Въ порядкѣ времени служенія это были слѣдующіе викаріи: Кириллъ (вышеупомянутый), прослужившій до 26 марта 1827 г.; Иннокентій Сельно-Криновъ съ 23 мая 1827 г. до 31 марта 1831 г.; Николай Соколовъ съ 8 іюня 1831 г. (когда Филаретъ хотя и въ Москвѣ былъ, но былъ боленъ и лѣчился, съ трудомъ совершивъ рукоположеніе его, до 2 октября 1834 г.; Исидоръ Никольскій (доселѣ здравствующій въ санѣ митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго и въ званіи первенствующаго члена св. синода) отъ 11 ноября 1834 г. и до 5 іюня 1837 г.; Виталій Щепетевъ съ 27 іюня 1837 г. до 14 ноября 1842 г.; Іосифъ Богословскій съ 27 декабря 1842 г. до 20 ноября 1849 г.; Филофей Успенскій (въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій) съ 18 декабря 1849 года до 19 августа 1853 года и Алексій Ржаницынъ, съ 20 сентября 1853 года и до конца царствованія Николая I. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ викаріевъ Филарета не были изъ числа его питомцевъ или по воспитанію въ подвѣдомыхъ ему духовно-учебныхъ заведеніяхъ или же по служенію въ его епархіи, онъ ко всѣмъ имъ относился истинно отечески и братски ¹⁾, но съ нѣкоторыми имѣлъ особенно сердечныя отношенія и удостоивалъ ихъ особеннаго довѣрія. И замѣчательное дѣло! Эта особенная сердечность отношеній, особенное довѣріе падало на тѣхъ викаріевъ, которыхъ святитель Московскій не только самъ рукополагалъ, но и по руко-

1) Доказательствомъ этого служатъ сохранившаяся доселѣ отчасти въ рукописномъ, а по большей части въ печатномъ видѣ обширная переписка Филарета съ своими викаріями, обыкновенно продолжавшаяся и въ то время, когда послѣдніе переставали быть викаріями Филарета. Такъ, напримѣръ, письма Филарета къ Иннокентію напечатаны въ *Прибавленіяхъ къ таир. св. Отц.* за 1871, 1872 и 1886 годы; письма его къ Николаю—въ *Чтеніяхъ въ Общ. люд. д. просв.* за 1869 и 1870 г.;—къ Іосифу тамъ же за 1871 г. и т. д.; а письма къ Кириллу, Исидору и пѣ. др. въ большей своей части хранятся еще въ рукописномъ видѣ.

положеніи наставлялъ поучительною рѣчью. Объ этихъ-то главнымъ образомъ викаріяхъ мы и будемъ здѣсь, какъ само собою разумѣется, говорить. Первымъ изъ таковыхъ въ царствованіе Николая Павловича является высокопреосвященнѣйшій Исидоръ, нынѣшній митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. Не смотря на то, что онъ довершалъ свое образованіе въ С.-Петербургской духовной академіи тогда, когда Филаретъ уже не состоялъ ея ректоромъ (именно въ 1821—1825 годахъ) и за тѣмъ поступилъ на службу въ Московскій духовно-учебный округъ (сперва въ Орловскую, а потомъ въ Московскую духовную семинарію ректоромъ) лишь съ 1829 г., Филаретъ скоро понялъ и оцѣнилъ высокія достоинства молодаго инока и уже въ 1834 году, на 35 году жизни послѣдняго, представилъ его къ посвященію во епископы-викаріи. Ноября 9 состоялось, согласно этому представленію, нареченіе, а 11 числа того же мѣсяца и самое рукоположеніе въ санъ епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Рукоположеніе совершали, съ митрополитомъ Филаретомъ во главѣ, преосвященные: Экзархъ Грузіи, архіепископъ Евгеній (Баженовъ), Героеей, архіепископъ Таворскій, бывшій викарій Московскій, Калужскій епископъ Николай (Соколовъ) и уволенные отъ управленія епархіями епископы Діонисій и Ааронъ ¹⁾. Послѣ рукоположенія, совершеннаго такимъ многочисленнымъ соборомъ архипастырей, первостоятель сего собора, святитель Филаретъ обратился къ новорукоположенному съ слѣдующею рѣчью: „Послѣ того, какъ соединенною молитвою сопастырей призвана тебѣ Божественная благодать *пророчествующая*, то есть, чрезъ рукоположеніе нисходящая и возводящая;—послѣ того, какъ сія благодать, чрезъ открытій ею самую протокъ молитвы и рукоположеніе, безъ сомнѣнія, дѣйствительно изліялась на душу твою;—послѣ того, какъ нашими смиренными руками, она же облекла тебя въ полноту священныхъ одеждъ,—священныхъ, потому, что онѣ суть не просто украшенія, но знаменія даровъ и добродѣтелей, которыми Пастырепачальникъ Господь Иисусъ обла-

¹⁾ Духовн. Чит. 1884, III, 373.

часть души Богу посвящаемыя ¹⁾);—наконецъ, послѣ того какъ сія же благодать обновила въ тебѣ свой даръ тайнодѣйствованіемъ и чрезъ тебя съ нами:—чинъ святыхъ Церкви повелѣваетъ мнѣ начатое словомъ молитвы заключить словомъ напоминанія и совѣта“.—И за тѣмъ преподавъ новому епископу глубоко назидательное и въ то же время истинно отеческое наставленіе, на основаніи словъ св. Апостола Павла къ Тимоею: *вспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій, живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (2 Тим. 1, 6). Ибо,—съ обычною скромностію замѣчаетъ нашъ витія,—„не хочу сказать тебѣ моего слова, немощнаго и безжизненнаго. Чтобы запечатлѣть живое дѣло Святаго Духа, ищу живаго слова, тѣмъ же Духомъ вдохновеннаго“. А чтобы напередъ утвердить новорукположеннаго въ мысли, что приведенныя слова прямо могутъ къ нему относиться, святитель-витія говоритъ предварительно наставленія: „Для особеннаго твоего настоящаго положенія, можетъ быть, не излишне будетъ замѣтить и то, что Тимоеей является у Апостола не самостоятельнымъ Епископомъ града Ефеса, но какъ бы мѣсто блюстителемъ, или, по нынѣшнему иноязычному названію, *викаріемъ* святаго Павла“,—въ доказательство чего приводитъ слова того же св. Ап. Павла о Тимоееѣ изъ 1. Тим. 3, 14. 15. И далѣе дѣлаетъ самое наставленіе, выясняя обстоятельно каждое выраженіе принятаго въ основаніе поученія текста и какъ на средства къ возгрѣванію дара Божія (въ чемъ и заключается вся сила наставленія), указывая на „молитву, слово Божіе, ревность и вѣрность въ порученномъ дѣйствованіи, терпѣніе въ трудностяхъ, любовь Креста Христова, неуклонное зрѣніе на образъ Христовъ, который долженъ быть,—говоритъ витія,—нашимъ отличіемъ, не столько на персяхъ и на сердцѣ, сколько въ персяхъ и въ сердцѣ“ ²⁾. Кому изъ интересующихся церковною жизнію въ нашемъ отечествѣ не извѣстно, на сколько вѣрно рукоположенный тогда во епископа преосвященнѣйшій

¹⁾ Въ *Христ. Чт.* за 1835 г. и въ Собр. 1835 года добавлено: «я Богомъ освящаемыя».

²⁾ *Соч. Ф.* III, 283—285.

Исидоръ, въ дальнѣйшемъ своемъ служеніи Церкви ¹⁾, исполнялъ и исполняетъ это наставленіе своего рукоположителя, и въ свою очередь какъ высоко цѣнилъ его за это самъ Филаретъ, не только частно выражая полное одобреніе его служенію и поощряя его, но и рекомендуя его людямъ имѣвшимъ власть и вліяніе на перемѣны въ іерархіи?

Въ 1842 году, какъ намъ извѣстно, совершились въ Петербургѣ событія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ безвозвратное удаленіе митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго на свои епархіи. Имѣли эти событія, конечно, и свою неприятную сторону; но не даромъ мы вѣруемъ, что если что устрояетъ съ нами Господь, то все къ лучшему. Въ прежніе годы Филаретъ обыкновенно на величайшіе праздники Рождества Христова и Пасхи оставлялъ паству свою безъ своего личнаго среди ея присутствія. А съ 1842 года этого уже не могло быть. Праздникъ же Рождества Христова, именно, 1842 года озарился для Москвичей еще и новою къ тому радостію,—рукоположеніемъ въ Москвѣ викарія на мѣсто выбывшаго въ семь году въ епископы Костромскіе преемника преосвященному Исидору Виталія (Щепетева). Описывая всѣ эти предметы ожидаемой радости Москвичей, одинъ изъ послѣднихъ, выше упомянутый князь М. А. Оболенскій, въ своемъ письмѣ къ Полѣнову отъ 24 декабря 1842 года, упомянувъ о нѣкоторыхъ сладкихъ плодахъ ученой дѣятельности Москвы, говоритъ: „Не менѣе наслажденій и чисто-духовныхъ готовитъ намъ предстоящій праздникъ. Давно, очень давно, первопрестольная не видѣла въ это время въ стѣнахъ своихъ архипастыря ²⁾. Но теперь она вмѣстѣ съ высокопреосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ будетъ возсылать свои теплыя молитвы и внимать его глубоко назидательнымъ поученіямъ и бесѣдамъ. Даже болѣе: она увидитъ, какъ этотъ маститый первосвятитель рукоположитъ

¹⁾ Изъ викаріевъ Московскихъ преосвященнѣйшій Исидоръ назначенъ былъ въ 1837 году епископомъ Колоцкимъ, за тѣмъ въ 1840 году архіепископомъ Могилевскимъ, въ 1844 году экзархомъ Грузіи, въ 1858 году митрополитомъ Кіевскимъ, а въ 1860 году митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ.

²⁾ Въ послѣдній разъ зиму и раннюю весну Филаретъ провелъ въ Москвѣ по особымъ обстоятельствамъ въ 1834—1835 году.

своего помощника въ дѣлахъ наставленія и управленія своей любимой паствы. И этотъ помощникъ избранъ изъ нашей же Москвы ¹⁾ Законоспасскаго монастыря архимандритъ, духовной семинаріи ректоръ и богословскихъ наукъ наставникъ Іосифъ ²⁾. Іосифъ, не смотря на то, что не обладалъ высокими умственными дарованіями и обширною ученостію ³⁾, въ противоположность большинству викаріевъ Филарета, обладалъ за то во всѣхъ другихъ отношеніяхъ высокими достоинствами, дававшими ему полное право на высокое къ нему со стороны всѣхъ уваженіе. Какъ ректоръ, онъ былъ „высокій труженикъ, подвижникъ долга, монахъ примѣрной жизни, нелицепріятный начальникъ“, по отзыву одного изъ его бывшихъ учениковъ ⁴⁾. Чистота его понятій, святость жизни, любвеобиліе хорошо извѣстны всѣмъ, кто зналъ его по Москвѣ, въ довольно долгій періодъ его въ ней пребыванія ⁵⁾. Когда въ концѣ 1841 года стала вакантною должность ректора въ Московской духовной академіи, то Филаретъ не обинуясь писалъ къ графу Протасову: „для управленія академіею могъ бы быть удовлетворителенъ ректоръ Московской семинаріи Іосифъ; но онъ не имѣетъ степени магистра“ ⁶⁾. Для занятія же должности викарія въ слѣдующемъ 1842 году Филаретъ нисколько не усумнился призвать Іосифа. Рукоположеніе послѣдняго состоялось 27 декабря того же 1842 года въ кафедральной церкви святителя Алексія (въ Чудовѣ монастырѣ). По рукоположеніи преосвященнаго Іосифа Филаретъ и ему, какъ преосвященному Исидору, преподалъ наставленіе, но, не смотря на одинаковость

¹⁾ Изъ прежнихъ викаріевъ Иннокентій, Николай и Виталій были не изъ Москвы избраны въ викаріи.

²⁾ *Русск. Арх.* 1882, I, 268.

³⁾ Онъ не имѣлъ степени и магистра, а былъ кандидатъ богословія.

⁴⁾ Н. П. Гилярова-Платонова. *Изъ Пережитаго II*, 183—184. Москва, 1886.

⁵⁾ Срав. тамъ же, стр. 182 и дал. Окончивъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1828 году, онъ потомъ цѣлыя 20 лѣтъ слишкомъ провелъ на службѣ въ предѣлахъ Московской епархіи,—до 1829 года въ качествѣ смотрителя Церервинскаго духовнаго училища, до 1834 года въ должности инспектора, а съ сего года въ должности ректора Московской духовной семинаріи. Викаріемъ же пребылъ до 1849 года.

⁶⁾ *Собр. мн. и отв. Филар.* т. дополн. стр. 81 Спб. 1887.

случая, совершенно различное отъ того наставленія. „Священнымъ призваніемъ и совершившимся нынѣ освященіемъ приобщенный къ собору сосвященно-начальствующимъ и наставляющимъ въ Церкви,—такъ началъ святитель Филаретъ свое наставленіе новорукоположенному епископу Іосифу,—по ея же уставу, ты стойшь на краткое время здѣсь еще, какъ священно-начальствуемый и церковно наставляемый. Безъ сомнѣнія, и ты не желалъ бы утратить сіи минуты, и я призванъ споспѣшествовать, чтобы онѣ для тебя не были утрачены. И безъ меня разумѣешь, что совершилось нынѣ надъ тобою: но, по Апостольскому слову и примѣру. и знаемое напомнить, *мнѣ убо нехотѣно, тебѣ же твердо* (Филип. 3, 1)“. И далѣе слѣдуетъ самое наставленіе, которое состоитъ въ столь же обстоятельномъ, какъ и въ 1834 году при рукоположеніи преосвященнаго Исидора, разъясненіи, но только не текста священнаго писанія, какъ тогда, а обрядовыхъ дѣйствій рукоположенія во епископа, или чина рукоположенія, весьма любопытномъ въ церковно-археологическомъ отношеніи. Въ заключеніе же наставленія первосвятитель Московскій, какъ первостоятель собора архипастырей—участниковъ рукоположенія, обращаясь къ тому же новорукоположенному, говоритъ съ особенно сильнымъ выраженіемъ: „Наипаче молимъ, Боголюбезный Братъ, творити молитвы о Благочестивѣйшемъ Самодержцѣ нашемъ Николаѣ Павловичѣ, благотворномъ защитникѣ святыя Церкви и покровителѣ служащихъ ей, и о всѣмъ Августѣйшемъ Домѣ Его, о мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и благоденствіи православной Россіи, наконецъ и о тѣхъ, которые по волѣ Божіей послужили твоему избранію и освященію“¹⁾. И какъ къ прежнимъ викаріямъ, такъ и къ новорукоположенному Іосифу съ тѣхъ поръ святитель Филаретъ сталъ въ искреннія отношенія отца, старшаго брата и друга, являясь мудрымъ совѣтникомъ и руководителемъ въ дѣлахъ управленія не только Московскою же епархіею, но и тѣми епархіями, какими Богъ

¹⁾ Соч. Ф. IV, 226—228. Эти заключительныя слова имѣли особенное значеніе въ виду извѣстныхъ намъ событій первой половины того (1842) года, совершившихся въ Петербургѣ по отношенію къ Филарету.

судиль Іосифу управлять по оставленіи должности викарія Московскаго ¹⁾); какъ о томъ свидѣтельствуяютъ многія письма Филарета къ Іосифу, напечатанныя въ *Чтеніяхъ въ общество любителей духовнаго просвѣщенія* за 1871 годъ, и къ другимъ лицамъ. Такъ, между прочимъ, преосвященнаго Іосифа, въ бытность его архіепископомъ Воронежскимъ, Господь сподобилъ быть ближайшимъ свидѣтелемъ открытія св. мощей святителя Тихона въ 1861 году, при чемъ лично участвовалъ въ семъ открытіи также и высокопреосвященный Исидоръ, а заочно живѣйшее въ томъ же участіе принималъ и святитель Московскій Филаретъ ²⁾). Не болѣе, какъ чрезъ три года послѣ сего Іосифъ, по причинѣ слабости зрѣнія, долженъ былъ удалиться на покой, послѣ того какъ врачи нашли невозможнымъ возстановить его зрѣніе. Уволенъ онъ былъ на покой 14 ноября 1864 г. А въ началѣ сего года онъ ѣздилъ въ Москву, чтобы посоветоваться о своемъ зрѣніи съ врачами, а вмѣстѣ и съ своимъ рукоположителемъ—о продолженіи своей службы ³⁾). И что же? „Вчера вечеромъ,—пишетъ святитель Филаретъ намѣстнику Лавры Антонію отъ 7 января 1864 года, —былъ у меня преосвященный Воронежскій, и я также водилъ его по комнатѣ, какъ преосвященнаго Евгенія ⁴⁾). Врачи отказали ему въ возстановленіи зрѣнія. Онъ переносить сіе кротко“ ⁵⁾). А затѣмъ отъ 13 октября того же 1864 г. пишетъ и самому преосвященному Воронежскому Іосифу слѣдующее: „Праведно рѣшеніе ваше взять покой отъ епархіальной службы. При скудости зрѣнія нести служеніе крайне неудобно. Надобно много довѣрять; и трудно повѣрять, разумно ли и вѣрно ли употребляется довѣріе. Св. синодъ, безъ сомнѣ-

¹⁾ Въ 1849 году онъ назначенъ былъ епископомъ Оренбургскимъ, а въ 1853 году—архіепископомъ Воронежскимъ.

²⁾ См. Письма Ф. къ Іосифу въ *Чт. въ об. люб. д. просв.* 1871 № 9, стр. 46—47. Матеріаловъ для біографіи Филарета.

³⁾ По вопросу и о болѣзни своей (слабость зрѣнія) и о продолженіи службы Іосифъ еще раньше совѣтовался съ Филаретомъ. См. Письма Ф. къ Іосифу въ *Чтен. въ об. люб. д. Просв.* 1871 г. № 9, стр. 48 «Матер. для біогр. Фил.»

⁴⁾ Казанцева, бывшаго архіепископа Ярославскаго, въ то время жившаго на покой въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ, также по случаю потери зрѣнія.

⁵⁾ *Письма Ф. къ Ант.* IV, 414. Москва, 1884.

нія, окажетъ уваженіе къ вашимъ заслугамъ, и благоустроитъ вашъ покой ¹⁾. Не спорю, что не легко ваше положеніе. Недостатокъ зрѣнія уменьшаетъ независимость. Привыкшему къ дѣятельности не легко отказываться отъ нея. Но посланное судьбою Божіею не должно ли принять съ мирнымъ послушаніемъ? а такое расположеніе духа не должно ли быть облегченіемъ тягости положенія? — Привычка къ дѣятельности легко порождаетъ пристрастіе къ дѣятельности: посему не должно ли покориться судьбѣ Божіей, отдаляющей человѣка отъ попеченія о дѣлахъ земныхъ для свободнѣйшаго попеченія о небесномъ? — Время нынѣ таково, что иной изъ братіи вашей, и не оскудѣвшій еще зрѣніемъ, благословлялъ бы Бога, есть ли бы могъ, не подвергаясь винѣ лѣности и самочинія, быть устраненъ отъ внѣшней дѣятельности, чтобы въ тишинѣ оплакивать свои грѣхи и время настоящее и угрожающее ²⁾. Итакъ, миръ душѣ вашей ³⁾. Такъ отъ начала до конца епископскаго служенія Іосифа считалъ для себя *нелѣпнымъ* наставлять его рукоположитель его Филаретъ, который и въ письмахъ обыкновенно является столько же поучительнымъ проповѣдникомъ слова Божія, сколько въ проповѣдяхъ собственно.

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Для покоя преосв. Іосифа назначенъ Воронежскій Митрофаніевскій Монастырь.

²⁾ Припомнимъ скорбныя минуты въ жизни самого Филарета, когда онъ и для себя искренно желалъ сего. А теперь другія, не менѣе скорбныя обстоятельства Русской церкви побуждали его говорить такъ.

³⁾ Учен. въ об. люб. дух. просв. 1871 г. № 9, стр. 49 «Матер. для біогр. Фил.».

ВОСПОМИНАНІЯ
СВЯЩЕННИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Д-ра о. Владиміра Гетте,

БЫВШАГО СВЯЩЕННИКОМЪ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ.

(Продолженіе *).

Опровергая полемическія замѣчанія аббата Сиссона, направленные противъ меня, я писалъ:

«Парижъ, 30 Іюня 1857 года.

„*Господимъ Аббатъ.*

„Въ сегодняшнемъ номерѣ вашего журнала, вы находите, что мое послѣднее письмо было неясно и неточно.

„Прежде всего не будемъ забывать исходной точки возникшаго между нами спора. Вы называли меня янсенистомъ, т. е. *еретикомъ*, и въ то же самое время согласились, что я не держусь пяти положеній, составляющихъ дѣйствительный янсенизмъ.

„Вы упрекаете меня въ янсенизмъ по двумъ слѣдующимъ причинамъ: 1) потому, что я защищаю *людей*, которые *держались* янсенизма, и 2) потому, что я не вѣрю въ непогрѣшимость Церкви при опредѣленіи догматическихъ фактовъ сообразно съ буллою *Vineam Domini*. Я доказалъ вамъ, что можно не быть янсенистомъ или еретикомъ, что все равно, — *защищая людей* и держась того или другаго мнѣнія относительно вопросовъ *не установленныхъ*. Въ настоящее время вы соглашаетесь съ тѣмъ, что вопросъ этотъ не былъ установленъ, и что нельзя называть человѣка еретикомъ за то, что онъ за-

---

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 6.

щищаетъ кого бы то ни было. Только вы прибавляете при этомъ, что, защищая чистоту вѣроученія *признанныхъ учителей янсенизма*, т. е., Янсениуса и Кеснеля, я могу быть заподозрѣнъ *въ янсенизмъ*, а отвергая непогрѣшимость Церкви при опредѣленіи догматическихъ фактовъ, я отрицаю догматъ, который, хотя и не установленъ точнымъ образомъ, все же принадлежитъ *къ ученію Церкви*. Вслѣдствіе этого, на основаніи вашихъ началъ, я не могъ избѣгнуть обвиненія въ безразсудствѣ (*temerité*), такъ какъ отвергаю эту часть *ученія Церкви, предлагаемую, по вашимъ словамъ, обыкновеннымъ путемъ*. Я скоро возвращусь къ этимъ выраженіямъ. Въ настоящее же время желаю только доказать, что нельзя *формально* назваться еретикомъ, не отвергая упорно откровеннаго и установленнаго догмата; и никого нельзя публично назвать еретикомъ, если онъ не признанъ имъ *формально*. Изъ этого я заключаю, что вы виновны, назвавъ меня *янсенистомъ*, потому что это названіе равняется названію еретикомъ.

„Но можно ли заподозрить меня въ ереси или въ безразсудствѣ, какъ вы это говорите теперь? Меня, м. г., нельзя заподозрить ни въ томъ, ни въ другомъ, и вотъ почему:

„По вашему мнѣнію меня можно заподозрить въ янсенизмъ, потому что я *защищаю чистоту вѣроученія признанныхъ учителей янсенизма*. Всѣ богословы, признающіе ваше мнѣніе объ опредѣленіи догматическихъ фактовъ, согласны съ тѣмъ, что ни папа, ни епископы, осуждая какую-нибудь книгу въ смыслѣ автора, не думаютъ утверждать того, будто самъ авторъ дѣйствительно по совѣсти признаетъ тѣ заблужденія, которыя они нашли въ его книгѣ. „Нужно обратить, говоритъ Балъи, особенное вниманіе (*sedulo notandum*) на то, что эти слова папъ: въ смыслѣ Янсениуса, въ смыслѣ автора, означаютъ только *въ смыслъ книги того или другаго автора*“. Балъи ссылается даже на папъ, державшихся этого мнѣнія. Бастонъ (Baston), авторъ *Богословія Руана* (*Théologie de Rouen*) выражается одинаковымъ образомъ, также какъ и Ренье (Régnier), въ своихъ *Трактатахъ о Церкви* (*Traité de l'Eglise*). Отецъ Перроне (Perrone), которому вы не можете не довѣрять, выражается, по этому поводу, весьма точно. „Смыслъ автора (*sens de l'au-*

teur), говоритъ этотъ богословъ-іезуитъ, не есть смыслъ *субъективный* и *личный*, которому только *Богъ одинъ можетъ быть судьей*, но смыслъ объективный, относящійся только къ самой книгѣ“.

„Изъ этого слѣдуетъ, м. г., что историкъ, который, на основаніи достовѣрныхъ документовъ вѣритъ тому, что какой-нибудь авторъ, осужденный за одно изъ своихъ сочиненій, въ дѣйствительности и по совѣсти не признавалъ тѣхъ заблужденій, которыя были осуждены духовной властью въ его книгѣ, можетъ свободно выразить это, не подвергаясь за это *подозрѣнію* въ осужденныхъ заблужденіяхъ. Если только онъ открыто не возстаетъ противъ толкованія духовной власти, и не думаетъ, что его книга несправедливо осуждена, то его нельзя упрекнуть въ томъ, будто онъ находится на сторонѣ заблужденія, и будто онъ не подчиняется той власти, которая осудила книгу.

„Вы должны знать, г. аббатъ, что всѣ богословы, держащіеся вашего мнѣнія о непогрѣшимости при опредѣленіи догматическихъ фактовъ, различаютъ одни факты отъ другихъ, которые они называютъ *личными*. *Всѣ* согласны съ тѣмъ, что Церковь не непогрѣшима въ фактахъ *личныхъ* (faits personnels) и говорятъ вмѣстѣ со святымъ Томою, что *Церковь можетъ быть обманута ложными свидѣтелями*. Но, м. г., я всегда защищалъ только *нампренія* личностей, и никогда не воображалъ толковать ту или другую книгу лучше, чѣмъ это дѣлала духовная власть. Я держался въ области *фактовъ личныхъ*, защищая лишь *личности*. Слѣдовательно я и не могу быть заподозрѣннымъ въ заблужденіяхъ людей, признаваемыхъ мною невинными, память которыхъ я желалъ бы очистить отъ той клеветы, которой они подверглись, изъ за осужденія своихъ книгъ. Простой здравый смыслъ не удостовѣряетъ ли, что я не могу быть заподозрѣваемъ въ заблужденіи только за то, что я отстаиваю правосмысліе той или другой исторической личности. Меня можно было бы порицать за то, что я хорошаго мнѣнія объ этихъ людяхъ, и на мои доказательства должны были бы представить мнѣ доказательства болѣе убѣдительныя, но подозрѣвать меня въ ереси за защиту людей, которыхъ неправильно обвинили въ ереси, это значитъ переступать границы здраваго богословія.

„Теперь можно ли назвать меня *безразсуднымъ (téméraire)* за то, что я высказался противъ непогрѣшимости при опредѣленіи догматическихъ фактовъ, или другими словами, непогрѣшимость эта—хотя и не установленная, принадлежитъ ли къ ученію Церкви, предлагаемому обыкновеннымъ путемъ? Вы утверждаете это, м. г., и приводите въ доказательство богословскіе трактаты, преподаваемые во всемъ мірѣ, и всѣхъ знатковъ вѣры, съ которыми предлагаете мнѣ посовѣтоваться.

„Для того чтобы узнать *ученіе Церкви* вовсе не нужно, м. г., совѣтоваться съ каждымъ епископомъ въ частности. Ученіе это вытекаетъ изъ свойствъ официальныхъ документовъ, надлежащимъ образомъ провозглашенныхъ; но существуютъ ли эти документы? Доказано ли, что таково дѣйствительно *ученіе Церкви*, или можетъ ли оно быть доказаннымъ? Если не существуетъ документовъ, то въ дѣйствительности нѣтъ и ученія Церкви по тому или другому вопросу. *Богословскіе трактаты, преподаваемые въ семинаріяхъ*, не свидѣтельствуютъ вовсе въ пользу этого ученія Церкви. Общее мнѣніе богослововъ можетъ служить хорошимъ доказательствомъ нѣкоторыхъ положеній; но никогда не можетъ быть рѣшающимъ относительно какого бы то ни было мнѣнія; тѣмъ болѣе не можетъ быть средствомъ, указывающимъ на *ученіе Церкви*. Ученіе Церкви вытекаетъ изъ Священнаго Писанія и *Кающагося* преданія; оно есть ученіе постоянное и единодушно сохраняемое во всѣ вѣка христіанства какъ священное сокровище, довѣренное Церкви Ея Божественнымъ Учителемъ; а не есть ученіе, часто противорѣчивое, содержащееся въ *богословскихъ трактатахъ*, гдѣ нагроможена бываетъ тысяча вопросовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ вѣрѣ, а другіе относятся къ области свободныхъ мнѣній.

„Въ Римѣ, г. аббатъ, не такого мнѣнія какъ вы о важности классныхъ богословскихъ книгъ, потому что недавно тамъ осудили *богословіе* Балъи, которое преподавалось почти въ теченіе полу-вѣка въ бѣльшей части семинарій христіанскаго міра. *Руководство Каноническаго права* аббата Лекё считалось также *руководствомъ* въ весьма многихъ семинаріяхъ Франціи и за границей; не смотря на это, сочиненіе это также

было осуждено. Оба эти сочиненія были одобрены конгрегаціей св. Сульпиція, спеціально предназначенной для воспитанія лицъ духовнаго званія. Слѣдовательно, въ глазахъ Римскаго двора, самыя авторитетныя руководственныя книги ничего не доказываютъ относительно *ученія Церкви*.

„Кромѣ этого, я могу, г. аббатъ, противопоставить тѣмъ богословамъ, на которыхъ вы ссылаестесь для защиты вашего мнѣнія, другихъ богослововъ, пользующихся большимъ значеніемъ въ Церкви. Кардиналы іезуиты Белларминъ и Паллавичини, кардиналь Бароній, іезуиты Пето и Ж. Сирмонъ Боссюэтъ—вотъ тѣ имена, на ряду съ которыми приведенныя вами имена значительно блѣднѣютъ. Всѣ перечисленныя мною личности открыто высказывались противъ непогрѣшимости Церкви при опредѣленіи догматическихъ фактовъ.

„Къ тому же, м. г., богословы наиболѣе повидимому защищавшіе эту непогрѣшимость, не признавали ее, подобно вамъ, въ общирномъ смыслѣ. Они понимали, что нельзя, не колебля самыхъ началъ вѣры, утверждать, что Церковь непогрѣшима въ отношеніи къ вопросамъ ей не открытымъ, какъ непогрѣшима она въ отношеніи къ догматамъ, сокровищница которыхъ была довѣрена Іисусомъ Христомъ Ею Церкви. Такимъ образомъ они отличали непогрѣшимость *привилегированную* (de privilége), которою пользуется Церковь при установленіи и опредѣленіи истинъ не откровенныхъ, и непогрѣшимость, принадлежащую ей, по ихъ мнѣнію, при опредѣленіи догматическихъ фактовъ, которую они называли непогрѣшимостью *нравственною*. Но, м. г., что же такое на самомъ дѣлѣ нравственная непогрѣшимость, если ее надобно отличать отъ непогрѣшимости, которою Церковь пользуется въ силу привилегіи, дарованной ей Іисусомъ Христомъ? Не есть ли она одно изъ тѣхъ неопредѣленныхъ словъ, могущихъ возбудить скорѣе раздоръ, чѣмъ выразить истину? вмѣсто того что бы пользоваться этимъ словомъ не лучше ли было бы просто сказать вмѣстѣ съ Боссюэтомъ, и въ согласіи съ буллою *Vincam Domini*, что въ отношеніи къ апостольскимъ (т. е. папскимъ) постановленіямъ надобно оказывать *внутреннее подчиненіе* (soumission intérieure), а не одно только чисто внѣшнее, или же кажу-

щесся уваженіе? Этимъ способомъ будутъ находиться въ согласіи съ буллою *Vincam Domini*; не введутъ въ богословское преподаваніе смутнаго и неопредѣленнаго выраженія, которымъ весьма легко злоупотребить, принимая его подобно вамъ, въ обширномъ смыслѣ; кромѣ того, отвергая это слово, этимъ самымъ уничтожатъ затрудненіе, мѣшавшее всѣмъ католикамъ понимать другъ друга. Будьте увѣрены, м. г., что даже самые рѣшительные приверженцы *почтительнаго моланія* (*silence respectable*). не почувствовали бы себя въ затрудненіи въ отношеніи къ *внутреннему подчиненію* (*soumission interieure*), если бы не увидѣли въ словѣ *непогрѣшимость* болѣе того, чѣмъ сколько они могли усвоить ему въ собственномъ смыслѣ, не колебля при этомъ самыхъ основъ вѣры, въ чемъ согласны даже ваши богословы, иначе они не дѣлали бы различія между двумя непогрѣшимостями.

„Вы думали, м. г., вашими послѣдними соображеніями доказать, что непогрѣшимость несомнѣнно вытекаетъ изъ буллы *Vincam Domini*; что она представляетъ собой только слѣдствіе изъ внутренняго подчиненія (*soumission interieure*), требуемаго буллою относительно папскихъ постановленій. Вы въ то же самое время признаете, что въ ней, ничего не говорится о непогрѣшимости, и что вопросъ о ней тамъ точно не опредѣленъ.

„Я уже вамъ замѣтилъ, м. г., что законодательные документы должны приниматься точно и просто, не уменьшая и не прибавляя къ нимъ ничего. Булла *Vincam Domini* не говоритъ ничего о непогрѣшимости, слѣдовательно вы не имѣете права утверждать, будто всякій долженъ признать ее въ видахъ подчиненія буллѣ. Ваши сближенія текстовъ и ваши комментаріи вовсе не доказываютъ того, будто въ буллѣ говорится о томъ, чего въ ней па самомъ дѣлѣ не существуетъ.

„Къ тому же, г. аббатъ, заключеніе ваше не только не неопровержимо, но даже весьма ложно. Почему это внутреннее подчиненіе предполагать уже непогрѣшимость? Развѣ нельзя вѣровать внутренно, не опираясь при этомъ на непогрѣшимое свидѣтельство? Вопреки традиціоналистамъ вы утверждаете, что разумъ съ достовѣрностію можетъ сообщать намъ

познаніе о многихъ истинахъ. Но развѣ человѣческой разумъ непогрѣшимъ? Вы внутренно и безусловно увѣрены въ существованіи города, называемаго Пекиномъ; но развѣ при этой увѣренности вы опираетесь на непогрѣшимыя свидѣтельства? Внутренно вы также увѣрены въ томъ, что земля обращается вокругъ солнца: между тѣмъ ваши чувства говорятъ вамъ, что солнце обращается вокругъ земли: а ученые, которые говорятъ вамъ противное, не болѣе непогрѣшимы, какъ и ваши собственные чувства. Такимъ образомъ изъ того, что булла *Vincit Domini* предписываетъ внутреннее подчиненіе въ отношеніи къ папскимъ постановленіямъ не слѣдуетъ вовсе, будто она косвеннымъ образомъ провозглашаетъ непогрѣшимость церкви при опредѣленіи догматическихъ фактовъ.

„Итакъ, я думаю, м. г., что гораздо лучше понимаю смыслъ буллы *Vincit Domini*, потому что принимаю ее буквально, и признаю точно и просто вмѣстѣ съ нею, что каждый католикъ долженъ внутренно подчиняться актамъ, проистекающимъ отъ церковной власти, каковы бы они ни были по своей природѣ. Не знаю, найдете ли вы это заявленіе достаточно яснымъ и точнымъ. Мнѣ кажется, что почти невозможно дать другое заявленіе, которое обладало бы этими качествами въ такой же степени.

„Вотъ я дошелъ и до буллы *Unigenitus*. Вы находите, что я слишкомъ небольшое значеніе приписываю этому документу? Почему? Потому что я ограничился лишь вопросомъ о принудительной благодати, между тѣмъ какъ булла осуждаетъ еще много другихъ заблужденій, совокупность которыхъ составляетъ, по вашему мнѣнію, янсенизмъ. Чтобы намъ согласиться другъ съ другомъ, намъ слѣдуетъ только объясниться. Я былъ убѣжденъ въ томъ, что основнымъ началомъ ереси, называемой янсенизмомъ, было ученіе о принудительной благодати, и что всѣ остальные заблужденія о благодати и свободной воли, вытекающія изъ этого начала, какъ изъ своего источника, составляютъ цѣлое, которое одно названо янсенизмомъ; таково мое убѣжденіе, и я признаюсь въ немъ: но если вы другаго мнѣнія, то я охотно допускаю его; я допускаю даже мнѣніе герцога Сень-Симона (Saint-Simon), который говорилъ, что янсе-

низмъ слишкомъ часто служилъ *ловушкой*, посредствомъ которой уловляли тѣхъ, кого желали погубить. Вы видите, что я отношусь очень терпимо къ свободнымъ мнѣніямъ. Если по поводу буллы *Unigenitus* я говорю только о принудительной благодати, то это по причинѣ моего понятія о янсенизмѣ и неопредѣленнаго упрека въ янсенизмѣ, высказаннаго вами въ отношеніи ко мнѣ.

„Такъ какъ въ своихъ сочиненіяхъ я не признаю ни одного изъ осужденныхъ заблужденій, то вы, вѣроятно, м. г., и не требуете отъ меня никакого объясненія по тому или другому положенію, осужденному буллой *Unigenitus*. Мнѣ кажется только, что вы осудили бы всякое объясненіе, какое бы вамъ ни представили. Я не увѣренъ, хорошо ли понялъ ваше мнѣніе по этому предмету. Вы написали только нѣсколько фразъ довольно неопредѣленныхъ, которыя позволяютъ думать, что смыслъ буллы *Unigenitus* настолько ясенъ, что его нужно признавать безъ малѣйшихъ разъясненій, относительно осужденныхъ положеній.

„Если таково ваше мнѣніе, м. г., то оно ложно и преувеличено. Подумайте о томъ, что можно злоупотребить буллой и придать ей такое значеніе, котораго она въ дѣйствительности не имѣетъ. Это то и случилось съ буллой *Unigenitus* болѣе, чѣмъ съ какой-либо другой. Вамъ конечно извѣстны тѣ интриги и насилія, которыя были порождены ею, и тѣ ложныя толкованія, которыя были даны ей іезуитами. Дѣло зашло такъ далеко, что французскіе епископы, собранные королемъ для принятія буллы, и выказавшіе наибольшее рвеніе въ дѣлѣ признанія ея, были вынуждены составить сводъ ученія (*corps de doctrine*), предназначавшійся для опредѣленія смысла, на основаніи котораго нѣкоторыя положенія были осуждены. Изъ числа епископовъ, признавшихъ буллу, одни обнародовали буллу вмѣстѣ съ сводомъ ученія, другіе же составили пастырскія посланія, имѣвшія ту же цѣль. Изъ этого примѣра, г. аббатъ, вы видите, что можно опредѣлять смыслъ, на основаніи котораго надобно понимать положенія, осужденныя буллой *Unigenitus*. Вотъ почему и я опредѣлилъ его въ моемъ послѣднемъ письмѣ, по поводу *принудительной благодати*. Вы тре-

буете отъ меня чего-либо болѣе общаго; я охотно исполняю ваше требованіе. Я осуждаю безъ всякаго исключенія всѣ заблужденія, противныя католическому ученію, осужденныя буллою *Unigenitus*, равно какъ и всѣми другими буллами. Я убѣжденъ, что Климентъ XI въ своей буллѣ имѣлъ цѣлю осудить только заблужденія; и я осуждаю, вмѣстѣ съ французскими епископами, ложныя толкованія этой буллы извѣстною партіею.

„Не думаю, г. аббатъ, чтобы послѣ подобныхъ признаній, вы могли еще имѣть какое-нибудь сомнѣніе относительно моего правотѣрія. Та скорбь, съ которою вы говорили о моемъ несогласіи съ Церковью и папою, можетъ вызвать у недостаточно образованныхъ людей увѣренность, будто я нахожусь на краю бѣздны ереси, тогда какъ въ дѣйствительности я веду только съ вами споръ о пріемахъ толкованія этой буллы. Опасно, г. аббатъ, ставить себя, какъ это дѣлаете вы, непогрѣшимымъ толкователемъ ученія церкви. Я могъ бы поступить подобнымъ же образомъ въ отношеніи къ вамъ; но не дай Богъ похищать права, принадлежація церкви, а не частнымъ лицамъ! Защищайте ваше мнѣніе, ничего не можетъ быть лучше этого; попытайтесь доказать, что оно согласнѣе моего съ ученіемъ церкви, вы имѣете на это право; но отбросьте въ сторону всѣ эти выраженія—еретикъ, янсенистъ, подозрѣваемый въ ереси и т. п. Одна только церковь имѣетъ право выражаться подобнымъ образомъ.

„Благоволите напечатать это письмо въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ вашего журнала.

„Пріймите, м. г., увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности.

Аббатъ Генте.

Вмѣсто того чтобы напечатать мое письмо, аббатъ Сиссонъ почтилъ меня визитомъ, во время котораго онъ сказалъ мнѣ, что видѣлъ кардинала Морло, который выразилъ желаніе прекратить полемику, возникшую между журналомъ *Ami de la Religion* и мной. Его эминенція выразилъ желаніе устроить мнѣ среди своего духовенства такое положеніе, которое дало бы мнѣ возможность примѣнить мои дарованія болѣе прямо для защиты истины и церкви, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы я

пожертвовалъ своимъ предъидущимъ письмомъ. Итакъ, Морло понялъ, что невозможно было дать на это письмо скольконибудь основательнаго отвѣта, и аббатъ Сиссонъ былъ съ этимъ согласенъ.

Первый главный викарій Буке присоединился къ аббату Сиссону, относительно ходатайства о моемъ возстановленіи среди Парижскаго духовенства. Чтобы какъ-либо сдержать свое слово, кардиналъ Морло согласился дать мнѣ должность, но съ условіемъ, чтобы я отправился въ Римъ для примиренія съ конгрегаціей Индекса. Я не могъ принять этого условія, потому что зналъ заранѣе, что путешествіе это было бесполезно. Аббатъ Лёкё, будучи главнымъ викаріемъ Парижа и получивши хорошую рекомендацію отъ нѣсколькихъ епископовъ, былъ два раза въ Римѣ, для переговоровъ съ конгрегаціей Индекса, по поводу исправленія *Руководства каноническаго права*, и оба эти путешествія остались безъ результата. Между тѣмъ *Руководство* это содержало все то, что существуетъ и въ другихъ сочиненіяхъ подобнаго рода, исключая развѣ того, что касается галликанства. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ о Лёкё идетъ не такъ далеко, какъ Боссюэтъ. Если еще прибавить къ этому, что Лёкё изъявилъ внѣшнюю покорность опредѣленію Индекса и былъ человѣкомъ, выказывавшимъ всевозможную покорность относительно своего духовнаго начальства: то каждый согласится съ тѣмъ, что если уже онъ не могъ удовлетворить конгрегаціи Индекса, то я тѣмъ болѣе не могъ достигнуть этого—я, который признаю вмѣстѣ со всею Французскою Церковью, что конгрегація эта не должна имѣть у насъ никакой юрисдикціи. Конгрегація эта не могла прийти въ соглашеніе со мною относительно сочиненія, состоящаго изъ двѣнадцати томовъ in—8°, въ которомъ трактуется о тысячѣ разнообразныхъ вопросахъ, въ отношеніи къ которымъ французы и итальянцы никогда не прійдутъ ни къ какому соглашенію.

Итакъ, я не могъ согласиться на поѣздку въ Римъ, такъ какъ она была совершенно бесполезна. Морло зналъ это хорошо, и поэтому то онъ и поставилъ мнѣ ее условіемъ исполненія своего обѣщанія.

Я сообщилъ свое рѣшеніе аббату Сиссону, который отвѣ-

тилъ мнѣ, что не будетъ больше говорить объ этомъ, что я былъ въ правѣ не изъявлять покорности Индексу, и что я могу ограничиться письмомъ къ его эминенціи, въ которомъ увѣрю его въ чистотѣ своего вѣроученія и выражу готовность (какъ это было и прежде) исправить въ своихъ сочиненіяхъ тѣ заблужденія, которыя мнѣ будутъ указаны.

Я мало рассчитывалъ на тотъ счастливый исходъ, который, по обѣщанію аббата Сиссона, долженъ бы быть слѣдствіемъ подобнаго поступка; но я уступилъ, не съ цѣлью получить мѣсто, въ которомъ не нуждался, а чтобы еще разъ представить доказательство того примирительнаго духа, который всегда былъ присущъ мнѣ. Я написалъ въ самой канцеляріи журнала *Ami de la Religion* письмо кардиналу, которое предварительно сообщилъ аббату Сиссону, а онъ взялъ на себя трудъ доставить его на почту. По его просьбѣ, я пожертвовалъ вышенапечатаннымъ письмомъ въ отвѣтъ на его замѣчанія; мы условились, что я замѣню это письмо другимъ, значительно сокращеннымъ, въ которомъ, *не уступая ничего изъ своихъ убѣжденій*, я долженъ выразаться въ такомъ родѣ, что онъ могъ согласиться со мною и объявить о состоявшемся между нами примиреніи.

Я составилъ письмо въ согласіи съ аббатомъ Сиссономъ. Онъ напечаталъ его, присоединивъ къ нему множество размышленій, сходныхъ съ тѣми, которыя были приведены раньше.

Напечатавши въ такомъ видѣ это полемическое письмо, онъ заявилъ, что, *по требованію благоразумія, прекращаетъ споръ*.

Я могъ бы взять обратно и напечатать гдѣ либо неприятное письмо, которымъ пожертвовалъ. Но аббатъ Сиссонъ умолялъ меня ничего съ нимъ не дѣлать. Я видѣлся съ нимъ нѣсколько разъ, и онъ всегда убѣждалъ меня надѣяться на справедливость преосвящ. Морло, о которой тотъ и не думалъ. Вскорѣ я пересталъ видѣться съ аббатомъ Сиссономъ, который во время послѣдняго своего визита признался мнѣ, что Морло не хочетъ выполнить своихъ обѣщаній.

Я вовсе не былъ этимъ удивленъ.

Борьба, предпринятая архіепископомъ противъ меня, по поводу янсенизма, окончилась такъ же плачевно, какъ и борьба противъ о. Лёкё. Но вмѣсто того чтобы сознаться въ своемъ

безсилія, рѣшились лучше довести до конца несправедливость, начатую архіепископомъ Сибуромъ.

Въ концѣ года, я долженъ былъ, сообразно съ епархіальнымъ уставомъ, явиться въ архіепископскій дворъ для возобновленія разрѣшенія служить обѣдно (*celebret*). Тотъ, кто былъ тогда уполномоченъ выдать мнѣ это разрѣшеніе, былъ нѣкій V... Въ качествѣ попечителя духовенства (*promoteur*) онъ имѣлъ право дѣлать выговоры священникамъ, обвиненнымъ въ какихъ-либо проступкахъ.

Выборъ личности былъ, по истинѣ, хорошъ. Оставляя провинцію, чтобы жить въ Парижѣ, онъ привезъ съ собою молодую замужнюю женщину, съ которой жилъ въ преступной связи. Мужъ согласился на это съ условіемъ, что V... будетъ платить ему. *Добродѣтельный* священникъ этотъ имѣлъ нѣкоторое состояніе. Онъ не смѣшивался съ простымъ духовенствомъ, а держалъ себя какъ аристократъ. Это открыло ему дверь ко двору архіепископа, уже богатаго такими же *добродѣтельными* людьми, какъ и онъ. Пороки V... не могли испугать Морло, который всю свою жизнь провелъ среди женщинъ. Итакъ, онъ былъ попечителемъ духовенства (*promoteur*) и главнымъ викаріемъ, когда Дорбоа внушилъ Морло идею преслѣдовать меня. V... былъ достоинъ стать человѣкомъ высокихъ дѣяній этихъ двухъ добрыхъ друзей. Онъ написалъ мнѣ слѣдующую вѣжли-вую записку, 28 Декабря 1857 года.

„Дворъ архіепископа Парижскаго.

Г. аббата Гетте приглашаютъ явиться, завтра, въ кабинетъ духовнаго попечителя (*promoteur*), въ третьемъ часу по полудни“.

Такъ пишутъ только грубіяны.

Чтобы дать подлинную характеристику моего разговора съ V..., я написалъ Морло слѣдующее письмо:

«Парижъ, 29 декабря 1857 г.

„Ваше Высокопреосвященство!

„Я былъ въ архіепископскомъ дворѣ у попечителя вслѣдствіе полученнаго мною отъ него приглашенія вчера, 28 декабря.

„Я долженъ дать вамъ точный отчетъ о всемъ томъ, что произошло между имъ и мной.

„Попечитель сказалъ мнѣ: „я потребовалъ васъ къ себѣ, м. г., чтобы объявить вамъ, что совѣтъ рѣшилъ не давать вамъ болѣе разрѣшенія священнодѣйствій (*celebret*)“. Я отвѣчалъ: „Какими мотивами руководился совѣтъ, при принятіи этого рѣшенія?“—Отвѣтъ: „ваши сочиненія произвели соблазнъ, и многіе епископы и знаменитые священники оскорблены тѣмъ, что вы пользуетесь разрѣшеніемъ священнодѣйствій. Вы причиняете намъ непріятности и затрудненія; высокопреосвященный имѣетъ право не давать разрѣшенія тѣмъ священникамъ, которые не принадлежатъ къ епархіи Парижа“. Я отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ въ Парижъ съ дозволенія духовнаго начальства Блоасской епархіи, откуда я родомъ. Это начальство не требуетъ меня обратно. Въ продолженіи пяти лѣтъ я находился въ Парижѣ въ должности лазаретнаго священника (*aumonier*); преосвященный Сибуръ лишилъ меня временно этого мѣста, подъ вліяніемъ партіи, враждебной мнѣ, но выдалъ мнѣ *рукописное* свидѣтельство, гдѣ выражена похвала моему священническому служенію и объявлено, что я имѣю право священнодѣйствовать вездѣ, гдѣ только буду жить; а потому несправедливо лишать меня права священнодѣйствовать въ Парижѣ, гдѣ я живу уже девять лѣтъ. Не мои сочиненія произвели соблазнъ, но соблазнъ былъ произведенъ по поводу ихъ. Я не дѣлаю вамъ ни непріятностей, ни затрудненій, и прошу только дать мнѣ разрѣшеніе, на которое имѣетъ право каждый честный священникъ. Мои сочиненія не были осуждены. Неужели на основаніи того, что одно изъ нихъ подверглось запрещенію Индекса, принимаютъ противъ меня подобныя мѣры?“—Попечитель отвѣчалъ: „Нѣтъ, не на основаніи этого запрещенія Индекса. Преосвященный не судитъ вашихъ сочиненій, потому что дѣло епископа Блоасскаго судить васъ. Во всякомъ случаѣ, безпристрастные люди разсматривали ваши книги въ Парижѣ и нашли ихъ достойными порицанія“. Я отвѣчалъ: „Меня не требовали для объясненій, и осудили, не только не выслушавъ меня, но даже и не увѣдомивъ меня объ этомъ. Если нѣкоторые лица не одобрили моихъ сочиненій, то другія находятъ ихъ

безупречными и въ числѣ послѣднихъ есть епископы. Я могу вамъ сейчасъ же конфиденціально представить письма, которыя послужатъ доказательствомъ этого“. Попечитель отвѣчалъ: „Мнѣ не нужно ихъ видѣть. Вы не изъ парижской епархіи и потому преосвященный имѣетъ право лишить васъ этого разрѣшенія безъ всякаго суда“. Я отвѣчалъ: „нѣтъ, м. г., преосвященный не имѣетъ этого права. Мѣра, принимаемая имъ противъ меня, въ сущности, позоритъ меня и равняется духовному запрещенію (interdit)“. Попечитель отвѣчалъ: „Нисколько, она не равняется духовному запрещенію. Развѣ преосвященный обязанъ давать разрѣшеніе служить обѣдни всѣмъ священникамъ Франціи и Наварры?“—Я отвѣчалъ: „Онъ не имѣетъ права не давать разрѣшенія почтеннымъ священникамъ, которые живутъ въ Парижѣ. Отказывая имъ въ этомъ, онъ совершаетъ несправедливый и произвольный поступокъ, противный праву“. Попечитель сказалъ: „Если бы вы доказали это, то могли бы доказать, что въ полдень не бываетъ дня“. Я возразилъ: „Я докажу это. Я миролюбивый человѣкъ, но умѣю защищаться, когда это нужно. Меня желаютъ заставить уѣхать изъ Парижа, но этого не достигнуть. Если я не останусь здѣсь священникомъ, то останусь просто гражданиномъ. Я буду присутствовать при обѣднѣ, если не буду ее служить. Преосвященный начинаетъ войну, и я буду защищаться“.—Попечитель прибавилъ: „Я сегодня же вечеромъ сообщу ваши возраженія совѣту и завтра напишу вамъ“.

„Послѣ этого я удалился.

„Я считалъ долгомъ, преосвященнѣйшій, буквально передать вамъ этотъ разговоръ. Нужно чтобы тѣ мотивы, которые побудили васъ лишить меня права служить обѣдню, были вамъ достовѣрно извѣстны, потому что они должны быть исходной точкой тяжбы, которая должна начаться. Попечитель сообщилъ мнѣ ихъ устно, но я долженъ найти средство получить ихъ письменно. Мнѣ чрезвычайно неприятно обращаться къ посредству судебного пристава для побужденія васъ представить письменно эти мотивы, но это единственное общественное лицо (officier public), къ которому можно прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, когда не существуетъ лица духовнаго вѣдомства. Я ду-

маю, что, сообщая вамъ мотивы, выраженные устно попечителемъ, поступаю наиболѣе почтительнымъ образомъ. могущимъ имѣть такой же законный характеръ, какъ и судебная повѣстка, при тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится французское духовенство.

„Не смѣю надѣяться на отвѣтъ, который бы отвергъ слова попечителя; но имѣю честь заявить вашему преосвященству, что на ваше молчаніе я буду смотрѣть какъ на признаніе всего того, что говорило мнѣ это духовное лицо; и уже вы будете вынуждены опровергать попечителя въ случаѣ если онъ передалъ вашу мысль.

Честью увѣряю, что все сообщенное мною въ этомъ письмѣ есть истина.

„Честь имѣю пребыть вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою.

Аббатъ Гетте.

„Несмотря на мнѣніе *ученаго и добродѣтельнаго V...* я доказалъ, что Морло поступилъ относительно меня анти-каноническимъ, незаконнымъ, деспотическимъ и совершенно произвольнымъ образомъ. Это составило предметъ руководительной записки (*mémoire à consulter*), которую я обнародовалъ въ защиту моей двойной аппеляціи къ папѣ и французскому правительству. Аппеляція къ папѣ, предписанная канонами французской церкви, была написана только для формы. Я зналъ, что на нее не обратятъ никакого вниманія. Но моя аппеляція французскому правительству была болѣе серьезна. Я думаю, что читателямъ будетъ интересно прочесть ее.

„Прошеніе (*requête*) и записка (*mémoire*) его превосходительству г. министру духовныхъ дѣлъ, аббата Гетте на несправедливое рѣшеніе преосвященнаго Морло, кардинала-архіепископа парижскаго.

Господинъ Министръ,

„Я читаю въ органическомъ законѣ конкордата:

„Ст. 6. Нужно прибѣгать къ государственному совѣту *во всякъхъ случаяхъ злоупотребленій* со стороны высшихъ и другихъ духовныхъ лицъ.

„Случаи злоупотребленій слѣдующіе:

„Захватъ или превышеніе власти;

„Нарушеніе законовъ и постановленій республики;

„Нарушеніе правилъ, освященныхъ канонами, принятыми во Франціи.

„Посягательство на свободу, права и обычаи галликанской церкви.

„И всякое покушеніе и всякій поступокъ, который при отправленіи богослуженія можетъ затронуть честь гражданъ, произвольно смутить ихъ совѣсть, и превратиться для нихъ въ притѣсненіе, оскорбленіе или публичный скандалъ.

„Ст. 8. *Подавать апелляцію имѣетъ право всякое заинтересованное лицо.* За неимѣніемъ частной жалобы, подача можетъ быть совершена должностными префектами.

„Государственный чиновникъ, *духовное* или какое-либо другое лицо, которое пожелаетъ подать апелляцію, должно представить подробную и подписанную записку государственному прокурору (*au conseiller d'Etat*), который уполномоченъ разсматривать всѣ духовныя дѣла и который *обязанъ* навести, въ самомъ непродолжительномъ времени, необходимыя справки, и на основаніи его рапорта, дѣло должно быть разсмотрѣно и рѣшено окончательно административнымъ порядкомъ, или отослано, смотря по надобности, подлежащимъ властямъ“.

„На основаніи этихъ постановленій, я Ренать-Францискъ Гетте, священникъ, живущій въ Парижѣ, *улицѣ* Арбалетъ, № 35, имѣю честь представить вамъ, вмѣстѣ съ этимъ прошеніемъ, *подробную и подписанную мною записку*, изъ которой видно, что Францискъ-Николай-Магдалинъ Морло, кардиналъ архіепископъ Парижскій:

„Совершилъ въ отношеніи ко мнѣ превышеніе власти:

„Нарушилъ правила, освященные канонами, принятыми во Франціи;

„Совершилъ покушеніе на свободу, права и обычаи галликанской церкви.

„Что этимъ *превышеніемъ, нарушеніемъ и покушеніемъ* онъ затронулъ честь просителя и *произвольно смутилъ его совѣсть*: что поступокъ, который онъ дозволилъ себѣ, превратился для просителя *въ притѣсненіе, оскорбленіе и публичный скандалъ.*

„Вслѣдствіе этого, священникъ Ренать-Францискъ Гетте, сообразно 8 статьѣ органическаго закона, которая гласитъ, что подавать аппеляцію государственному прокурору *имѣетъ право всякое заинтересованное лицо*, а въ частности и духовное—приносить жалобу на Франциска-Николая-Магдалина Морло, кардинала-архіепископа Парижскаго, за несправедливое рѣшеніе, незаконный и произвольный поступокъ, который онъ позволилъ себѣ относительно просителя. каковой поступокъ изложенъ въ прилагаемой запискѣ.

„Имѣю честь пребыть и пр.

Аббатъ Гетте.

З а п и с к а.

28 Декабря 1857 года, г. Веронъ попечитель и главный викарій его преосвященства Франциска-Николая-Магдалина Морло, кардинала-Архіепископа Парижскаго, прислалъ священнику Гетте, живущему въ Парижѣ, слѣдующую записку:

„Дворъ архіепископа Парижскаго.

„Господина аббата Гетте просятъ явиться завтра въ кабинетъ попечителя, между двѣнадцатью и двумя часами по полудни“.

Я отправился въ назначенный день и часъ, въ кабинетъ попечителя и главнаго викарія. Онъ заявилъ мнѣ, что архіепископъ съ согласія своего совѣта, нашелъ невозможнымъ давать мнѣ на будущее время разрѣшеніе служить обѣдню въ церквахъ его епархіи. Когда я спросилъ о мотивахъ этого рѣшенія, то попечитель объявилъ мнѣ, что со мною поступаютъ такъ вслѣдствіе жалобъ нѣкоторыхъ лицъ, введенныхъ въ соблазнъ моими сочиненіями. Я замѣтилъ на это попечителю, что если мои сочиненія подпадаютъ осужденію нѣкоторыхъ, за то другіе одобряютъ ихъ; я предложилъ ему тотчасъ же представить въ доказательство письма нѣсколькихъ французскихъ епископовъ, въ которыхъ они одобряли мои сочиненія. Попечитель отказался видѣть ихъ и заявилъ, что архіепископъ Парижскій не желаетъ разсматривать моихъ сочиненій и безъ всякаго суда можетъ не дать мнѣ разрѣшенія служить обѣдню въ его епархіи.

Я сообщилъ Морло, кардиналу-архіепископу Парижскому о рѣшеніи, переданномъ мнѣ его главнымъ викаріемъ и попечителемъ, чтобы онъ могъ опровергнуть это духовное лицо, въ случаѣ если оно не точно исполнило его волю. Это письмо прилагается при настоящей запискѣ, вмѣстѣ съ моимъ аппеляціоннымъ прошеніемъ папѣ, какъ оправдательнымъ документомъ. Архіепископъ не отвѣтилъ мнѣ.

Такимъ образомъ выяснилось, что главный викарій и попечитель исполняли лишь распоряженія архіепископа и точно передалъ его мотивы и основанія.

Въ этомъ отказѣ дать разрѣшеніе служить обѣдню, есть одинъ вопросъ чисто духовный, который я передалъ на разсмотрѣніе папскаго суда, для того чтобы онъ повелѣлъ изслѣдовать всѣ мѣста, сообразно свободѣ, правамъ и обычаямъ галликанской церкви.

Кромѣ того, въ отказѣ этомъ, заключается много злоупотребленій, о которыхъ долгу обязываетъ меня сообщить г. министру духовныхъ дѣлъ, прося его отнестись ко мнѣ по справедливости, или передать мое дѣло государственному совѣту, какъ судилищу, имѣющему право обсуждать это дѣло.

Первое злоупотребленіе.

Въ отказѣ, сдѣланномъ Морло, заключается *превышеніе власти*.

Это превышеніе, очевидно, существуетъ каждый разъ, когда совершающій основываетъ его не на *правѣ*, когда никакой *законъ* не дозволяетъ ему его, и когда, напротивъ, своимъ поступкомъ онъ нарушаетъ самые ясные и достовѣрные законы.

Но Морло не можетъ основывать ни на какомъ законѣ свое рѣшеніе противъ меня; принимая его, онъ нарушилъ строгое (*strict*) право, потому что я никогда не былъ ни запрещенъ (*interdict*), ни отрѣшенъ отъ духовнаго званія, слѣдовательно я пользуюсь всѣми своими священническими правами.

Я представилъ многочисленныя доказательства на это въ руководительной запискѣ (*Mémoire à consulter*), которую я прилагаю и къ настоящей запискѣ, какъ оправдательный документъ.

Итакъ, со стороны Морло существуетъ *превышеніе власти*.

ВТОРОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Рѣшеніе Морло противно *правиламъ, освященнымъ канонами, принятыми во Франціи.*

Я доказалъ это во второй части той же *руководительной записки.*

ТРЕТЬЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Отказъ сдѣланный мнѣ Морло, равняется запрещенію (*interdict*) или отрѣшенію отъ священства (*ab Ordine*); потому что только тѣ могутъ терять священническія права, которые подверглись этимъ каноническимъ осужденіямъ; я же на самомъ дѣлѣ подверженъ Морло самому тяжкому наказанію, которому только можетъ подвергнуться священникъ. Морло, отказавъ и отказываясь судить меня, и въ то же самое время подвергнувъ меня наказанію, совершилъ преступленіе противъ правосудія.

Поэтому въ нашемъ древнемъ канонически-гражданскомъ правѣ *отказъ въ правосудіи (déni de justice)* считается противнымъ свободѣ, обычаямъ и правамъ галликанской Церкви и составляетъ злоупотребленіе.

Новое законодательство гражданско-церковное не противорѣчитъ въ этомъ отношеніи старому. На это старое законодательство тѣмъ болѣе можно ссылаться, что основаніе, на которое оно опирается, имѣетъ значеніе для всѣхъ временъ.

Первый долгъ государя, говорили ученые законовѣды Форже (Forget) и Февре (Fevret), заключается въ томъ, чтобы оказываема была справедливость всѣмъ подданнымъ, всѣхъ сословій, званій и состояній. Поэтому и древніе парламенты, хранители законовъ, принимали жалобы относительно *отказа рѣшати дѣла (déni de justice)*, право ихъ на это оспаривалось, но было установлено опредѣленіемъ 27 августа 1701 года.

Государственный совѣтъ, по духу нашихъ новыхъ учрежденій, облеченъ былъ правами древнихъ парламентовъ, для пріятія аппеляцій отъ духовныхъ лицъ, также какъ и отъ всякихъ другихъ гражданъ, которые могутъ быть жертвами *злоупотребленій* власти или произвола епископовъ.

Итакъ, я основательно и по праву жалуюсь на *отказъ рѣ-*

шмть дѣло (déni de justice) Морло, какъ на несправедливость относительно меня, и обвиняя его въ покушеніи на стѣсненіе свободы, волностей и обычаевъ галликанской Церкви.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Рѣшеніе Морло оскорбило мою честь.

Въ самомъ дѣлѣ, для публики не существуетъ никакой разницы между священникомъ, не могущемъ служить обѣдню, вслѣдствіе произвольнаго отказа, и тѣмъ, который подвергся запрещенію на основаніи правильнаго суда и заслуженнаго наказанія. Для большинства вѣрующихъ и тотъ и другой суть только *запрещенные священники*. И кому не извѣстно, что *запрещенный священникъ*, съ точки зрѣнія громаднаго большинства, есть священникъ виновный, считающійся недостойнымъ исполнять свои обязанности ради важныхъ проступковъ, и что на него смотрятъ какъ на существо испорченное, отъ котораго убѣгаютъ съ ужасомъ? Запрещеннаго священника избѣгаютъ всѣ; онъ не можетъ найти самыхъ скромныхъ средствъ къ жизни, не скрывая своего духовнаго сана; какъ только узнаютъ, что онъ запрещенный священникъ, то отталкиваютъ его съ позоромъ. Это парія среди общества.

Мѣра Морло относительно меня не можетъ имѣть другаго результата, какъ только причисленіе меня къ этимъ паріямъ общества; и все это совершается безъ всякаго другаго осужденія ¹⁾, единственно только на основаніи осужденія Индексомъ одного моего сочиненія, осужденія незаконнаго и не признаннаго во Франціи, относящагося въ дѣйствительности только къ мнѣніямъ галликанской Церкви, которой я выступилъ защитникомъ, что долженъ сдѣлать всякій французъ, уважающій законы своей страны. Осужденіе это никогда не простирается на личность, даже по мнѣнію ультрамонтантовъ, и не можетъ нигдѣ, а особенно во Франціи, служить основаніемъ для того рѣшенія, которое позволилъ себѣ Морло. А между тѣмъ на это только осужденіе Индекса опираются лица, имѣющія совѣсть настоль-

¹⁾ Я это доказалъ въ своей руководительной запискѣ съ помощью официальныхъ и достовѣрныхъ документовъ.

ко *деликатную*, что *оскорбляются* когда я служу обѣдню, и считающія нужнымъ проявить въ отношеніи ко мнѣ превышеніе власти противное канонамъ церкви, обычаямъ нашей галликанской церкви, и позорное по самой своей природѣ.

Морло долженъ былъ обдумать подобную *деликатность* совѣсти, а не попирать ногами законъ, который запрещаетъ ему подъ опасеніемъ впасть въ злоупотребленіе, *оскорблять честь гражданина*, на котораго онъ долженъ смотрѣть какъ на своего брата по священству.

Пятое злоупотребленіе.

Своимъ рѣшеніемъ Морло *произвольно смутилъ мою совѣсть*.

Я говорю объ этомъ открыто; я и пишу на основаніи глубокаго убѣжденія. Я добросовѣстно отыскивалъ истину и выражалъ ее откровенно. Доказательства, на которыя я опирался, не были поколеблены. Я не могу отказаться отъ своихъ убѣжденій, не открываясь отъ своего разсудка и ума: я могъ бы отречься отъ нихъ только въ двухъ случаяхъ: 1) если бы опровергли мои доказательства; 2) если бы мнѣ доказали, что мои убѣжденія противны ученію католической Церкви. Отречься же помимо этихъ двухъ условій, отъ мнѣній, трудолюбиво приобрѣтенныхъ и составляющихъ какъ бы научную вѣру — это значило бы доказать, что я совѣмъ не дорожу истиной; это значило бы торговать своею совѣстью и убѣжденіями изъ за личнаго интереса.

Я не могу рѣшиться поступать такимъ образомъ. и никто не можетъ вмѣнить мнѣ это въ долгъ. Я убѣжденъ въ томъ, что для меня гораздо почетнѣе подвергнуться преслѣдованію изъ за своихъ убѣжденій, чѣмъ отступать отъ нихъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, и ставить ихъ въ зависимость отъ интереса или почестей.

Но несмотря на голосъ моей совѣсти, увѣряющей меня, что подобное поведеніе болѣе достойно священника Іисуса Христа, чѣмъ то, которое проникнуто честолюбіемъ и интересомъ, я все таки возмущаюсь, что меня позорятъ, преслѣдуютъ, подвергаютъ запрещенію и униженію тѣ, которые должны были бы поддерживать и ободрять меня. Я вижу *нѣсколькихъ* епископовъ

представителей Иисуса Христа, начальниковъ церкви, воображающихъ, что я ошибаюсь; и увѣряющихъ, что честность моихъ убѣжденій есть только одно упорство; что любовь моя къ истинѣ не болѣе ни менѣе какъ любовь къ заблужденію; что по совѣсти я не долженъ признавать ученія галликанской церкви. Они доносятъ и оскорбляютъ меня и требуютъ, чтобы поступали со мной какъ съ запрещеннымъ священникомъ. Я вижу кардинала-архіепископа, который, признавъ всѣ эти доносы, на основаніи ихъ отказываетъ мнѣ дать то разрѣшеніе, котораго лишаются только священники *запрещенные и отрѣшенные отъ своего званія (ordre)*, или *бродяги*, или *неизвѣстные (incognus)* ¹⁾

Если бы эти нѣсколько епископовъ доносчиковъ, и кардиналь-архіепископъ, который сдѣлался слишкомъ усерднымъ исполнителемъ ихъ воли, судили меня и убѣдились бы въ моемъ заблужденіи, въ отношеніи къ ученію церкви; или если бы они нашли, что я упорно держусь усвояемыхъ мнѣ заблужденій: тогда, понятно, они должны были бы осудить меня, подвергнуть запрещенію и удаленію отъ алтаря.

Но съ ихъ стороны, я вижу только однѣ безразсудныя требованія. Я не былъ ни обвиненъ, ни осужденъ, ни изобличенъ въ заблужденіяхъ, ни въ упорствѣ относительно этихъ заблужденій. Болѣе того, чистота моего вѣроученія заслужила похвалу ученыхъ и почтенныхъ епископовъ.

Но несмотря на эти одобренія, священникъ, убѣжденный въ томъ, что епископы поставляются Богомъ для управленія и наблюденія за Его церковью, не можетъ безъ смущенія совѣсти видѣть себя вынужденнымъ бороться противъ нѣсколькихъ изъ нихъ, потому что они облечены тѣмъ достоинствомъ, къ которому онъ теперь, какъ и всегда, относится съ глубокимъ почтеніемъ. Я убѣжденъ въ томъ, что не слѣдуетъ смѣшивать власти ни съ тѣми лицами, которыя облечены ею, ни съ деспотизмомъ и произволомъ; что деспотизмъ этотъ столько же

¹⁾ Я доказалъ во второй части моей руководственной записки, что эти поводы признаются единственными, когда священникъ можетъ лишиться *права священнодѣйствій*.

заслуживаетъ порицанія какъ и мятежъ; что не существуетъ мятежа противъ власти тамъ, гдѣ примѣняются только самыя священныя права, къ которымъ хранители власти должны сами относиться съ благоговѣніемъ; но, говорю я, несмотря на всѣ эти убѣжденія, или даже вслѣдствіе этихъ самихъ убѣжденій, я не могу быть жертвою деспотизма, безъ глубокаго смущенія своей совѣсти. Произволь, которому я подвергаюсь, составляетъ для меня соблазнъ и страшное искушеніе. Съ одной стороны, у меня несправедливо отнимаютъ права священства и не уважаютъ во мнѣ санъ священника; съ другой стороны, на меня возлагаютъ всѣ обязанности этого сана; между тѣмъ обязанности и права должны находиться въ связи. Церковныя законы были установлены церковью для того, чтобы сдѣлать священство болѣе почетнымъ и достигнуть болѣе благотворныхъ послѣдствій отъ исполненія священническихъ обязанностей. Эти законы мудры и святы; но не менѣе вѣрно и то, что по ихъ предположенію священникъ, исполняющій свое служеніе, долженъ существовать отъ этого же служенія. Когда же виновнаго священника оставляютъ въ его званіи, то, очевидно, онъ не можетъ уже получать содержанія при своемъ преступленіи; но церковь, какъ добрая мать, поняла, что виновный, удаленный съ одной стороны изъ среды своего духовенства, а съ другой, не могущій быть причисленнымъ къ обыкновенному классу людей, не долженъ быть совсѣмъ покинутъ въ своемъ несчастіи, и она обязала епископа заботиться о его судьбѣ. Но почтенный священникъ, обвиняемый только въ томъ, что писалъ согласно съ своими убѣжденіями и законами своей страны, священникъ, всегда считавшій своимъ долгомъ сохранять чистоту вѣроученія, который никогда не былъ ни судимъ, ни осужденъ, который никогда не имѣлъ никакихъ недоразумѣній съ духовнымъ начальствомъ при исполненіи своего служенія, священникъ, научныя познанія и нравственныя качества котораго признаны всѣми ¹⁾; такой священникъ можетъ ли быть позорно удаленъ отъ алтаря, на основаніи незакон-

¹⁾ Моя руководственная записка (1 часть) содержитъ въ себѣ факты подтверждающіе это въ отношеніи ко мнѣ.

наго, произвольнаго и деспотическаго отказа, и брошенъ среди свѣта, оставаясь священникомъ, не могущимъ жить отъ своего служенія, и занимать среди почтенныхъ людей положенія, которое давало бы ему возможность честно вести свою жизнь? Можетъ ли такой священникъ выносить подобное состояніе и не быть страшно и деспотически смущенъ *въ своей совѣсти*?

ШЕСТОЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНІЕ.

Нельзя отрицать того, что отказъ Морло можно назвать *притѣсненіемъ, оскорбленіемъ и публичнымъ скандаломъ*.

Въ этомъ тройномъ отношеніи его поступокъ заключаетъ шестой случай злоупотребленія, ясно выраженнаго 6 ст. органическаго закона Конкордата.

Развѣ нельзя назвать *оскорбленіемъ и притѣсненіемъ*, когда незаконнымъ и деспотическимъ образомъ ставятъ священника на равнѣ съ виновными, подвергшимися позорному осужденію? Священникъ, лишенный своихъ священническихъ правъ, находится въ сходномъ положеніи съ гражданиномъ, лишеннымъ своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ. Было бы низостью лишать почтеннаго гражданина пользованія его гражданскими правами; не имѣю ли и я, съ своей стороны, права отнестись также строго къ тому поступку, который незаконнымъ образомъ лишаетъ меня пользованія моими священническими правами?

Въ положеніи, въ которое меня поставили, я принужденъ былъ отдалиться отъ многихъ священниковъ, своихъ друзей, изъ боязни компрометировать ихъ въ глазахъ духовной администраціи. Мѣра, принятая Морло, имѣла слѣдствіемъ то, что я уединенъ, лишенъ свободы и замкнутъ среди общества; я долженъ переносить всѣ жестокія послѣдствія страшнаго приговора, несмотря на свою невинность. Неужели это не *притѣсненіе*? Развѣ это не есть *публичное оскорбленіе* и одно изъ самыхъ жестокихъ, выраженное посредствомъ акта, публичнаго по своей сущности: „этотъ священникъ недостойнъ приступать къ алтарю; онъ настолько преступенъ, что заслуживаетъ быть лишеннымъ самыхъ священныхъ правъ своего служенія“. Вотъ каковъ буквальный смыслъ рѣшенія Морло.

Развѣ это *притѣсненіе* и это *оскорбленіе* не составляютъ пуб-

личнаго соблазна? Развѣ не составляетъ высшаго соблазна видѣть, что епископъ такъ мало заботится о правосудіи, что считаетъ виновнымъ того священника, котораго не желаетъ судить? Священника, котораго онъ обязанъ уважать и котораго онъ не могъ ни въ чемъ упрекнуть? Такой священникъ долженъ защищаться—это его право и долгъ. Чтобы защитить себя, онъ долженъ обнаружить деспотизмъ, жертвой котораго сдѣлался, ясно доказать и заклеить его.

Изъ всего этого проистекаетъ великій соблазнъ; но долженъ ли соблазнъ этотъ надать на того, кто поставленъ въ необходимость защищаться, или же на того, кто злоупотребляетъ своею властью, чтобы этимъ погубить свою жертву?

Отвѣтъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Отказъ, сдѣланный мнѣ кардиналомъ Морло, архіепископомъ Парижскимъ, въ дозволеніи мнѣ служить обѣдню есть:

- 1) Превышеніе власти.
- 2) Нарушеніе правилъ, освященныхъ канонами, принятыми во Франціи.
- 3) Лишеніе правосудія (*déni de justice*), и на основаніи этого—покушеніе на свободу, права и обычаи Галликанской Церкви.
- 4) Отказъ этотъ есть посягательство на мою честь.
- 5) Какое посягательство произвольно смущаетъ мою совѣсть.
- 6) И превращается въ отношеніи ко мнѣ въ притѣсненіе, оскорбленіе и публичный соблазнъ.

Итакъ, рѣшеніе кардинала Морло заключаетъ въ себѣ шесть случаевъ злоупотребленій, выраженныхъ въ ст. 6 органическаго закона Конкордата.

Вслѣдствіе этого, я обращаюсь къ кому слѣдуетъ съ жалобой на несправедливое рѣшеніе духовной власти.

Парижъ 1 Февраля 1858 года.

Ренатъ-Францискъ Гетте.

Г. Рулланъ (*Roulland*), министръ духовныхъ дѣлъ, вѣжливо просилъ меня прійти къ нему поговорить о моемъ дѣлѣ. Онъ

изучалъ вопросы духовнаго права, и нашелъ, что я правъ по всѣмъ пунктамъ, и даже сказалъ мнѣ, что мои аппеляціи и руководственная записка могутъ назваться *образцами* логики. Но онъ прибавилъ: „Ужели вы хотите, г. аббатъ, чтобы мы начали искъ противъ монсиньора кардинала-архіепископа Парижскаго? Императоръ никогда не дозволить этого“. Я отвѣчалъ: „Императоръ нарушитъ свой долгъ, вмѣшавшись въ дѣло, которое, по закону, не касается его. Законъ созданъ такъ же точно для Морло, какъ и для всякаго другаго епископа, который злоупотребляетъ своимъ правомъ, а долгъ, который законъ возлагаетъ на васъ, долженъ быть священнымъ и для васъ“. — „Я не спору, прибавилъ Рулландъ, но если бы вы знали сколько жалобъ, часто основательныхъ, мы получаемъ въ министерствѣ со стороны священниковъ противъ епископовъ! Если бы о вашей аппеляціи и о вашей *руководственной запискѣ* узнало второстепенное духовенство, то жалобы такъ бы увеличились, что мы были бы приведены въ безвыходное положеніе. Надѣюсь, г. аббатъ, что вы не придадите большой гласности этимъ сочиненіямъ. Вы очень серьезный человекъ, врагъ скандала и другъ мира. Прошу васъ не обращать вниманія на несправедливость, которая васъ дѣлаетъ жертвой. Обстоятельства могутъ измѣниться въ вашу пользу“.

Я не обѣщалъ министру держать въ секретѣ свои аппеляціи и свою руководственную записку. Я убѣдился, что не достигну справедливости отъ правительства, и вѣжливость Рулланда была единственнымъ результатомъ жалобы моей на несправедливое обращеніе духовной власти. Формальный законъ, къ которому я взывалъ, не былъ созданъ для кардинала-архіепископа Парижскаго, который платилъ низостью мнимому императору за свои получаемыя отъ него почести и деньги.

Что касается кардинала Морло, который своимъ рѣшеніемъ оскорблялъ мою священническую честь, то онъ столь же мало заботился о чести священника, какъ и о какомъ-нибудь пряникѣ (*nonnette*), изготовляемомъ его отцемъ; Дарбоа — его совѣтникъ, заботился объ этомъ столько же, сколько о банкѣ съ горчицей, продаваемой въ бакалейной лавкѣ его отца, а *ученый* и *благочестивый* V. заботился о священнической чести такъ же

мало, какъ и своей собственной. Онъ продолжалъ свои прелюбодѣянiя, и дѣлалъ за нихъ мужьямъ столь обильные взносы денегъ, что растратилъ свое личное состоянiе, и всѣ деньги, которыя могъ добывать. Кромѣ того, надѣлалъ столь значительныхъ долговъ, что это чуть не разразилось величайшимъ скандаломъ въ самомъ архіепископскомъ дворѣ. Тогда сочли нужнымъ помѣстить V. во главѣ одного изъ богатѣйшихъ приходоу Парижа, чтобы дать ему возможность расчитаться съ долгами, столь *свято* заключенными. Одинъ изъ его предшественниковъ, столь же *нравственный*, какъ и онъ самъ, составилъ значительное состоянiе въ этомъ приходѣ; почему же и онъ не могъ бы сдѣлать чего-нибудь подобнаго?

Но кредиторы такъ его мучили, что онъ не могъ переносить долге. Однажды утромъ нашли его мертвымъ. Среди Парижскаго духовенства распространился слухъ, что онъ отравился. Имущество его было продано до послѣдней тряпки, но вырученныя деньги были ничто въ сравненiи съ долгами. Такимъ то образомъ заплатилъ свои долги этотъ грубый господинъ, на котораго были возложены столь важныя обязанности Морло—Дарбоа.

Оба эти Дижонца, пряникъ и горчица, составляли по истинѣ одно цѣлое. Весьма вѣроятно, что пряникъ ограничился бы тѣмъ, что уже сдѣлалъ противъ меня, но горчица нашла, что это не было достаточно горькимъ.

Итакъ, въ одинъ прекрасный день я получилъ изъ префектуры небольшую бумагу, которой мнѣ назначалось свиданiе въ этомъ ужасномъ домѣ, гдѣ моя нога никогда не была. Чиновникъ, принявшій меня, сказалъ мнѣ *краснѣя*: „Господинъ аббатъ, мы получили отъ парижскаго архіепископскаго двора записку, въ которой насъ просятъ примѣнить къ вамъ тотъ законъ, какой обыкновенно примѣняется къ *рабочимъ, не имѣющимъ работы*, и изгнать васъ изъ Парижа“.

Я долженъ отдать справедливость чиновнику префектуры. Я видѣлъ, что онъ противъ своей воли исполнялъ постыдное порученiе, возложенное на него. Я отвѣчалъ ему: „Потрудитесь, м. г., написать архіепископу, что я не работникъ и не нуждаюсь въ работѣ; что я никогда отъ него ничего не требовалъ

и никогда ничего не потребую. Если я его стѣсняю въ Парижѣ, то онъ можетъ удалиться самъ. Никто отъ этого ничего не потеряетъ. Что касается до префектуры, то я заявляю, что не исполню ея приказа“. Послѣ этого я удалился.

Я хорошо предвидѣлъ, что архіепископскій дворъ не останется на столь прекрасномъ пути. Я принялъ предосторожности. Купилъ небольшой домъ въ окрестностяхъ Парижа, поселился въ немъ, и у меня осталось еще нѣсколько облигацій желѣзной дороги.

Только что я успѣлъ это устроить, какъ получилъ опять новую повѣстку изъ префектуры. Я опять отправился въ ужасный домъ, гдѣ мнѣ сказали, что архіепископскій дворъ настаивалъ на томъ, чтобы я удалился изъ Парижа. „Это опять на основаніи закона о *рабочихъ, не имѣющихъ работы?* Да, отвѣтили мнѣ. Вы напишите, возразилъ я, кардиналу Морло, что аббатъ Гетте не работникъ, не смотря на то, что я работаю больше его самого и его приближенныхъ; прибавьте еще, что я собственникъ, и живу въ принадлежащемъ мнѣ домѣ, чего не можетъ сказать ни онъ, ни его приближенные; скажите также, что я капиталистъ, и хотя мои доходы не такъ велики, какъ то жалованье, которое онъ получаетъ, не зарабатывая его, но доходы эти все же принадлежать мнѣ; наконецъ, вы напишите кардиналу Морло, что я литераторъ,—звание, котораго онъ никогда не могъ достигнуть, и что я еще буду работать въ Парижѣ для этого прекраснаго дѣла, хотя оно и навлекаетъ на меня преслѣдованія невѣждъ и лицемѣровъ. Что же касается префектуры, то я предупреждаю ее, что она только насильно можетъ меня изгнать изъ моего дома. Можете ли вы, г. аббатъ, сказалъ чиновникъ, представить мнѣ актъ на право владѣнія вашимъ домомъ. „Съ большимъ удовольствіемъ, м. г. я принесъ его съ собою“. Взглянувъ на этотъ документъ, онъ сказалъ мнѣ: „Господинъ аббатъ, вы можете спокойно оставаться у себя. Префектура не будетъ теперь обращать вниманія на хлопоты архіепископскаго двора“. И дѣйствительно, пряникъ и горчица принуждены были терпѣть мое пребываніе въ Парижѣ.

Морло, вѣроятно, предоставилъ Дорбоа сноситься съ пре-

фектурой. У него было много другихъ дѣлъ. Каждый день архіепископскій дворъ наполнялся дамами, которыя управляли епархіей Парижа. Буке, первый главный викарій, возмущался при видѣ того, какъ эти *кринолины*, какъ онъ ихъ называлъ, порхали вокругъ архіепископа, и назначали своихъ любимцевъ на самыя лучшія должности.

Одинъ первый викарій, весьма почтенный и уже старый, увидѣвши, что множество молодыхъ людей получало мѣста болѣе высокія, чѣмъ его, пошелъ однажды къ Буке, чтобы узнать не имѣютъ ли чего-нибудь противъ него, потому что онъ не получаетъ никакого повышенія. Буке отвѣтилъ ему: „Дорогой аббатъ, васъ нельзя ни въ чемъ упрекнуть; вы священникъ образованный и почтенный. Но чего же вы хотите? Главныя викаріи не управляютъ епархіей при новой администраціи“. Послѣ минутнаго молчанія, онъ прибавилъ: „Не знакомы ли вы съ какимъ-нибудь красивымъ кринолиномъ! Священникъ отвѣчалъ: „Я не понимаю, что вы хотите этимъ сказать?“. Дорогой мой аббатъ, прибавилъ Буке, женщины избираютъ духовныхъ лицъ. Если вы знакомы съ красивой и привѣтливой женщиной, то попросите ее походатайствовать за васъ у архіепископа, и вы достигнете своей цѣли. Я же не могу имѣть никакого успѣха“.

Таково то было управленіе Морло, который занимался только красивыми *кринолинами*, и предоставилъ Дорбоа все служебныя заботы.

К.

(Продолженіе будетъ).

НРАВСТВЕННОЕ ЧУВСТВО.

(ОПЫТЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО АНАЛИЗА)

(Окончаніе *).

II.

Понятіе о добрѣ, какъ оно дано прямому наблюденію у всѣхъ людей, стоящихъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, не заключаетъ въ себѣ прямо и непосредственно идеи пользы или счастья, блаженства, наслажденія и т. п., какъ думаютъ защитники евдемонизма и утилитаризма. Въ его содержаніи, прежде всего, открывается сознанію идея возвышенія, силы, превосходства, — словомъ, совершенства дѣйствія, отражающаго въ себѣ возвышеніе, превосходство — совершенство дѣйствующей духовной особы, или личности. Полезность, споспѣшествованіе счастью единичному и общему мыслятся при этомъ, какъ нѣчто само-собою являющееся съ добромъ, какъ естественная прибавка его главному содержанію, или какъ естественное, необходимое и само-собою понятное его послѣдствіе. Все это само-собою „прилагается“ къ добру, по слову Спасителя, выражающему самую сущность идеи добра, присущей всему человѣчеству, т. е. человѣческой душѣ. Подобнымъ же образомъ въ содержаніи понятія о нравственномъ злѣ прямо и непосредственно нѣтъ идеи вреда, страданія, несчастія. И въ немъ, прежде всего, уму открывается и дается идея паденія, униженія, болѣзненнаго разстройства, — словомъ, несовершенства творящей зло личности, отражающагося въ самомъ дѣйстви. Вредъ, страданіе, бѣдствіе

---

* См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г., № 11.

разрушеніе единичнаго и общаго благополучія и счастія, опять, мыслятся, какъ нѣчто само-собой являющееся за злымъ дѣйствіемъ, какъ его естественное и необходимое послѣдствіе. Все это—послѣдствіе зла, а никакъ не сущность, не составная часть его. Съ точки зрѣнія психологическаго анализа, основаннаго на простомъ наблюденіи состава идей добра и зла, противъ такого объясненія нельзя рѣшительно ничего возразить, потому что указанное содержаніе этихъ идей есть очевидный фактъ. Геніальнѣйшіе представители утилитаризма — эвдемонизма, а тѣмъ болѣе ихъ менѣе талантливые и проницательные послѣдователи и толкователи игнорируютъ этотъ фактъ, потому что съ своей искусственной, чисто внѣшней точки зрѣнія на процессъ нравственнаго развитія, они не могутъ подойти къ этому факту и, по мѣрѣ развитія своей доктрины, все болѣе и болѣе удаляются отъ него, погружаясь въ изслѣдованіе внѣшней жизни и внѣшнихъ отношеній человѣка. Къ этому присоединяется вліяніе предвзятаго взгляда, которому фактъ этотъ далеко не благопріятствуетъ. И не смотря на то, а всего вѣроятнѣе, именно, вслѣдствіе того, что фактъ описаннаго содержанія идей сообщается и указывается въ катихизмѣ и открытъ младенцамъ, онъ оказывается сокрытымъ отъ премудрыхъ и разумныхъ.

Понятное дѣло, что для того, чтобы могла образоваться идея добра, какъ возвышенія, поднятія, совершенства личности, и идея зла, какъ паденія, униженія, несовершенства ея, должна первоначально явиться у человѣка идея нѣкоторой духовной высоты, на которую можетъ подняться личность, идея совершенства личности вообще, и въ соотвѣтствіе съ этой положительной идеей, должна быть идея нѣкотораго низкаго духовнаго уровня, до котораго личность можетъ упасть, идея, однимъ словомъ, несовершенства. Послѣдняя, впрочемъ, уже сама собою дается съ первой, и особыхъ объясненій для ея происхожденія не потребуется, когда объяснено будетъ происхожденіе первой—совершенства. Идея совершенства личности есть, какъ показываетъ наблюденіе надъ ея образованіемъ, идея, болѣе или менѣе конкретный образъ совершенной или совершеннѣйшей личности. Отвлеченіемъ, общимъ понятіемъ она быть не можетъ, потому

что имѣть въ опытѣ совершеннѣйшихъ личностей, и не отъ чего сдѣлать отвлеченіе, которое есть всегда обобщеніе. Идея совершенства личности, такимъ образомъ, необходимо, по законамъ ума, превращается въ идеаль, является въ формѣ идеала,—идеальной личности. Въ этомъ идеалѣ, когда онъ развитъ полно и всесторонне, необходимо будетъ заключаться и представленіе полнаго счастья, или всеблаженства, и абсолютно разумной и полезной дѣятельности. Но и въ немъ, какъ и въ идеѣ добра, это представленіе составляетъ не существенную, не главную составную часть, а является только, какъ необходимое логическое слѣдствіе совершенствъ, изъ которыхъ слагается идеаль или идеальная личность. А эти совершенства состоятъ изъ всесторонняго и, притомъ, безконечнаго развитія всѣхъ силъ духовныхъ личности идеальной. Такое умственное построеніе, какъ идеаль совершенства, очевидно, не можетъ быть получено не только путемъ наблюденія полезности или вредности, пріятности или непріятности человѣческихъ дѣйствій, но и вообще путемъ наблюденія какой бы то ни было дѣйствительности, которая всегда несовершенна. Онъ можетъ явиться въ духѣ человѣческомъ не какъ результатъ наблюденія и отвлеченія, а какъ результатъ творческаго построенія, и самъ не можетъ быть предметомъ наблюденія, а только созерцанія, интуиціи. Матеріаломъ для его построенія можетъ быть только наблюденіе надъ личностью, надъ ея силами и свойствами, а это наблюденіе, по самому существу дѣла, можетъ имѣть основою и исходнымъ пунктомъ своимъ только самонаблюденіе, независимо отъ котораго, какъ извѣстно, человѣку не доступна внутренняя жизнь другаго человѣка. Такимъ образомъ, идеаль создается личностью, ея собственною творческою силою, составляющею ея постоянное свойство и притомъ основное, создается изъ матеріала даннаго главнымъ образомъ собственнымъ содержаніемъ личности, внутри ея, въ ея собственныхъ силахъ и свойствахъ. Идеаль, явившійся и являющійся первоначально, можетъ быть только полной и нераздѣльной собственностью личности духовной. Этого мало. Идеаль, составляя собственностью личности и по матеріалу и по формѣ, является съ полною и абсолютною необходимостію у каждой личности, нор-

мально сформированной, съ такою же необходимостію, съ какою являются у человѣка, напр., общія идеи и языкъ—даръ слова, сужденія, умозаключенія и т. п. Съ этой точки зрѣнія не будетъ преувеличеніемъ сказать, что человѣкъ, какъ человѣкъ, т. е., какъ мыслящій и творящій или просто фантазирующій духъ, не можетъ обойтись безъ идеала, не можетъ не создать его въ такой или другой его формѣ. Другими словами, идеаль составляетъ нераздѣльную и необходимую часть человѣческаго духа, необходимую часть содержанія его, содержанія личности. Безъ идеала человѣкъ не есть, въ собственномъ смыслѣ, человѣкъ, такъ же точно, какъ нельзя въ строгомъ смыслѣ назвать человѣческою личностью существо, неспособное ни къ какой формѣ мышленія. Въ этомъ смыслѣ—необходимаго возникновенія, притомъ, возникновенія органическаго, изъ самаго строя и природы духа,—идеаль изначала прирожденъ человѣку, а съ тѣмъ вмѣстѣ прирожденъ, очевидно, источникъ его нравственнаго развитія.

Необходимость представленныхъ и опирающихся на чисто психологическихъ данныхъ выводовъ и соображеній можно подтвердить и доказать еще другимъ путемъ. Путь этотъ освѣщаетъ дѣло съ новой стороны и съ тѣмъ вмѣстѣ даетъ возможность показать самый способъ, процессъ образованія идеала. Физическая, ближайшимъ образомъ, органическая природа, во всемъ составѣ живыхъ существъ, ее составляющихъ, постоянно измѣняется и совершенствуется, или прогрессируетъ. Слѣпо и бессознательно, но тѣмъ не менѣе постоянно и неуклонно она стремится къ какой то цѣли, постепенно преобразуется по какому то плану, типу, который, понятное дѣло, лежитъ не внѣ ея, а внутри, именно внутри всякаго живаго существа въ формѣ организаціонной силы, подобно тому, какъ въ каждомъ органическомъ зародышѣ находится несомнѣнно планъ или типъ, по которому необходимо, въ строго опредѣленной формѣ, организуется въ извѣстное время полный сложный организмъ. (Послѣ довольно продолжительнаго отрицанія этого очевиднаго факта, подъ вліяніемъ односторонняго эмпиризма, въ дарвинизмѣ наука пришла къ полному и рѣшительному признанію его). Этотъ организаціонный планъ, при-

сущій физической природѣ, этотъ можно сказать, идеаль природы открыть уму въ той части его, которая уже выполнена, какъ открыть и планъ каждаго существа, лежащій въ его зародышѣ; но въ чемъ состоитъ вся полнота его, какія будущія формы физическаго бытія лежатъ въ нѣдрахъ природы, въ ея организаціонной силѣ,—этого не можетъ, съ приблизительною даже вѣроятностію предвидѣть самый гениальный умъ, потому что онъ не можетъ проникнуть въ таинственное средоточіе этой силы. Человѣческій духъ, какъ бы ни понимали его природу, есть во всякомъ случаѣ совершеннѣйшій, живой организмъ, идеальный, въ смыслѣ недоступности его вѣвшимъ чувствамъ. Этотъ духовный организмъ есть цѣлый, въ себѣ замкнутый міръ, съ своею особою творческою силою и, потому, можетъ въ своей жизни и развитіи сравниваться только съ цѣлою органическою природою, а никакъ не съ отдѣльною живою особью,—тѣмъ болѣе, что онъ заключаетъ въ себѣ все, что есть самаго совершеннаго и существеннаго во всемъ мірѣ органическихъ существъ. Признавая присутствіе плана, организующаго начала въ цѣлой органической природѣ и въ каждомъ существѣ ея, нельзя, конечно, отрицать его въ совершеннѣйшемъ идеальномъ организмѣ—духѣ. Но его отношеніе къ этому, лежащему въ основѣ его бытія, типу, или плану, по самому существу его, по самой природѣ, совершенно иное, чѣмъ отношеніе безсознательной и неразумной природы. Духъ не только живетъ и развивается, какъ всякій организмъ, онъ знаетъ объ этомъ, онъ сознаетъ и воспринимаетъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сознать каждый самый мелкій процессъ, каждую дѣятельность и состояніе, изъ которыхъ слагается его жизнь. Сознавая каждую часть своего состава, духъ сознаетъ и воспринимаетъ всю ихъ совокупность, сознаетъ себя, какъ единое цѣлое съ большею или меньшею отчетливостію. И это сознаніе, какъ извѣстно, присуще ему съ извѣстнаго момента зрѣлости на всѣхъ ступеняхъ его развитія, что ясно и непреложно доказывається существованіемъ идеи „я“, личности, у каждаго, самаго темнаго, грубаго и неразвитаго человѣка. Сознавая себя, какъ единое цѣлое, духъ также сознаетъ съ большою ясностію, зависящею отъ развитія его умъ-

ственныхъ силъ и знанія, свое строеніе, силы дѣйствующія и обнаруживающіяся въ разныхъ явленіяхъ его жизни, что опять доказывается съ очевидностью существованіемъ у каждаго, самаго неразвитаго, человѣка понятій о памяти, размышленіи, или мышленіи, чувствѣ, или сердцѣ, хотѣніи, самоопредѣленіи, или волѣ. Наука только разъясняетъ эти понятія, приводитъ знаніе о нихъ къ подробностямъ и совершенству: въ дѣйствительности они существуютъ и являются сами собою, какъ простой необходимый результатъ сознанія и самосознанія. Сознывая и воспроизводя въ себѣ всѣ, такъ сказать, свои составныя части, ихъ сочетаніе въ цѣлое, сознавая свои стремленія, духъ человѣческій необходимо долженъ сознавать и тотъ творческій планъ, который лежитъ въ его основѣ и въ которомъ дана будущая судьба личности, конечный пунктъ развитія, къ которому способна его природа, ту высшую, совершеннѣйшую форму бытія, къ которой онъ стремится, которую онъ долженъ осуществить или къ которой онъ долженъ приближаться. Необходимость и естественность такого сознанія тѣмъ очевиднѣе, что духъ же своею силою открываетъ всюду въ природѣ присутствіе плана. Было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы онъ не сознавалъ его въ себѣ. Вотъ это то сознаніе лежащаго въ основѣ жизни духа, сознаніе организаціоннаго плана, какъ конечной цѣли его бытія и развитія, и даетъ начало тому, что называется идеаломъ. Это представленіе совершенства, конечной цѣли человѣческой природы. Не имѣя возможности прямо и непосредственно наблюдать въ себѣ совершеннѣйшія формы своего собственнаго бытія, имѣющія нѣкогда наступить, духъ прибѣгаетъ къ весьма простому приему, въ которомъ всего чаще обнаруживается его творчество. Онъ силою своей фантазіи увеличиваетъ до послѣднихъ предѣловъ и количественно и качественно всѣ составныя части и стороны своего существа, открытыя его непосредственному воспріятію и такимъ образомъ возсозидаетъ изъ его элементовъ образъ того, чѣмъ ему предназначено быть, чѣмъ онъ долженъ и можетъ быть. Какъ бы сквозь увеличительный приборъ фантазіи творящей, духъ созерцаетъ въ зародышѣ свое будущее величіе, совершенство, созерцаетъ, конечно, сообразно со степенью своего развитія

въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, созерцаетъ по необходимости смутно, преувеличенно; но необходимо созерцаетъ и не можетъ не созерцать, какъ не можетъ не сознавать, что у него есть способность помнить, понимать и т. п. Если бы зерно дуба обладало сознаниемъ и съ нимъ связанными силами человеческого творческаго духа,—въ немъ, подобно идеалу у человека, явился бы смутный образъ того необъятнаго великаго и совершеннѣйшаго, сравнительно съ нимъ, растительнаго организма, какимъ ему быть предстоитъ.

Итакъ, у человека есть идеаль—образъ совершенства его духовной природы. Этотъ идеаль является съ полною необходимостію и не можетъ не явиться у человека, какъ человекъ. Онъ получается изъ внутренняго наблюденія духомъ своего состава и составляетъ нераздѣльную составную часть его бытія, его содержанія въ дѣйствительности. Въ то же время онъ есть сознание и воспроизведеніе, восозданіе творческаго плана, положеннаго въ основу духа и творческое созерцаніе такой конечной совершеннѣйшей формы его бытія, элементы которой даны въ зачаточной формѣ въ самомъ его существѣ. Въ этомъ смыслѣ идеаль прирожденъ человеку, начертанъ въ его природѣ, въ природѣ его духа.

Присутствіе въ душѣ человека образа совершенства, или идеала, возникающаго съ необходимостію изъ непосредственнаго наблюденія имъ состава своей природы, путемъ творческаго преобразованія свойствъ ея, по методу увеличенія ихъ,—дѣлаетъ необходимымъ сравненіе дѣйствительнаго обнаруженія этихъ свойствъ въ дѣйствіяхъ и самыхъ дѣйствій человека съ идеаломъ, т. е., съ образомъ того, чѣмъ они должны быть, достигнувъ полноты своего развитія, своего совершенства. Сравненіе это производится постоянно, съ необыкновенною быстротою при обыкновенномъ теченіи жизни и, потому, дѣлается автоматическимъ, бессознательнымъ—незамѣтнымъ, какъ всѣ другія постоянныя или очень часто являющіяся состоянія сравненія—отождествленія и раздѣленія въ другихъ областяхъ душевной жизни. Но въ исключительныхъ и важныхъ случаяхъ жизни весь процессъ, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, возникаетъ медленнѣе, сравнительно, съ большею отчетливостію и

можетъ быть наблюдаемъ каждымъ совершающимъ его и умѣющимъ наблюдать. Какъ бы то нибыло, при помощи этого внутренняго приспособленія, механизма своего рода, становится возможною непосредственная, большею частію, моментальная, безъ всякихъ соображеній о послѣдствіяхъ, оцѣнка всякаго дѣйствія, признаніе его обнаруженіемъ силы или слабости, приближеніемъ къ идеальному типу или удаленіемъ отъ него, согласіемъ или противорѣчіемъ съ идеаломъ совершенства—добромъ или зломъ. Оцѣнка эта совершается также непосредственно, какъ оцѣнка величины предмета, разстоянія и т. п., при помощи присущихъ каждому человѣку данныхъ въ самомъ его организмѣ и непосредственныхъ состояніяхъ сознанія, способовъ измѣренія, при помощи мышечнаго чувства. Или еще ближе къ дѣлу и нагляднѣе,—оцѣнка эта совершается также непосредственно, какъ сознаніе тепла и холода, вообще измѣненій температуры, при чемъ мѣркою, масштабомъ является здѣсь никакъ ужъ не опытъ, а опредѣленная, нормальная или ненормальная температура организма, данная въ непосредственномъ сознаніи, помимо всякаго опыта внѣшняго, въ опытѣ внутреннемъ. Она напоминаетъ также по своему характеру непосредственное сознаніе здоровья и болѣзни, усталости и бодрости. Эти аналогіи объясняютъ намъ, почему оцѣнка добра и зла въ дѣйствительности называется чувствомъ добра и зла—естественнымъ чувствомъ. Существованіе приспособленія даннаго въ идеалѣ и возникающемъ отсюда сравненіи съ нимъ дѣйствій объясняетъ самый процессъ происхожденія этого чувства, психическій механизмъ и устройство его, одинаковое у всѣхъ людей. Съ тѣмъ вмѣстѣ передъ нами возникаетъ въ самомъ чистомъ видѣ и вполнѣ понятный процессъ первоначальнаго возникновенія идей добра и зла. Онѣ возникаютъ не изъ внѣшняго наблюденія надъ послѣдствіями дѣйствій и ихъ вліяніемъ на благополучіе и счастье человѣка,—возникаютъ прежде, чѣмъ эти наблюденія могутъ быть даже произведены съ достаточною полнотою для общаго вывода изъ нихъ,—возникаютъ путемъ самосознанія и внутренняго наблюденія изъ той глубины духа, сознающаго себя и созерцающаго свой составъ, изъ которой возникаетъ какъ мы видѣли, идеалъ,—источникъ и основа этихъ

идей. Понятное дѣло, что психическое приспособленіе, изъ котораго составляется внутренній органъ нравственнаго чувства.— у однихъ, въ силу общаго характера душевной жизни, лучше. у другихъ хуже, т. е. у однихъ идеаль возникаетъ полно и ясно и сравненіе производится отчетливо и энергично, у другихъ идеаль едва намѣчается въ сознаніи, и сравненіе съ нимъ дѣйствій своихъ и чужихъ неопредѣленно, темно и т. п. Помимо такой природной силы или слабости нравственнаго органа, на его характеръ могутъ вліять и постоянно вліяютъ окружающая среда, общія условія жизни, укрѣпляющія или подавляющія его упражненіе и навыкъ, воспитаніе и т. п. Съ тѣмъ вмѣстѣ и чувство добра и зла—нравственное—является сильнымъ, отчетливымъ, или слабымъ, темнымъ: оно можетъ вовсе заглушаться и подавляться, возникая опять рѣдко и съ малою энергіею; можетъ давать фальшивую, иллюзорную оцѣнку, принимать добро за зло, и наоборотъ, какъ это бываетъ въ области внѣшнихъ чувствъ. Но отъ этого сущность дѣла нисколько не измѣняется, а только нравственный органъ и нравственное чувство включаются въ разрядъ всѣхъ другихъ естественныхъ силъ и способностей, свойствъ человѣческаго духа; становится необходимымъ тщательное изученіе состава, условій происхожденія и дѣйствія, самый тщательный уходъ за нимъ и воспитаніе, основанное на точномъ знаніи его природы. Возникшія описаннымъ путемъ идеи добра и зла, необходимо сначала темныя и неопредѣленныя, встрѣчаются затѣмъ съ опытомъ человѣка внѣшнимъ. Параллельно и одновременно съ возбужденіемъ ихъ изнутри начинается и развивается наблюденіе надъ послѣдствіями и вліяніемъ реальныхъ дѣйствій на благополучіе и счастье человѣка, которое утилитарно-эвдемонистическая теорія считаетъ существеннымъ источникомъ идей добра и зла. Среди дѣйствій человѣка выдѣляются такія, которыя постоянно и при всякихъ условіяхъ способны производить прочное благополучіе дѣйствительное, въ противоположность другимъ, которыя или прямо разрушаютъ счастье, или создаютъ временное, случайное, непрочное благополучіе и т. д. Эти, обладающія высшей степенью полезностей и пріятностей дѣйствія, естественно въ то же время суть и такія, которыя всего болѣе

способствуютъ внутреннему возвышенію человѣка, приближаютъ его къ идеалу совершенства, гармонируютъ съ этимъ идеаломъ. Потому они и являются въ сознаниіи не просто полезными и способствующими благополучію, а добромъ, а имъ противоположныя не просто вредными и разрушающими благополучіе—а зломъ. Безъ этой встрѣчи съ готовыми въ извѣстномъ отношеніи категоріями совершенства и несовершенства, добра и зла, сами по себѣ опыты внѣшніе не могли бы привести къ такимъ идеямъ. Самое даже сосредоточеніе вниманія на высшей полезности или вредности дѣйствій, самая группировка ихъ, являющаяся при весьма незначительномъ опытѣ, при самыхъ несложныхъ жизненныхъ условіяхъ, очевидно, въ значительной степени зависитъ отъ возможности, присущей человѣку, прямой и непосредственной оцѣнки, такъ сказать, аргіогі, дедуктивной. Человѣкъ уже ожидаетъ съ увѣренностью отъ извѣстныхъ дѣйствій лучшихъ послѣдствій жизни, предвидитъ, предчувствуетъ эти послѣдствія. Опытъ, иногда спустя долгое время, повторяясь въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, оправдываетъ это предчувствіе. Онъ служитъ провѣркою оцѣнки дѣйствій на основаніи идеала, а никакъ не порождаетъ самъ этой оцѣнки. Накопляясь и вводя въ идею добра сознание связаннаго съ нимъ благополучія, поражая умъ, какъ открытіе новой стороны, новой истины, процессъ такой жизненной повѣрки добра и зла, въ опредѣленный моментъ развитій человѣка и человѣчества, естественно, сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе и дѣлаетъ утилитарно-эвдемонистическую оцѣнку дѣйствій преобладающею, закрывая первоначальный источникъ и основу этой оцѣнки отъ цѣлыхъ поколѣній людей и затѣмъ отъ позднѣйшихъ изслѣдователей нравственной жизни человѣка. Влія такимъ образомъ на ходъ и направленіе опыта и наблюденія жизненной цѣнности дѣйствій, приводя его къ понятію добра и зла, нравственное чувство и лежащій въ его основѣ идеаль сами естественно подвергаются значительнымъ измѣненіямъ со стороны опыта внѣшняго, хотя здѣсь много значитъ и расширение знанія человѣка о составѣ и свойствахъ своей природы. Какъ-бы то ни было, идеаль постепенно и незамѣтно измѣняется—въ своемъ составѣ и формальномъ отношеніи своихъ частей подъ вліяніемъ внѣшняго опыта.

Изъ него многое исключается, что казалось совершенствомъ при извѣстныхъ условіяхъ, и включается нѣчто такое, что не было и не могло быть замѣчено. Но, измѣняясь, идеаль постоянно сохраняетъ свое положеніе и значеніе во внутренней жизни человѣка. Онъ всегда и на самыхъ высшихъ степеняхъ своего развитія, какъ и при самомъ зарожденіи своемъ, дѣлаетъ для человѣка возможною прямую, непосредственную оцѣнку дѣйствій, производитъ явленіе нравственнаго чувства. Это чувство только становится тоньше, благороднѣе, шире въ своей дѣятельности. По своему устройству, по всѣмъ другимъ условіямъ своего бытія, оно остается тѣмъ же и дѣлаетъ человѣка высоко-развитаго и дикаря одинаково моральною личностью,—и ихъ поступки—добрые, гармонирующіе съ идеаломъ каждаго изъ нихъ, совершаемые подъ вліяніемъ идеала,—одинаково цѣнными, одинаково добродѣтелями, съ общей точки зрѣнія. Разница въ силѣ нравственнаго чувства отъ природы, внѣшнихъ вліяній, воспитанія, привычки и т. п. остается та же самая, и, потому, высокоразвитый умственно человекъ можетъ обладать неразвитымъ, слабымъ моральнымъ чувствомъ, а неразвитый дикарь—въ высшей степени напряженнымъ и тонкимъ. Послѣдній, какъ моральная личность, будетъ выше, ближе къ совершенству вообще, чѣмъ первый, какъ весьма часто и бываетъ.

Измѣняя существенно пониманіе самой природы и всего хода нравственнаго развитія человѣка, излагаемая теорія, устанавливаетъ совершенно другой, отчасти противоположный утилитарно-эвдемонистическому, взглядъ на чувство долга, обязанности и нравственный законъ, взглядъ болѣе широкой и болѣе согласный съ прямымъ наблюденіемъ надъ этимъ чувствомъ. Если добро въ дѣйствительномъ представленіи человѣка есть лучшее, совершеннѣйшее; если сознаніе этого совершенства дается прямо и непосредственно созерцаніемъ совершенства своей природы въ идеаль: то о чувствѣ насилія, принужденія, которое кажется и считается присущимъ тому, что называется чувствомъ долга, обязанности,—не можетъ быть, очевидно, и рѣчи. Въ основѣ своей оно есть въ высшей степени пріятная потребность лучшаго, совершеннѣйшаго, любовь, расположеніе

прямое и непосредственное къ лучшему, идеалу. Говорить здѣсь о принужденіи такъ же нелѣпо, какъ говорить о принужденіи считать прекраснымъ то, что кажется таковымъ и есть на самомъ дѣлѣ, о принужденіи считать сладкое сладкимъ, горькое горькимъ и т. п. Чувство принужденія, дѣйствительно, являющееся въ связи съ потребностью дѣлать добро, осуществить идеаль въ своей жизни, потребностью, которая и есть въ собственномъ смыслѣ чувство долга, чистое, безъ всякой посторонней примѣси,—чувство принужденія возникаетъ изъ того, что осуществленіе идеала въ жизни, даже въ самыхъ ограниченныхъ предѣлахъ, встрѣчаетъ множество препятствій и противодѣйствій, и есть всегда болѣе или менѣе тяжелый трудъ, подвигъ, требующій усилія и иногда напряженія всѣхъ силъ духа. Въ силу этого, громко говорящая потребность добра, любовь къ добру кажется тяжелымъ принужденіемъ по своей природѣ. Неправильное воспитаніе нравственнаго чувства, пробужденіе его путемъ приказаній, даже насилій и наказаній, вмѣсто того, чтобы дѣлать это при помощи развитія идеала и любви, расположенія къ нему,—имѣетъ своимъ результатомъ то, что иллюзія принудительности чувства долга становится чуть ли не всеобщей. Въ виду этого весь нравственный законъ, выражающійся, по необходимости, въ предписаніяхъ, заповѣдяхъ, повелѣніяхъ, имѣетъ особенный характеръ, отличающій его отъ всѣхъ другихъ законовъ. Будучи выраженіемъ требованій природы, признаваемыхъ непосредственно самимъ человѣкомъ болѣе или менѣе ясно, нравственный законъ—есть законъ, предписываемый себѣ самимъ человѣкомъ, или—все равно—Божествомъ, создавшимъ эту его природу. Въ немъ человѣкъ повинуется, такъ сказать, собственнымъ приказаніямъ и не имѣетъ никакого разумнаго основанія не слушаться этихъ приказаній. Благодаря этимъ особенностямъ, нравственный законъ служитъ основою и началомъ, дающимъ силу всѣмъ гражданскимъ и политическимъ законамъ.

Сознаніе необходимости и обязанности осуществлять, по мѣрѣ силъ, идеаль въ каждомъ дѣйствіи и во всей ихъ совокупности, во всей жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ достигать возможнаго совершенства и счастья,—такъ называемое чувство нравствен-

наго долга и обязанности исключаетъ всякое внѣшнее принужденіе, всякое насиліе. Источникомъ его и основою является не чувство и идея требованія, повелѣнія, приказанія со стороны какой-нибудь внѣшней силы, а естественное расположеніе, стремленіе человѣка къ лучшему, совершеннѣйшему, къ высшему благу и счастію—дѣйствительному и прочному. Съ точки зрѣнія психологическаго анализа—чувство долга есть духовный инстинктъ, естественное и неотразимое требованіе природы духа человѣческаго, и его обязательность и принудительность не больше и не меньше того могучаго принужденія, которое лежитъ въ каждомъ, на примѣръ, органическомъ инстинктѣ. Его можно ослабить, подавить, исказить, какъ всякій инстинктъ, но уничтожить нельзя, потому что онъ есть показатель выраженія самыхъ основъ и строя всей жизни духа. Вотъ почему нѣтъ человѣка здороваго душевно, который бы хотя въ слабой, искаженной формѣ не испытывалъ и не обнаруживалъ этого чувства. Его можно развивать, доводить до крайней степени напряженія, до господства надъ всѣми другими чувствами; для этого можно употреблять разные способы искусственные и, такимъ образомъ, видоизмѣнять его форму и отчасти составъ; можно, на примѣръ, какъ всего чаще бываетъ это, развивать чувство долга въ формѣ привычки повиноваться положительнымъ требованіямъ, заповѣдямъ, законамъ и т. п. и, такимъ образомъ, искусственно вводить въ составъ его сознаніе внѣшняго принужденія, чувство своего рода насилія. Но отъ этого, конечно, не измѣняется его дѣйствительная природа, его основы и источникъ. Оно остается все-таки въ сущности стремленіемъ къ совершенству, и, на высшихъ степеняхъ своего нормальнаго развитія и въ совершеннѣйшей своей формѣ, сознанное и продуманное, есть любовь страстная, обнимающая всю душу, любовь къ идеалу. Вслѣдствіе же тѣсной связи идеала совершенства человѣческой природы съ реальнымъ первообразомъ его, идеаломъ всесовершенства, Бога, чувство долга превращается въ любовь къ Богу, т. е. къ идеалу и источнику всѣхъ совершенствъ. Тогда самый процессъ исполненія долгаго, осуществленія въ жизни идеала становится величайшимъ наслажденіемъ, соединяется съ

чувствомъ близости Божества, жизни въ немъ и т. п. Самая тѣнь какого-нибудь принужденія исчезаетъ, и наступаетъ то состояніе праведности, когда самыя заповѣди и предписанія закона нравственнаго становятся излишними, исчезаютъ изъ сознанія:—они сливаются съ жизнію и дѣятельностью человѣка, становятся жизнью, которая раскрывается со всею возможною для человѣка полнотою и совершенствомъ. Такое состояніе человѣка есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію, какъ фактъ бытія праведниковъ и святыхъ людей, героевъ, геніевъ добродѣтели—во всѣ времена, во всѣхъ состояніяхъ и на всѣхъ ступеняхъ умственнаго развитія. Оно, это состояніе, замѣтимъ, положительно необъяснимо и даже вполне невозможно съ точки зрѣнія утилитарной теоріи, по которой сущность долга состоитъ въ привычкѣ слушаться внѣшнихъ предписаній, а на самыхъ высшихъ степеняхъ развитія есть только перенесеніе чувства повиновенія на свои собственные представленія о требованіяхъ долга. Это обстоятельство служитъ однимъ изъ сильныхъ косвенныхъ доказательствъ согласія съ дѣйствительностію, истинности изложеннаго воззрѣнія.

При всемъ томъ, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что обыкновенные люди, т. е., громадное большинство, сознаютъ долгъ не только какъ припужденіе, но какъ нѣчто очень трудное и тяжелое для выполненія, какъ нѣчто такое, что нерѣдко идетъ въ разрѣзъ съ самыми, по видимому, естественными требованіями человѣческой природы. Но источникъ этого элемента въ сознаніи долга не въ самой его природѣ, а, помимо неправильнаго, искусственнаго, механическаго воспитанія чувства долга, въ тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, среди которой человѣку приходится стремиться къ осуществленію въ своей личности идеала.

Прежде всего, жизнь всякаго общества, слагается не по идеалу, а подъ вліяніемъ своекорыстныхъ расчетовъ и страстей отдѣльныхъ сильныхъ личностей и цѣлыхъ соціальныхъ единицъ-классовъ и т. п., весьма часто навязываетъ, въ качествѣ должнаго и обязательнаго, такія требованія, которыя не только нельзя вывести изъ идеала съ логическою необходимостію, но которыя прямо противорѣчатъ ему, противорѣчатъ даже просто здравому смыслу, или безсмысленны и нелѣпы, хотя, въ силу при-

вычки, кажутся большинству нравственными и разумными. При такихъ условіяхъ тяжесть долга у людей съ развитымъ сознаниемъ идеала и нравственнымъ чувствомъ—является не болѣе, какъ отрицательнымъ выраженіемъ иногда бессознательнаго стремленія къ осуществленію въ жизни дѣйствительно должнаго.—Другой источникъ сознанія тяжести долга, заключается въ томъ, что осуществленіе идеала въ жизни, даже въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ, требуетъ постояннаго вниманія къ себѣ, оцѣнка и критика cadaго дѣйствія требуетъ, затѣмъ, почти постояннаго сосредоточенія всѣхъ силъ духа, упорнаго труда, какъ единственнаго средства къ постоянному совершенствованію. Но если трудъ и доставляетъ человѣку въ самомъ процессѣ его совершенія много удовольствій разнаго рода, то и чувство покоя, жизнь безъ усилій и борьбы, отдаче себя въ полное распоряженіе игрѣ и борьбѣ естественной чувствъ и потребностей, легко и удобно удовлетворяемыхъ—само по себѣ пріятно, какъ самое покойное положеніе тѣла, и доставляетъ множество мелкихъ, разнообразныхъ и очень яркихъ удовольствій. Легко погружаясь въ такое состояніе сна духовнаго, въ силу общаго закона, по которому опускаться и падать удобнѣе, чѣмъ подниматься и держаться на высотѣ, человѣкъ обыкновенно испытываетъ иногда очень сильное стремленіе къ идеалу; идеаль привлекаетъ и зоветъ его на трудъ, обязываетъ, возбуждаетъ сознаніе паденія и т. п. Но, прогрессивно возрастающая съ продолженіемъ покоя инерція всего существа человѣка требуетъ все болѣе и болѣе усилій для побужденія своего сопротивленія и съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ чувство тяжести и трудности слѣдовать внушеніямъ долга. Рано или поздно при этомъ наступаетъ моментъ, когда покой, жизнь безъ высшей цѣли, по теченію, безъ усилій, жизнь, состоящая изъ мелкихъ удовольствій, наполняющихъ пустоту душевную,—когда такая жизнь превращается въ страданіе, которое необходимо является какъ результатъ полной дезорганизаціи высшихъ силъ духа, ихъ ослабленія, похожаго на расслабленіе и болѣзненное разстройство организма отъ продолжительной физической бездѣятельности и покоя. Идеаль становится еще привлекательнѣе, стремленіе къ нему сильнѣе;

но при полномъ безсиліи и расслабленіи силъ духа осуществленіе этого стремленія становится не только еще труднѣе, но просто невозможнымъ, и сознаніе трудности нравственныхъ обязанностей и трудности долга возрастаетъ до самыхъ послѣднихъ предѣловъ.—Третій, самый постоянный источникъ трудности и тяжести долга, находится въ самой природѣ идеала и въ его отношеніи къ ограниченной и конечной живой человѣческой личности, какъ живой физической особи. Идеаль по самому существу своему есть нѣчто безконечное, никогда недостижимое, особенно въ предѣлахъ короткой жизни личности въ этомъ мірѣ чувственномъ, и есть собственно вѣчная нескончаемая цѣль человѣческаго существа. Въ этомъ его великая сила и значеніе и, лишившись этого основнаго свойства, онъ перестаетъ уже быть идеаломъ. Вотъ почему на самой высокой ступени нравственнаго совершенства человѣкъ, сравнивая себя съ идеаломъ, чувствуетъ и необходимо долженъ чувствовать свою крайнюю мизерность, „неключимость“ и проникается тѣмъ высокимъ смиреніемъ, которое есть всегда спутникъ истинной высоты и величія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, идеаль, порождающій, какъ мы видѣли, съ необходимостію чувство Божества и увѣренность въ Его бытіи, съ необходимостію вызываетъ въ человѣкѣ самымъ своимъ присутствіемъ сознаніе, чувство вѣчнаго продолженія и безсмертія личности, ложится въ основу той непоколебимой увѣренности духа въ своей неразрушимости, которая выражается въ невозможности для него представить даже свое уничтоженіе и дѣлаетъ собственно излишними всякія доказательства этой истины. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ идеала жизнь личности раздѣляется на двѣ неравныя части—временную и вѣчную. Идеаль, правда, объединяетъ ихъ, требуя превращенія временной жизни въ приготовленіе къ вѣчности, или, точнѣе,—въ начало вѣчной жизни: онъ опредѣляетъ то, что есть вѣчнаго и неизмѣннаго въ человѣческой природѣ и чѣмъ она должна быть всегда. Но и конечная жизнь личности, въ опредѣленныхъ условіяхъ, предъявляетъ, такъ сказать, свои права; рядомъ съ сознаніемъ вѣчнаго продолженія личности, возникаетъ сознаніе конечности, краткости ея бытія въ этой формѣ физической особи. Рядомъ

съ потребностію совершенства, вѣчнаго бытія, возникаетъ естественно и необходимо потребность полноты личнаго бытія временнаго,—потребность испытать всѣ блага этой краткой жизни. И эта потребность можетъ быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ яснѣе сознаніе кратковременности жизни. Такъ какъ требованія идеала абсолютны, а потребности, конечно—чувственной личности, какъ такой, имѣютъ смыслъ и значеніе только въ короткое теченіе земной жизни, то между тѣми и другими неизбѣжно возникаетъ коллизія, у однихъ сильнѣе, у другихъ слабѣе, но всегда возникаетъ. При этомъ удовлетвореніе потребностямъ чувственно-конечнаго бытія всегда болѣе или менѣе обставлено сильными пріятными чувствами, наслажденіями, несравненно легче и доступнѣе, чѣмъ удовлетвореніе первыхъ, и они кажутся такъ же естественными, законными, какъ и требованія долга. Пожертвованіе ими долгу, потому, естественно. кажется насильемъ. Идеаль требуетъ любви ко всѣмъ, а жизнь есть борьба, она требуетъ гнѣва, презрѣнія, мести и т. п.; въ противномъ случаѣ ей грозитъ ослабленіе, прекращеніе. Идеаль требуетъ воздержанія, терпѣнія и т. п., а жизнь конечная—наслажденія благами. Отсюда развивается любовь къ тому, что противорѣчитъ идеалу, такъ называемая на языкѣ богословскомъ, любовь ко грѣху,—ко злу.

III.

Идеи добра и зла, нравственный законъ и чувство долга, составляющіе основу сложнаго мотива нравственнаго, съ психологической точки зрѣнія, являются продуктомъ двухъ факторовъ и слагаются изъ ихъ постоянного взаимодѣйствія,—наблюденія значенія дѣйствія для достиженія благополучія, счастья и сравненія ихъ съ идеаломъ совершенства человеческой природы. Въ связи съ ними, при оцѣнкѣ дѣйствій предъ совершеніемъ ихъ и послѣ совершенія, возникаетъ особаго рода волненіе, чувствованіе, или, точнѣе, дѣлая особая группа нравственныхъ чувствованій, которыя называются совѣстью. Такъ какъ чувство это въ своемъ происхожденіи и развитіи зависитъ отъ предшествующей ему оцѣнки дѣйствій на основаніи требованій нравственнаго закона и долга и сливается часто

съ этою оцѣнкою въ одинъ быстро возникающій актъ сознанія, то оно нерѣдко представляется особою силою души, источникомъ и органомъ самого нравственнаго закона и долга. Но это чистое недоразумѣніе. Совѣсть, въ собственномъ смыслѣ, какъ особое душевное состояніе, есть слѣдствіе оцѣнки дѣйствій, а не причина ея, что видно уже изъ того, что она съ одинаковою силою и опредѣленностію можетъ существовать при различномъ до противоположности пониманіи добра и зла. Она есть чистое волненіе, связанное съ оцѣнкою дѣйствій и вызываемое ею и состоитъ изъ двухъ противоположныхъ волненій, изъ которыхъ одно называется одобреніемъ, спокойствіемъ совѣсти, другое — неодобреніемъ, мученіемъ совѣсти или возмущеніемъ совѣсти, когда волненіе развивается въ связи съ оцѣнкою дѣйствій другихъ людей. Каждое изъ этихъ противоположныхъ волненій въ свою очередь—явленіе сложное и составляется изъ нѣсколькихъ разнаго рода волненій. Основнымъ чувствомъ въ одобреніи совѣсти является непосредственно возникающее чувство удовольствія при воспріятіи и представленіи добра въ своихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ другихъ людей. Удовольствіе это является, какъ предъ совершеніемъ дѣйствій, такъ и послѣ его. Въ первомъ случаѣ оно всегда слабѣе, чѣмъ въ послѣднемъ. Къ удовольствію отъ добра, какъ обнаруженію чего-то лучшаго и совершеннѣйшаго, нерѣдко присоединяется родъ эстетическаго удовольствія, проистекающаго изъ сознанія гармоніи дѣйствія съ идеаломъ и своего рода красота его. Рядомъ съ этимъ основнымъ волненіемъ является пріятное тоже чувство силы, превосходства и иногда побѣды, такъ какъ исполненіе долга требуетъ усилій и борьбы. Чувство это можетъ стать преобладающимъ въ составѣ совѣсти, и тогда весьма легко превращается въ гордость и самоувѣреніе, связанное съ преувеличеніемъ своей силы, добродѣтельности. Къ пріятному чувству силы присоединяется въ процессѣ совѣсти не менѣе пріятное сознаніе и волненіе, съ нимъ соединенное, одобренія со стороны другихъ людей, иногда славы и т. п. Удовольствіе одобренія, доброй славы, всегда входящее въ составъ совѣсти, тоже легко можетъ принять неправильную, аномальную форму и создать стремленіе дѣлать добро

на-показъ, — такъ называемое фарисейство. Наконецъ. въ составъ совѣсти входитъ всегда чувство безопасности, спокойствія, проистекающее изъ увѣренности, что доброе дѣйствіе не можетъ имѣть никакихъ, дѣйствительно, дурныхъ, вредныхъ, неприятныхъ послѣдствій. Это чувство не очень сильное, не острое, а пассивное, въ то же время самое устойчивое, продолжительное, потому отмѣчено здравымъ смысломъ, какъ важнѣйшій моментъ совѣсти одобряющей, и дало свое имя цѣлому процессу. Всѣ эти чувства, постоянно встрѣчаясь вмѣстѣ, сливаются въ одно цѣлое чувство, взаимно усиливая и поддерживая другъ друга,—чувство въ высшей степени пріятное, хотя тихое. Испытанное во всей своей силѣ, оно становится силою, заставляющею человѣка съ большею готовностію предпочитать добро—злу.

Противоположное состоянію одобренія или спокойствія совѣсти, есть состояніе неодобренія, возмущенія совѣсти, на высшей степени называемое мученіемъ, терзаніемъ совѣсти. Передъ совершеніемъ дѣйствія, нарушающаго нравственный законъ и при видѣ его въ другихъ оно является, какъ и одобреніе, въ слабыхъ своихъ формахъ, и полного развитія достигаетъ въ виду совершившагося дѣйствія и притомъ своего. Явленіе это также сложное и составлено изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ процессовъ, сливающихся, по законамъ душевнымъ, въ одно цѣлое,—чувство неудовольствія, отвращенія, возбуждаемое непосредственно воспріятіемъ и идеею зла. Это чувство основное, и степени его силы у отдѣльныхъ личностей служатъ мѣрою природной силы и развитія совѣсти. Второе явленіе, входящее въ составъ совѣсти неодобряющей, есть сознаніе слабости, безсилія своего собственнаго. Какъ извѣстно, чувство это относится къ самымъ неприятнымъ и тягостнымъ. Третье явленіе—сознаніе неодобренія, неудовольствія, отвращенія, которое возбуждается нашими поступками въ другихъ людяхъ. Сознаніе этого неодобренія превращается въ особое специфическое волненіе съ опредѣленнымъ выраженіемъ, въ особое чувство, которое называется стыдомъ. Чувство это заставляетъ человѣка скрывать все, что онъ считаетъ недостаткомъ, слабостью и т. п., и возникаетъ всегда, когда они обнаружи-

ваются. Но такъ какъ оно ассоціровано съ самою идеею, представленіемъ извѣстности, открытія другими свойствъ и дѣйствій его возбуждающихъ, то оно можетъ возникать при отсутствіи самаго факта открытія и порицанія другими. При этомъ, чѣмъ яснѣе и ярче самая идея, тѣмъ сильнѣе и чувство стыда. Четвертая составная часть мученія совѣсти есть чувство страха. Оно имѣетъ разныя причины: страхъ открытія для всѣхъ безнравственнаго проступка и, слѣдовательно, страхъ испытать чувство стыда не въ идеѣ только, а реально и во всей его силѣ, страхъ неприятностей, невыгодъ, потерь и т. п. Страхъ наказанія со стороны общественной власти, Бога и т. п. Страхъ тоже весьма мучительное чувство, способное притомъ же само себя увеличивать и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивать свою мучительность. Дѣло въ томъ, что страхъ парализуетъ критическую способность человѣка, дѣлаетъ его неспособнымъ къ оцѣнкѣ фактовъ и къ пониманію ихъ. Отсюда, всякій разъ, какъ страхъ возбуждается,—его причины естественно преувеличиваются, считаются сильнѣе и важнѣе, чѣмъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ. Это преувеличеніе тѣмъ успѣшнѣе совершается, чѣмъ менѣе извѣстны дѣйствительные размѣры ожидаемаго зла, время его наступленія, обстоятельства, при которыхъ оно совершится. Состояніе страха въ связи съ этою неизвѣстностью бываетъ до того мучительно, что человѣкъ иногда предпочитаетъ испытаніе дѣйствительныхъ неприятностей, наказаній и т. п., чѣмъ постоянно и съ возрастающею силою подвергаться силѣ страха. Всѣ описанныя четыре волненія, сочетаясь вмѣстѣ и взаимно питая, увеличивая другъ друга—создаютъ одно изъ самыхъ сильныхъ страданій, какое можетъ только испытать человѣкъ. Ко всему этому присоединяется еще пятое волненіе, такъ называемое раскаяніе.

IV.

Въ составъ нравственнаго мотива рядомъ съ чувствомъ долга и волненіями, изъ которыхъ слагается процессъ совѣсти, входитъ чувство, такъ называемой, *свободы*. Имъ неизмѣнно и постоянно сопровождаются всѣ желанія, намѣренія и дѣйствія человѣка, когда они не суть результатъ очевиднаго и непо-

бѣдимаго вліянія какой-либо виѣшней силы, устраняющей всякаго рода мотивы. Сущность этого чувства состоитъ въ сознаніи человѣкомъ себя послѣднею причиною своихъ собственныхъ дѣйствій и въ увѣренности, возникающей передъ и послѣ совершенія дѣйствія, что возможенъ выборъ между разными способами дѣйствованія, даже діаметрально противоположными. На высшихъ степеняхъ развитія чувство свободы является въ формѣ чувства силы—во всякій данный моментъ измѣнять весь ходъ и направленіе дѣятельности и жизни, пересоздавать ее по опредѣленному плану, согласному съ нравственнымъ закономъ или прямо ему противоположному; подавлять въ себѣ самыя сильныя желанія, привычки, наклонности и создавать совершенно новыя. Фактъ существованія въ душѣ такого чувства не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ лежитъ, между прочимъ, въ основѣ чувства отвѣтственности человѣка за свои дѣйствія, чувствѣ, которое есть ни что иное, какъ видоизмѣненное сознаніе себя причиною, виною или виновникомъ своихъ дѣйствій. На немъ также основывается всеобщее требованіе, чтобы зло сопровождалось для его совершителя своими естественными послѣдствіями, т. е. страданіемъ и невыгодами, иначе—наказаніемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, а добро влекло за собою благополучіе, выгоды,—вообще то, что называется наградою. Это требованіе превращается въ особое состояніе сознанія, называемое чувствомъ справедливости, и такъ же постоянно присуще человѣку, какъ и чувство виновности и свободы. Оно дѣлаетъ человѣка способнымъ вообще, безъ внутренняго противодѣйствія, подвергать себя наказаніямъ за преступленіе,—зло, опредѣленнымъ въ положительныхъ законахъ, даже искать наказанія, увеличивать мученія совѣсти, сосредоточивая на нихъ вниманіе и т. п. На чувствѣ справедливости, въ свою очередь, опирается система наказаній, составляющая одну изъ важнѣйшихъ сторонъ господствующаго соціального строя и то явленіе, что при видѣ страданія преступника, которое соразмѣрно съ самимъ преступленіемъ, испытывается другими людьми чувство удовольренія, удовольствія, противное закону симпатіи. злое по своей природѣ, но въ этомъ случаѣ считающееся законнымъ, даже добродѣтель-

нымъ. Имъ же производится тотъ фактъ, что люди сознательно и обязательно причиняющіе страданія другимъ—именно, преступникамъ, разрушающіе ихъ благополучіе (слѣдователи, судьи, прокуроры и т. п.) естественно сознаютъ себя совершающими не зло, а добро, даже подвигъ добродѣтели; также на нихъ смотритъ все общество, и даже сами преступники въ большинствѣ случаевъ. Такимъ образомъ, чувство свободы нравственной, возбуждая сознание могущества личности и повышая силу чувства обязательности для нея нравственного закона, является въ то же время могущественнымъ факторомъ въ жизни общественной. Устраненіе его или подавленіе до полного прекращенія необходимо должно сопровождаться весьма вредными, разрушительными послѣдствіями, какъ для жизни отдѣльной личности, такъ и для соціального организма. Но его уничтоженіе и невозможно, какъ невозможно уничтоженіе изъ содержанія душевной жизни всѣхъ вообще состояній и процессовъ, которые коренятся въ самой организаціи и природѣ человѣческаго духа.

Признаваемое всѣми, какъ несомнѣнный субъективный фактъ, какъ особое присущее всѣмъ людямъ явленіе душевной жизни, чувство свободы объясняется весьма различно. Именно: относительно причинъ и условій его происхожденія и образованія въ душѣ человѣка, а также относительно его значенія въ личной и общественной жизни, существуютъ, получившія начало еще въ древности, двѣ теоріи, діаметрально противоположныя, исключаютія другъ друга и являющіяся исторически въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ. Одна изъ нихъ признаетъ причиною чувства свободы дѣйствительный—объективный фактъ зависимости человѣка въ своихъ желаніяхъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ только отъ себя самого, фактъ его способности распоряжаться собою по собственному произволу, вопреки всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Это теорія „свободы воли“ или „свободнаго произволенія“ (*libertum arbitrium*). Въ крайнихъ своихъ формахъ она представляетъ человѣка, какъ духовную личность, стоящимъ внѣ законовъ, которымъ подчиняются всѣ существа и явленія природы, и внѣ основнаго и всеобщаго закона причинности или необходимости, по которому все совершающееся

въ мірѣ опредѣляется съ необходимостію нѣкоторою совокупностью предшествующихъ явленій... Дѣйствія человѣческія, съ этой точки зрѣнія, могутъ не имѣть причины, ничѣмъ не опредѣляться, кромѣ идущаго изъ глубины духа хотѣнія дѣйствовать такъ, а не иначе, могутъ, потому, разсматриваться, какъ самобытныя, сами себя производящія, не связанныя ни съ какими другими явленіями въ мірѣ, чуждомъ имъ. Отсюда чувство свободы, по этой теоріи, есть непосредственное сознаніе духомъ человѣческимъ своей независимости отъ условій и законовъ природы, непосредственное созерцаніе своей самобытности и противоположности міру чувственному, матеріальному. Завися въ своемъ происхожденіи прямо и непосредственно отъ реального факта, свойства природы духа человѣческаго, чувство свободы служитъ въ свою очередь сильнѣйшимъ доказательствомъ дѣйствительнаго факта. Всякое подчиненіе человѣка условіямъ міра чувственного, слѣдованіе мотивамъ, изъ него происходящимъ, будетъ ли это зависѣть отъ органической связи духа съ чувственнымъ міромъ или отъ ослабленія его внутренней, самобытной энергіи,—есть паденіе личности, проявленіе ея рабства, ослабленіе или прекращеніе ея зависимости только отъ себя самой. Въ виду этого теорія „свободной воли“ рекомендуетъ самое широкое развитіе чувства свободы, какъ субъективнаго выраженія кореннаго свойства природы духа и, слѣдовательно, человѣка, въ которомъ само это свойство развивается и достигаетъ высшаго совершенства. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно оправдываетъ, какъ нормальныя и необходимыя всѣ другія чувства, съ нимъ связанныя, также всѣ существующія социальныя учрежденія и явленія, изъ нихъ проистекающія, считая эти учрежденія неизмѣнными въ сущности и въ основахъ своихъ идеально совершенными.—Другая теорія начинается съ отрицанія какго бы то ни было реального объективнаго факта, соотвѣтствующаго чувству свободы. Никакой свободы воли или свободнаго произволенія нѣтъ въ дѣйствительности. Это чистая фикція и притомъ—изъ самыхъ нелѣпыхъ, нѣчто положительно невообразимое, немыслимое. Человѣкъ и какъ физическая особь и какъ духовная личность есть, очевидно, одно изъ явленій природы, есть часть ея жизни: его нельзя даже, потому,

вообразить неподчиненнымъ законамъ. Его дѣйствія, какъ все въ мірѣ, опредѣляются предшествующими явленіями, условіями и происходятъ изъ нихъ съ полною, роковою необходимостью: если дѣйствіе совершилось,—значить, оно не могло не совершиться именно такъ, какъ оно совершилось; возможность его несовершенія или совершенія въ другой формѣ и т. п. существуетъ только до той поры, пока нѣтъ всѣхъ условій и причинъ его, или существуютъ другія условія и причины, видоизмѣняющія его или вызывающія другое дѣйствіе... Какъ только наступили всѣ условія,—дѣйствіе необходимо; такое наступленіе условій и причинъ въ свою очередь зависитъ отъ другихъ условій и т. д. безъ конца или, точнѣе, безъ начала. Въ силу этого, дѣйствія человѣка не зависятъ отъ него самого, отъ его какой-то воли; точно также какъ движеніе падающаго камня или стремленіе магнитной стрѣлки къ полюсу не зависятъ отъ камня и стрѣлки. Они предопредѣлены не только окружающими человѣка условіями внѣшними, но и всѣмъ предшествующимъ ходомъ жизни вселенной. Изъ этихъ соображеній прямо слѣдуетъ, по видимому; очень простое объясненіе чувства свободы. Оно есть, очевидно, иллюзія, обманъ и зависитъ отъ того, что человѣкъ не можетъ видѣть и сознать всего того, всегда длиннаго, въ сущности безконечнаго и въ высшей степени сложнаго сцѣпленія силъ, обстоятельствъ, вообще причинъ и условій, результатомъ которыхъ является его желаніе, настроеніе и дѣйствіе. Потому ему кажется и, при извѣстныхъ условіяхъ, необходимо должно казаться, что ближайшая причина дѣйствія—такъ называемое хотѣніе, рѣшеніе—и есть послѣдняя причина и источникъ его, при чемъ легко опускается изъ виду, что самое рѣшеніе, хотѣніе возникаетъ не само собою, имѣетъ свои причины, эти причины свои и т. д. Отрѣшиться отъ этой иллюзіи, уничтожить ее вполнѣ при обычномъ теченіи жизни не возможно, какъ не возможно видѣть непосредственно, что земля вращается около солнца, а не наоборотъ. Но признавать ее за точное выраженіе дѣйствительности, думать, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ можетъ что нибудь измѣнить въ ходѣ жизни, также невѣжественно, какъ утверждать, что солнце ходитъ около земли и т. п. Какъ обманъ, иллюзія и, слѣдо-

вательно, ложь, ошибка, чувство свободы должно быть подавляемо, ослабляемо какъ и всѣ другія чувства, съ нимъ естественно связанныя и такъ же, какъ оно само, иллюзорныя. Общественныя учрежденія и весь строй общества, насколько онъ опирается на систему наказаній и наградъ и т. п., должны такъ же точно подвергнуться измѣненію и постепенному уничтоженію. Эта теорія чувства свободы называется—безразлично—фатализмомъ, детерми низмомъ, нецессаріанствомъ, представляя собою крайнюю и, притомъ, новѣйшую форму отрицанія свободы воли. Ее точно обозначаетъ собственно только послѣднее названіе (отъ *necessarius*—необходимый, подчиненный закону необходимости). Фатализмомъ—въ строгомъ смыслѣ—называется одна изъ самыхъ раннихъ формъ отрицанія свободы, не чуждая и доселѣ всѣмъ неразвитымъ людямъ. Это—ученіе, что все въ мірѣ—до мелочей опредѣляется и направляется слѣпою, неразумною силою, которую греки называли *ἀνάγκη*, а римляне *fatum* (отсюда—*fatalis, fatalismus*),—необходимостью, противъ которой бессильны всѣ усилія человѣка. Детерминизмомъ называется болѣе новая форма, развившаяся подъ вліяніемъ теологіи. По этому ученію, все въ мірѣ и жизни человѣка опредѣляется и направляется всемогущею разумною силою, Провидѣніемъ: все опредѣлено въ божественной творческой мысли и не можетъ совершаться, очевидно, вопреки предопредѣленію, предназначенію (*praedestinatio, determinatio*).

Не смотря на такую противоположность между этими воззрѣніями и ученіемъ о свободѣ, возможна попытка примиренія ихъ. Дѣло въ томъ, что свобода не есть, собственно говоря, противоположность моральной необходимости,—она есть видъ ея, какъ фактъ сознательнаго слѣдованія сильнѣйшему мотиву. При этомъ сознательность является сопутствующимъ обстоятельствомъ, даже когда выражается въ обдумываніи, во взвѣшиваніи мотивовъ, въ выборѣ между ними, что можетъ происходить очень долгое время. Такой процессъ оцѣнки можетъ только свидѣтельствовать, что сильнѣйшій мотивъ не опредѣлился еще, и самъ онъ есть результатъ мотивовъ, его вызывающихъ и поддерживающихъ. Дѣйствіе, во всякомъ случаѣ, можетъ возникать изъ своихъ сильнѣйшихъ мотивовъ произво-

дителей съ неотразимою необходимостью. Характеръ же сильнѣйшаго мотива зависитъ отъ природныхъ свойствъ человѣка, отъ его навыковъ и вообще всего предшествующаго опыта, изъ котораго слагается совокупность содержанія личности. Личность, такимъ образомъ, является средоточіемъ дѣйствія силъ, коими необходимо опредѣляется всякое ея дѣйствіе. Въ природѣ всякое явленіе, какъ извѣстно, есть также продуктъ различныхъ дѣятелей и вліяній и побѣды сильнѣйшаго (или сильнѣйшимъ). Только здѣсь все это бессознательно,—слѣпо, какъ образно выражаются: въ духѣ то же самое сопутствуется сознаниемъ, внутреннимъ отраженіемъ всей этой борьбы. Этимъ—то участіемъ сознанія и отличается внутреннее слѣдованіе дѣйствій человѣческихъ отъ причинной связи въ природѣ. Отличіе это и выражается въ терминахъ—„свобода воли, свободное дѣйствіе“.

Веніаминъ Снегиревъ.

„ТЕОДИЦЕЯ“ ЛЕЙБНИЦА.

Разсужденіе о благодати Божіей, свободѣ человѣческой и началѣ зла.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

(Продолженіе *).

§ 267. Я замѣчалъ уже, что многіе ученые богословы оправдывали длительность мученій осужденныхъ на вѣки тѣми же причинами, какими и я оправдываю это. Іоаннъ Гергардъ, славный богословъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія (*in Locis Theol. loco de inferno*, § 60), въ числѣ другихъ соображеній приводитъ и то, что осужденные всегда будутъ отличаться порочною волею, а потому и будутъ лишены благодати, которая могла бы сдѣлать ихъ добрыми. Захарій Урсинъ, Гейдельбергскій богословъ, въ сочиненіи своемъ: „*De fide*“ (О вѣрѣ), поставивши слѣдующій вопросъ: почему грѣхъ заслуживаетъ вѣчнаго наказанія, и высказавши обычный доводъ о безконечности (божественнаго) оскорбленія, приводитъ еще слѣдующій второй доводъ, *quod, non cessante peccato, non potest cessare poena* (поелику не прекращается грѣхъ, то не можетъ прекратиться и наказаніе). И о. Дрексель, іезуитъ, въ сочиненіи своемъ подъ заглавіемъ „*Nicetas*“, или „*Побѣжденное невоздержаніе*“ (кн. 2. гл. 11. § 9) говоритъ: „*Nec mirum damnatos semper torqueri, continuo blasphemant; et sic quasi semper peccant, semper ergo plectuntur* (и не удивительно, что осужденные будутъ вѣчно страдать, потому что они непрерывно буду

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 6.

хулить Бога; и поелику такимъ образомъ постоянно будутъ грѣшнить, то постоянно будутъ наказываемы)“ . Онъ приводитъ и разъясняетъ ту же самую причину въ сочиненіи своемъ „О вѣчности“ (кн. 2, гл. 15), говоря: „*Sunt qui dicant, nec displicet responsum: Scelerati in locis infernis semper peccant, ideo semper puniuntur*“ . (Нѣкоторые говорятъ, и ихъ отвѣтъ мнѣ нравится: поелику грѣшники всегда будутъ грѣшнить въ аду, то поэтому всегда будутъ и наказываемы)“ . И этимъ даетъ понять, что мнѣніе это довольно распространено среди учителей римской Церкви. Справедливо, что онъ приводитъ еще слѣдующую, болѣе тонкую причину, заимствованную у папы Григорія В. (кн. 4 Разг. гл. 44) и состоящую въ томъ, что осужденные будутъ вѣчно наказываемы за то, что Богъ въ силу своего средняго знанія предвидѣлъ, что они всегда грѣшили бы, еслибы всегда жили на землѣ: но противъ этого предположенія можно было бы нѣчто возразить. Фехтъ приводитъ еще многихъ другихъ знаменитыхъ протестантскихъ богослововъ въ пользу мнѣнія Гергарда, хотя въ то же время упоминаетъ и о державшихся противоположнаго мнѣнія.

268. Самъ Бель въ различныхъ мѣстахъ представляетъ мнѣ страницы двухъ ученыхъ богослововъ изъ своей партіи, очень приближавшихся къ тому, что я высказалъ. Жюрье въ книгѣ своей „О единствѣ Церкви“, написанной въ опроверженіе книги Николя по тому же самому предмету, полагаетъ, (стр. 379), что „разумъ удостовѣряетъ, что такъ какъ какое-либо созданіе не перестаетъ являться преступнымъ, то оно не можетъ перестать быть несчастнымъ“ . Жакело въ книгѣ своей „О вѣрѣ и разумѣ“ (стр. 220) думаетъ, что „осужденные должны вѣчно оставаться лишенными славы блаженствующихъ, и это лишеніе можетъ быть основаніемъ и причиною всѣхъ ихъ мученій при мысли о томъ, что эти несчастныя творенія сами виновны въ своемъ лишеніи вѣчнаго блаженства. Извѣстно, какое мучительное сожалѣніе, какая болѣзненная зависть возбуждается въ людяхъ, лишенныхъ имущества или великой славы, достижимыхъ для нихъ, но отвергнутыхъ ими, особенно же, когда видятъ другихъ людей достигшими ихъ“ . Этотъ оборотъ мысли отличается нѣсколько отъ мнѣнія Жюрье, но оба

они сходятся въ той мысли, что осужденные сами виновны въ продолжительности своихъ мученій. Послѣдователь Оригена Ле-Клеркъ, не вполне удаляется отъ этой мысли, когда въ избранной Библіотекѣ (т. 7, стр. 341) говоритъ: „Богъ, предвидѣвшій паденіе человѣка, осуждаетъ его не за паденіе, но за то, что, имѣя возможность исправиться, не исправляется, т. е. свободно сохраняетъ порочныя расположенія до конца жизни“. Если примѣнить это разсужденіе къ жизни загробной, то длительность мученій злыхъ людей надобно приписать продолжающейся ихъ виновности.

269. Бель говоритъ (*отв. провин.* гл. 175, стр. 1188), что „это оригинистическое ученіе есть еретическое, такъ какъ оно признаетъ, что осужденіе основывается исключительно не на грѣхѣ, а на добровольной нераскаянности“: но эта добровольная нераскаянность развѣ не есть продолженіе грѣха? Однако же я не хотѣлъ бы сказать, будто это исключительно зависитъ отъ того, что человѣкъ, имѣя возможность исправиться, не исправляется; я прибавилъ бы, это—отъ того, что человѣкъ не пользуется помощію благодати для своего исправленія. Но за предѣлами этой жизни, несмотря на предполагаемое прекращеніе благодатной помощи, остается же у грѣшнаго человѣка, даже послѣ его осужденія, свобода, являющая его виновнымъ, и сила, удаляющая его отъ исправленія и никогда не доводящая его до этого. Ничто не мѣшаетъ думать, что эта степень свободы, изъятой отъ принужденія, но не отъ сознательности, остается у осужденныхъ такъ же точно, какъ и у людей блаженствующихъ. Кромѣ того, осужденные не будутъ имѣть надобности въ помощи, въ которой нуждаются въ этой жизни; потому что очень хорошо будутъ знать то, чему лишь должны были вѣрить на землѣ ¹⁾.

---

¹⁾ Кирхманъ замѣчаетъ, что догматъ о вѣчности мученій есть будто бы наслѣдіе варварскихъ, ригористическихъ временъ, когда въ драконовскихъ законахъ и драконовскихъ воззрѣніяхъ искали средствъ къ обузданію грѣховной природы человѣческой; но что въ наше время, когда культура современныхъ народовъ достигаетъ высокой степени совершенства, когда преобладаетъ ученіе о снисходительной нравственности, догматъ этотъ является уже устарѣлымъ и не согласнымъ съ воззрѣніями культурныхъ народовъ; онъ противорѣчитъ все болѣе и болѣе

270. Одинъ славный прелать англійской церкви, недавно издавшій книгу о началѣ зла, на которую Бель сдѣлалъ замѣчанія во второмъ томѣ своего „Отвѣта на вопросы провинціала“, очень разумно говоритъ о наказаніяхъ осужденныхъ. Воззрѣнія этого прелата представляются (по заявленію автора „Новостей“ научной республики, іюнь 1703 г.) въ такомъ видѣ, какъ если бы онъ „всѣхъ осужденныхъ превращалъ въ такое же количество дураковъ, которое хотя очень живо чувствуетъ свои страданія, но въ то же время радуется своему поведенію, и лучше желаетъ пребывать такимъ, какимъ есть, чѣмъ вовсе не существовать. Люди эти будутъ любить свое состояніе какъ бы ни было оно несчастно, подобно тому, какъ люди разгнѣванные, влюбленные, честолюбивые, завистливые сами себя отдаютъ такимъ предметамъ, которые лишь умножаютъ ихъ бѣдствія. Къ этому надобно прибавить, что осужденные до такой степени приучатъ свой умъ къ ложнымъ сужденіямъ, что уже не въ состояніи будутъ составлять иныхъ; и непрерывно переходя отъ одного заблужденія къ другому, не въ состояніи будутъ отрѣчься отъ всегдашняго желанія предметовъ, которыхъ не могутъ достигнуть, и лишеніе которыхъ будетъ ввергать

видоизмѣняющимся теперь понятіямъ о вѣняемости, виновности и наказаніи. Эти воззрѣнія проникаютъ уже и въ западно-европейскія богословскія системы; въ наше время уже существуютъ на Западѣ богословы, старающіеся ослабить ученіе о вѣчности мученій при посредствѣ извращенія прямыхъ текстовъ св. Писанія и ссылкою на нѣкоторые историческіе факты, каковы, на примѣръ, ученіе Оригена о всеобщемъ возстановленіи (*ἀποκατάστασις*), католическое ученіе о чистилищѣ (*purgatorium*), неупоминаніе о вѣчности мученій въ символѣ вѣры и т. п. Но православные богословы строго держатся въ этомъ отношеніи ученія св. Писанія и св. Преданія. Православная Церковь осуждаетъ ученіе Оригена, отвергаетъ римское измышленіе о чистилищѣ и не говоритъ въ символѣ вѣры о вѣчности мученій по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ не говоритъ и о многихъ другихъ догматахъ, принимаемыхъ всѣми христіанскими Церквами. Что же касается современнаго ученія культурныхъ народовъ о смягченной нравственности, то не служатъ ли оно скорѣе признакомъ паденія среди нихъ нравственныхъ требованій? По крайней мѣрѣ, судя по идеѣ, нравственныя требованія, какъ выраженія воли Божіей, всегда должны оставаться тождественными, неизмѣнными и вѣчными. То же надобно сказать и о совершенномъ видоизмѣненіи понятій вѣняемости, виновности и наказуемости; современная наука не поколебала этихъ понятій, напротивъ, во всѣхъ европейскихъ университетахъ, римское право по прежнему служитъ основою юридическаго образованія.

ихъ въ невообразимое отчаяніе; и при этомъ опытъ никогда не сдѣлаетъ ихъ въ будущемъ болѣе благоразумными: потому что по своей собственной винѣ они всецѣло извратятъ свой разумъ и сдѣлаютъ его неспособнымъ здраво обсуждать какой-либо предметъ“.

271. Уже древніе признали, что діаволь среди своихъ мученій добровольно остается удаленнымъ отъ Бога и не хочетъ искупить себя подчиненіемъ. Они составили повѣствованіе о томъ, какъ одинъ отшельникъ въ видѣніи получилъ отъ Бога обѣщаніе помиловать князя злыхъ духовъ, если онъ сознаетъ свое преступленіе; но діаволь удивительнымъ образомъ отвергъ этого поередника. Вообще богословы обыкновенно соглашались съ тѣмъ, что діаволы и осужденные люди ненавидятъ Бога и богохульствуютъ; а подобное состояніе не можетъ не сопровождаться продолжительностію страданія. Въ подтвержденіе этого же можно читать ученые трактаты о состояніи осужденныхъ.

272. Было время, когда полагали, что спасеніе осужденныхъ не невозможно. Извѣстенъ расказъ о папѣ Григоріѣ В., своими молитвами исхитившемъ изъ ада душу императора Трояна, столь славнаго своею добротой, что обыкновенно новымъ императорамъ желали, чтобы они превосходили Августа счастіемъ, а Трояна добротой. Это возбудило въ св. папѣ состраданіе къ послѣднему: Богъ снизошелъ къ его молитвамъ (какъ говорятъ), но запретилъ на будущее время обращаться съ подобными прошеніями. Согласно съ этимъ вымысломъ, молитвы св. Григорія имѣли силу лекарствъ Эскулапа, который исхитилъ Ипполита изъ ада. И если бы онъ продолжалъ совершать подобныя молитвы, то Богъ разгнѣвался бы на нихъ, какъ Юпитеръ у Виргилія:

*At Pater omnipotens aliquem indignatus ab umbris
Mortalem infernis ad lumina surgere vitae,
Ipse repertorem medicinae talis et artis
Fulmine Phoebigenam Stigias detrusit ad undas.*

(Но всемогущій Отецъ, негодуя на то, чтобы какой-либо смертный изъ адскаго мрака вышелъ на свѣтъ жизни, посредствомъ молніи низвергъ самаго изобрѣтателя такой медицины и такого искусства, сына Неба, въ волны Стикса).

Годешалкъ, монахъ девятого столѣтія, возбуждившій всеобщій споръ среди богослововъ своего времени и даже нашего, предполагалъ, что отверженные должны молить Бога содѣлать ихъ мученія болѣе сносными: но никто не долженъ признавать себя отверженнымъ, пока живетъ. Разумнѣе этого прошенія мещы за умершихъ; она испрашиваетъ уменьшенія мученій осужденныхъ и согласно съ гипотезою, изложенною мною здѣсь, повидимому желаетъ имъ *meliores mentem* (лучшаго разумнѣя). Оригенъ пользовался псалмомъ LXXVI, ст. 10: „Богъ не забудетъ миловать и въ гнѣвѣ своемъ не затворитъ своего милосердія“. Св. Августинъ (въ своемъ *Enchirid.* гл. 112) объясняетъ это: возможно, что мученія осужденныхъ будутъ продолжаться вѣчно и однакоже будутъ смягчаться. Если текстъ имѣетъ этотъ смыслъ, то смягченіе будетъ продолжаться безконечно вмѣстѣ съ длительностію; и тѣмъ не менѣе оно будетъ простираться лишь до *non plus ultra* (не болѣе) въ отношеніи къ степени смягченія; подобно тому, какъ въ геометріи существуютъ асимптотныя фигуры, въ которыхъ безконечная продолжительность представляется какъ будто оканчивающеюся. Если притча о зломъ богачѣ изображаетъ дѣйствительное состояніе осужденнаго, тогда предположенія, изображающія осужденныхъ столь глупыми и столь злыми, не имѣли бы мѣста. Усвояемая же богачу въ притчѣ любовь къ своимъ братьямъ не представляется согласно съ тою степенью злости, которую приписываютъ осужденнымъ. Св. Григорій В. (IX, тог. 39) думаетъ, что богачъ боялся, чтобы ихъ осужденіе не увеличило его собственнаго, но эта боязнь не мирится съ природнымъ настроеніемъ упорныхъ злодѣевъ. Бонавентура въ замѣчаніяхъ своихъ на Учителя сентенцій говоритъ, что злой богачъ желалъ бы видѣть осужденными всѣхъ людей; но такъ какъ это не можетъ случиться, то онъ лучше желаетъ спасти своихъ братьевъ, чѣмъ другихъ. Отвѣтъ этотъ не имѣетъ однакоже большой твердости. Напротивъ, желаемое имъ посланіе Лазаря должно было послужить ко спасенію многихъ. И кто столько радуется осужденію другаго, что желалъ бы осужденія всѣхъ людей, быть можетъ, будетъ желать осужденія однихъ болѣе, чѣмъ другихъ; но, говоря вообще, не будетъ имѣть склонности спа-

сти кого-либо. Какъ бы то ни было, всѣ эти частныя предположенія сомнительны; Богъ открылъ намъ лишь необходимое, чтобы бояться величайшаго изъ золъ, а не излишнее, чтобы понимать все это.

273. Такъ какъ теперь уже позволительно ссылаться на злоупотребленіе свободою волею и на злую волю, чтобы находить въ нихъ причину всѣхъ золъ, въ виду того, что божественное допущеніе этого злоупотребленія оправдано достаточно ясно: то вмѣстѣ съ этимъ доказываются и обычныя богословскія убѣжденія. И только теперь съ достовѣрностію мы можемъ полагать начало зла въ свободѣ тварей. Первое грѣхопаденіе намъ извѣстно, это грѣхопаденіе діавола и его ангеловъ. Діаволь есть отецъ зла, убійца искони (1. Іоан. III, 8), и онъ не устоялъ въ истинѣ (Іоан. VIII, 44). Поэтому Богъ не пощадилъ согрѣшившихъ ангеловъ; но связалъ узами адскаго мрака, для сохраненія ихъ на судъ (2 Пет. 11, 4). Ангеловъ, не хранившихъ своего достоинства, но оставившихъ свое жилище, Онъ въ вѣчныхъ узахъ подъ мракомъ соблюдаетъ на судъ великаго дня (Іуда 5, 6). Изъ всего этого легко замѣтить, что одно изъ этихъ посланій было принимаемо въ соображеніе писателемъ другого посланія.

274. Кажется, что писатель Апокалипсиса хотѣлъ выяснить то, что другіе каноническіе писатели оставили темнымъ; онъ повѣствуетъ о битвѣ, происходившей въ небѣ. Михайлъ и его ангелы вели борьбу съ дракономъ, а драконъ вмѣстѣ со своими аггелами боролся съ нимъ. Но они не превозмогли и не сохранили своего мѣста въ небѣ. И великій драконъ, древній змій, называемый діаволомъ и сатаною, который обольщаетъ всѣхъ людей, былъ низверженъ на землю, и его аггелы были повержены вмѣстѣ съ нимъ (Апок. XII, 7. 8. 9). Хотя это повѣствованіе помѣщено послѣ бѣгства жены въ пустыню и этимъ указываетъ на нѣкоторое возстаніе благоприятное для церкви, но кажется, что писатель имѣлъ въ то же время намѣреніе указать на древнее паденіе прежняго врага и на новое паденіе новаго врага. Ложь или злоба составляютъ свойство діавола, ἐκ τῶν ἰδίων, его волю; потому что въ книгѣ вѣчныхъ истинъ, содержавшей въ себѣ всѣ возможности прежде Боже-

ственнаго опредѣленія, было написано, что это созданіе добровольно превратится въ злое, если только будетъ сотворено. То же самое относится къ Евѣ и Адаму; они добровольно согрѣшили, хотя діаволь искусилъ ихъ. Богъ предаетъ злыхъ въ неискусенъ умъ (Рим. 1, 28), предоставляя ихъ самимъ себѣ и лишая ихъ благодати, которую Онъ не обязанъ имъ дарить и въ которой даже долженъ имъ отказать.

275. 276. Въ св. Писаніи говорится, что Богъ ожесточаетъ (Исх. IV, 21 и VII, 3; Исх. LXIII, 17); что Богъ посылаетъ духа лжи (1. Цар. XXII, 23); дѣйствіе заблужденія, чтобы вѣрили лжи (2 Фесс. II, 11); что Онъ обольщаетъ пророка (Иезек. XIV, 9); что Онъ повелѣваетъ Семею проклинать (2 Сам. XVI, 10); что дѣти Иліи не хотѣли слушать голоса своего отца, потому что Богъ желалъ ихъ смерти (1 Сам. II, 25); что Богъ отнялъ имущество у Іова, хотя это сдѣлано было при посредствѣ злобы разбойниковъ (Іов. I, 21); что Онъ возбуждалъ Фараона, чтобы показать на немъ Свое могущество (Исх. IX, 16; Рим. IX, 21); что Онъ скрываетъ истину отъ разумныхъ и отъ ихъ разума (Маѳ. XI, 25); что Онъ говорилъ притчами, чтобы внѣшніе видя не видѣли и слыша не разумѣли, такъ какъ иначе они могли бы обратиться и ихъ грѣхъ былъ бы прощенъ (Марк. IV, 12; Лук. VII, 10); что Іисусъ былъ преданъ по неизмѣнному опредѣленію божественнаго Промысла (Дѣян. II, 23); что Понтійскій Пилать и Иродъ, вмѣстѣ съ язычниками и народомъ израильскимъ, совершили лишь то, что еще прежде было опредѣлено рукою и совѣтомъ Божиимъ (Дѣян. IV, 27, 28); что по опредѣленію Вѣчнаго враги, въ ожесточеніи сердець своихъ, выступаютъ на битву съ Израилемъ, дабы Онъ поразилъ ихъ, лишивъ ихъ всякой милости (Іос. XL, 20); что Вѣчный распространилъ среди Египта духъ помраченія и жителей во всѣхъ ихъ дѣлахъ заставилъ заблуждаться, подобно пьяному человѣку (Ис. XIX, 14); что Ровоамъ не внималъ словамъ народа, потому что такъ былъ руководимъ Вѣчнымъ (1 Цар. XII, 15); что Онъ извратилъ сердце народа такъ, что тѣ возненавидѣли Его народъ (Пс. CV, 25). Но всѣ эти и подобныя выраженія показываютъ только, что все это, допущенное Богомъ, послужило лишь поводомъ къ невѣдѣнію,

заблужденію, злобѣ и дурнымъ дѣяніямъ, и содѣйствовало тому, что Богъ предвидѣлъ и чѣмъ предопредѣлилъ воспользоваться для своихъ цѣлей; потому что высочайшія основанія всесовершенной мудрости опредѣлили допустить это зло и даже содѣйствовать ему. *Sed non sineret bonus fieri male, nisi Omnipotens etiam de malo posset facere bene.* (Но добрый никогда не опредѣляетъ совершенія зла, какъ только въ томъ случаѣ когда Всемогущій изъ зла можетъ извлечь добро), говоря съ св. Августиномъ. Впрочемъ, объ этомъ болѣе подробно было сказано во второй части.

277. Богъ сотворилъ человѣка по образу своему (Быт. I, 20); онъ сотворилъ его праведнымъ (Екл. VII, 30), но въ то же время свободнымъ. Человѣкъ злоупотребилъ своею свободою и палъ; тѣмъ не менѣе у него всегда сохранялся извѣстный остатокъ свободы послѣ паденія. Моисей говоритъ отъ лица Божія: „Нынѣ призываю свидѣтелемъ небо и землю противъ васъ; Я предложилъ предъ тобою жизнь и смерть, благословеніе и проклятiе: итакъ избери жизнь (Втор. XXX, 19). Еще говоритъ Вѣчный: Я предложилъ предъ вами путь жизни и путь смерти (Іер. XXI, 8). Онъ предоставилъ человѣку слѣдовать своему рѣшенію, даровавши ему свои заповѣди и повелѣнія: если хочешь, то ты сохранишь эти заповѣди (или они тебя сохранятъ). Онъ положилъ предъ тобою огонь и воду, чтобы ты простеръ руку къ чему хочешь“ (Сир. XV, 14, 15, 16). Человѣкъ падшій и невозрожденный находится подъ влаждичествомъ грѣха и сатаны, потому что такъ ему захотѣлось: онъ сталъ рабомъ добровольно, вслѣдствіе своихъ дурныхъ пожеланій. Такимъ то образомъ свободная и несвободная воля превратилась въ одно и то же.

278. „Пусть никто не говоритъ: я былъ искушаемъ Богомъ: но каждый искушается, влекомый и прельщаемый своею похотью (Іак. I, 14)“. И сатана способствуетъ этому: „онъ ослѣпляетъ разумъ невѣрующихъ“ (2 Кор. IV, 1). Но человѣкъ своими пожеланіями предалъ себя діаволу; удовольствіе, испытываемое имъ отъ зла, служитъ петлею, которою онъ уловляется. Уже Платонъ сказалъ и Цицеронъ повторилъ. *Plato voluptatem dicebat escam malorum* (Платонъ называлъ страсть пищею злыхъ).

Благодать же противопоставляетъ этому болѣе сильное удовольствіе, какъ замѣтилъ это св. Августинъ. Всякое удовольствіе есть ощущеніе нѣкотораго совершенства: мы любимъ предметъ по мѣрѣ ощущенія въ немъ совершенствъ: но ничто не превышаетъ божественныхъ совершенствъ; откуда слѣдуетъ, что милосердіе и любовь Божіи доставляютъ гораздо сильнѣйшее удовольствіе, чѣмъ какое только можно представить себѣ,—но только по мѣрѣ усвоенія себѣ этихъ чувствъ, обыкновенно не обычныхъ среди людей; потому что люди занимаютъ и увлекаются предметами, имѣющими отношеніе къ ихъ страстямъ.

279. А такъ какъ наше поврежденіе не есть безусловно необходимое и такъ какъ мы необходимо не грѣшимъ, даже когда находимся въ рабствѣ грѣха: то надобно также полагать, что мы не получаемъ и непреодолимой помощи; и каково бы ни было дѣйствіе божественной благодати, всегда можно утверждать, что ей можно сопротивляться. Но такъ какъ на самомъ дѣлѣ благодать является препобѣждающею, то съ достовѣрностію и непогрѣшимостію напередъ можно полагать, что люди уступятъ ея влеченіямъ или потому что она въ себѣ самой обладаетъ достаточною силою, или потому, что для своего торжества находитъ соотвѣтствующія обстоятельства. Такимъ образомъ, всегда надобно находить различіе между непогрѣшимымъ и необходимымъ.

280. Теорія тѣхъ, которые называются учениками св. Августина, не противорѣчитъ всецѣло этому, если только устранить въ ней нѣкоторыя непріятныя вещи, или въ выраженіяхъ, или въ самомъ ученіи. Къ выраженіямъ, я преимущественно отношу употребленіе такихъ словъ, какъ *необходимое* или *случайное*, *возможное* или *невозможное*, которое принимаютъ иногда исключительный смыслъ и вызываютъ споръ. Вотъ почему, какъ очень хорошо замѣчаетъ молодой Лошеръ въ своемъ ученомъ разсужденіи о пароксизмахъ безусловнаго опредѣленія, Лютеръ въ книгѣ своей „О рабской свободѣ“ желалъ, чтобы найдено было болѣе подходящее слово, чѣмъ слово *необходимость*. Говоря вообще, представляется болѣе разумнымъ и болѣе удобнымъ утверждать, что повиновеніе божественнымъ заповѣдямъ всегда возможно, даже и для невозрожденныхъ; что благодать

всегда преоборима, даже для святыхъ; и что свобода изъята не только отъ принужденія, но даже и отъ вынуждаемости, хотя никогда не бываетъ чужда непогрѣшимой достовѣрности или склоняющаго опредѣленія ¹⁾).

281. Но съ другой стороны, въ нѣкоторомъ смыслѣ можно выражаться, что при извѣстныхъ случаяхъ сила творить добро часто отсутствуетъ даже у праведниковъ; что грѣхи часто неизбѣжны (*nécessaires*) даже для возрожденныхъ; что иногда невозможно не грѣшнить; что благодать преоборима; что свобода не совершенно изъята отъ необходимости. Но эти выраженія менѣе точны и менѣе пригодны (*revenantes*) среди обстоятельствъ, въ которыхъ мы теперь находимся, и, безусловно говоря, составляютъ предметъ наибольшаго зло-

---

1) Западные богословы, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ своихъ церквей, съ особенною подробностію вдавались въ рѣшеніе вопросовъ объ отношеніи благодати къ человѣческой свободѣ; но нельзя сказать, чтобы рѣшенія ихъ были достаточно ясными, или достаточно убѣдительными и правильными. Лейбницъ тоже вдается въ рѣшеніе этихъ вопросовъ и старается согласить ихъ съ своею теоріею о предустановленной гармоніи. Безъ сомнѣнія, философское освѣщеніе, сообщаемое Лейбницемъ этимъ вопросамъ, имѣетъ свою цѣну; но нельзя сказать, чтобы оно освѣщало предметъ вполне, даже съ его философской точки зрѣнія. Лейбницъ освобождаетъ свободныя человѣческія дѣйствія отъ метафизической или логической необходимости; но онъ не освобождаетъ ихъ отъ необходимости нравственной. Если появленіе каждаго свободного поступка человѣка условливается вліяніемъ сильнѣйшаго мотива и если при благодатномъ содѣйствіи человѣку благодать всегда является сильнѣйшимъ мотивомъ; то все же остается открытымъ вопросъ, почему благодатный мотивъ оказывается сильнымъ для одного человѣка и безсильнымъ для другого? Полагая, что это различіе зависитъ отъ бѣдшаго или меньшаго паденія человѣческой природы, все же можно спрашивать: почему благодать не усиливаетъ своего содѣйствія человѣку при его болѣе глубокомъ паденіи или грѣховномъ поврежденіи, сравнительно съ благодатною помощію, оказываемою людямъ, не столь глубоко падшимъ или поврежденнымъ? Словомъ, какими основными законами руководствуется благодать Божія при сообщеніи своей помощи однимъ людямъ и при лишеніи ея другихъ людей? Очевидно, здѣсь возможны только гаданія или предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя, но лишеныя несомнѣнной достовѣрности. Поэтому то православные богословы, говоря о благодатной помощи и объ отношеніи ея къ человѣческой свободѣ, не вдаются во всѣ эти западно-богословскія тонкости, предоставляя ихъ доброй волѣ каждаго. Они требуютъ только вѣрности основному догмату православнаго ученія: благодать Божія не дѣйствуетъ на человѣческую волю принудительно, и свобода человѣческой воли всегда сохраняется, даже при чрезвычайной благодатной помощи.

употребленія; и сверхъ того, они содержатъ въ себѣ нѣчто простонародное, когда этими выраженіями пользуются въ широкомъ смыслѣ. Бываютъ однако же обстоятельства, которыя дѣлаютъ ихъ пригодными и даже полезными, и даже св. Писаніе, равно какъ святые и православные учителя пользовались ими то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ, не вызывая этимъ дѣйствительнаго противорѣчія, какъ нѣтъ противорѣчія между св. Іаковомъ и св. Павломъ, и нѣтъ ошибки ни съ той, ни съ другой стороны по причинѣ обоюдности этихъ выраженій. И до такой степени привыкли къ этому различному образу выраженій, что часто трудно съ точностію сказать, какой смыслъ болѣе естественъ и даже болѣе употребителенъ (*quis sensus magis naturalis obvius intentus*), когда одинъ и тотъ же писатель въ различныхъ мѣстахъ выступаетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія и одинъ и тотъ же способъ выраженій бываетъ болѣе или менѣе принятъ или долженъ быть принятъ сообразно съ намѣреніемъ какого-либо великаго человѣка, или какого-либо авторитета, котораго уважаютъ и которому слѣдуютъ. Отсюда то и происходитъ, что извѣстныя выраженія при случаѣ и по временамъ могутъ быть одобряемы или порицаемы, но это нисколько не вредитъ ни смыслу, ни вѣрѣ, хотя къ выраженіямъ и не прибавляютъ достаточныхъ объясненій ¹⁾.

282. Итакъ, надобно хорошо устанавливать различіе, какое я часто дѣлалъ между необходимымъ и извѣстнымъ, и между необходимостію метафизическою и необходимостію нравственною. То же самое происходитъ съ возможностью и невозможностію. потому что событіе, коему противоположное возможно, есть слу-

¹⁾ Кирхманъ говоритъ, что церковное ученіе о благодатномъ содѣйствіи грѣшнику при совершеніи добра стоитъ въ противорѣчій съ церковнымъ же ученіемъ о божественномъ наказаніи за содѣланное зло; благодатное содѣйствіе въ то же время наказаніе за отверженіе этого содѣйствія вносятъ будто бы противорѣчіе въ планы божественнаго милосердія и спасенія. Да и все церковное ученіе о благодатной помощи, о благодатномъ содѣйствіи грѣшнику исполнено, по нему, внутреннимъ противорѣчіемъ; оно будто-бы противорѣчитъ и божественному правосудію, и божественному милосердію. Мы же, подобно Лейбницу, не видимъ здѣсь никакого противорѣчія. Богъ помогаетъ людямъ въ совершеніи добра, содѣйствуетъ имъ; но Онъ не влечетъ ихъ къ добру насильственными мѣрами; или, какъ богословы выражаются, Богъ могъ создать насъ безъ насъ, но спасти насъ

чайное; а то, которому противоположное невозможно, есть необходимое. Справедливо также различаютъ между ближайшею и отдаленною возможностью, и въ виду этого различнаго смысла иногда говорятъ, что такое то дѣло возможно, а иногда говорятъ, что оно невозможно. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать: необходимо то, чтобы люди блаженные не грѣшили, чтобы діаволы и осужденные грѣшили, чтобы Богъ избиралъ наилучше, чтобы люди слѣдовали тому, что болѣе всего ихъ поражаетъ. Но эта необходимость не противоположна случайному; это не есть, такъ называемая, противоположность логическая, геометрическая или метафизическая, исключаящая противорѣчіе. Николь пользуется при этомъ въ нѣкоторомъ отношеніи не дурнымъ сравненіемъ. Такъ, признаютъ невозможнымъ, чтобы умный и серьезный членъ магистрата, не потерявшій разума, могъ публично сдѣлать странную выходку, какъ, на примѣръ, для возбужденія смѣха пробѣжать бы по улицамъ совершенно нагимъ. То же самое происходитъ въ нѣкоторомъ родѣ съ людьми блаженными; они еще менѣе способны грѣшить, и необходимость, воспреещающая имъ это, принадлежитъ къ подобному же роду. Наконецъ я нахожу, что *воля* есть слово столько же обоюдное, какъ сила и необходимость. Ибо я уже замѣчалъ, что люди признаютъ аксіомою, что исполненіе зависитъ отъ желанія, если только исполненіе возможно,—и отсюда заключаютъ, что Богъ не хочетъ спасенія всѣхъ, разумѣя подъ хотѣніемъ волю опредѣляющую; и только въ этомъ смыслѣ надобно держаться того положенія, что мудрый никогда не пожелаетъ предмета, о которомъ знаетъ, что предметъ этотъ принадлежитъ къ числу вещей не осуществимыхъ. Въсто

безъ насъ не можетъ. Нельзя также говорить о какомъ то противорѣчій въ планахъ, божественнаго спасенія; эти планы существуютъ отъ вѣчности и не вѣчно осуществляются во времени. И отъ вѣчности, и во времени въ Богѣ *благодать и истина срѣтаются, правда и миръ лобызаются*. Что же касается мнимаго противорѣчій въ самомъ понятіи благодатнаго содѣйствія, то оно можетъ быть находито только при крайне атомистическомъ, или индивидуалистическомъ воззрѣніи на все существующее. Болѣе же точная наука учитъ, что человѣкъ и по органической и по духовной природѣ своей есть существо не только продуцирующее, но и ассимилирующее, т. е. не только обладающее враждебными ему силами, но и пользующееся силами сторонними.

этого, принимая волю въ смыслѣ наиболѣе общемъ и наиболѣе употребительномъ, можно сказать, что воля мудреца предварительно склоняется ко всему доброму, хотя въ концѣ концовъ она опредѣляетъ совершить только то, что наиболѣе удобно (*convenable*). Такимъ образомъ, было бы большимъ заблужденіемъ отрицать въ Богѣ то серьезное и сильное склоненіе ко спасенію всѣхъ людей, которое приписываетъ Ему св. Писаніе, или даже усвоить Ему какое-то первоначальное отвращеніе, съ самаго начала отклоняющее Его отъ спасенія многихъ, *odium antecedit amorem*. Надобно скорѣе утверждать, что мудрецъ склоняется ко всякому добру, какъ добру, по мѣрѣ своихъ знаній и силъ, но совершаетъ только возможно наилучшее. Люди, допускающіе это и продолжающіе отрицать въ Богѣ предшествующую волю спасти всѣхъ людей, впадаютъ въ заблужденіе, вслѣдствіе злоупотребленія выраженіями, въ особенности, когда признаютъ, что Богъ всѣмъ даруетъ достаточную помощь для спасенія, какъ только они пожелаютъ воспользоваться ею ¹⁾).

1) Мы уже замѣчали, что допускаемое Лейблицемъ дѣленіе божественной воли на предшествующую и послѣдующую анероморфно, заимствовано изъ человѣческихъ условій жизни; а потому въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть усвоено Богу. Богъ возвышается надъ формами пространства и времени; а потому для Него нѣтъ ни предшествующихъ, ни послѣдующихъ моментовъ жизни. Но отсюда нельзя заключать, какъ заключаетъ Кирхманъ, будто Богъ не могъ создать существующаго міра съ присущимъ ему зломъ; потому что Онъ всегда желаетъ одного только добра. Кирхманъ забываетъ, что созданіе міра, въ которомъ не была бы допущена возможность существованія зла, было бы еще большимъ несовершенствомъ и зломъ, чѣмъ существующія. Кирхманъ говоритъ еще, что допускаемая Лейблицемъ въ Богѣ двухъ родовъ необходимость, логическая и нравственная, не можетъ быть принимаема нами; потому что необходимость, хотя бы то и согласная съ логикой, но противоположная нравственной, противорѣчила бы Его мудрости. Когда же Лейбницъ, не смотря на это, усвоитъ свободу Божественной воли, то онъ или не имѣетъ опредѣленнаго понятія объ этомъ предметѣ, или переноситъ обычное человѣческое состояніе на всесовершеннаго Бога. У людей дѣйствительно существуютъ два рода мотивовъ: мотивы удовольствій и мотивы уваженія; и тѣ, и другіе мотивы могутъ находиться въ борьбѣ между собою; поэтому въ человѣческихъ поступкахъ нѣтъ необходимости въ строгомъ смыслѣ. Но въ Богѣ нѣтъ мотивовъ удовольствій, противоположныхъ нравственнымъ требованіямъ; всѣ Его мотивы одинаково нравственны и одинаково логичны; поэтому усвоеніе Богу мотивовъ не нравственныхъ противорѣчитъ Его безконечной мудрости и исключаетъ свободу Его дѣйствій. Но Лейбницъ признаетъ въ Богѣ свободу воли не на томъ основаніи, что допускаетъ въ Немъ существованіе мотивовъ

283. Изъ числа положеній, принимаемыхъ учениками св. Августина, я не могу согласиться съ осужденіемъ невозрожденныхъ дѣтей, и вообще съ осужденіемъ, условливаемымъ однимъ лишь первороднымъ грѣхомъ. Я не могу также вѣрить, будто Богъ можетъ осудить тѣхъ, которые лишены были необходимаго свѣта. Я скорѣе соглашаюсь со многими богословами, что люди получаютъ гораздо большую помощь, чѣмъ это извѣстно намъ, хотя бы это происходило въ часъ смерти. Мнѣ не кажется также необходимымъ, чтобы всѣ спасаемые всегда спасались дѣйствіемъ одной благодати, независимо отъ обстоятельствъ. Я не нахожу также необходимымъ утверждать, будто всѣ добродѣтели язычниковъ были ложны, а ихъ дѣйствія были грѣховны, хотя вѣрно то, что все приистекающее не отъ вѣры и не отъ направленія души къ Богу заражено грѣхомъ, по крайней мѣрѣ, въ возможности. Наконецъ,

удовольствій или мотивовъ уваженія часто противоположны другъ другу; а на томъ, что возможны строго логическіе выводы, не согласны съ нравственными требованіями. Логически разсуждая, напримѣръ, всякое прегрѣшеніе должно подпадать немедленному наказанію; но это часто противорѣчитъ не только божественному милосердію, но и обыкновенному человѣческому состраданію. Отсюда то и возникаютъ понятія искупленія, покаянія, прощенія. Богъ дѣйствуетъ не по одной только логической необходимости, а въ союзѣ съ требованіями нравственной природы своей. При томъ же, не часто ли случается, что изъ одного и того же факта можно извлекать различныя (но не противоположныя) заключенія? Почему не допустить, что Богъ осуществляетъ только тѣ заключенія, которыя надобно согласны съ Его нравственною природою? Все это такія черты, которыя непременно предполагаютъ въ Богѣ свободу воли. Налобно только всегда сохранять правильное пониманіе свободы. Обыкновенно признаютъ поступокъ свободнымъ, когда онъ согласенъ съ разумными основаніями и нравственными требованіями; въ такомъ смыслѣ понимаютъ свободу воли Кантъ и Гегель. Безъ сомнѣнія, въ этомъ смыслѣ свобода воли принадлежитъ Богу въ высочайшей степени. Когда же подъ свободою воли разумѣютъ силу самоопредѣленія, независящую отъ разумныхъ или нравственныхъ мотивовъ, опредѣляющуюся въ дѣятельности вѣдъ всякихъ мотивовъ, то такая свобода есть уже чистѣйшій произволь и она столько же не мисима въ Богѣ, какъ и преступна въ человѣкѣ. Конечно поступки, вытекающіе изъ немотивированной свободы, не могутъ быть предвидимы; но тамъ, гдѣ допускаютъ вліяніе многихъ мотивовъ на дѣятельность воли и избраніе волею сильнѣйшаго изъ нихъ, тамъ несомнѣнно возможны и предвидѣніе поступковъ и предопредѣленіе ихъ. Нельзя опасаться, что при этомъ мы впадаемъ въ психологическій детерминизмъ, какъ нельзя видѣть детерминизма въ томъ случаѣ, когда мы мыслимъ по законамъ логики; въ томъ и другомъ случаѣ мы поступаемъ сознательно, непри-
нужденно и добровольно, а не механически.

я не думаю, чтобы Богъ могъ дѣйствовать какъ бы случайно, по опредѣленію совершенно безусловному, или по волѣ, независимой отъ разумныхъ мотивовъ. И я убѣжденъ, что при распредѣленіи своей благодати Онъ руководствуется основаніями или природою предметовъ; иначе Онъ поступалъ бы не согласно съ своею мудростію. Тѣмъ не менѣе я соглашаюсь съ тѣмъ, что эти основанія не соединены необходимо съ добрыми, или съ не столь дурными естественными свойствами людей, какъ если бы Богъ всегда сообщалъ свою благодать только вслѣдствіе этихъ добрыхъ свойствъ, хотя я думаю, какъ я уже пояснилъ это выше, что всѣ эти свойства, подобно всѣмъ другимъ обстоятельствамъ, пріемлются въ соображеніе, такъ что предъ возрѣніемъ высочайшей мудрости ничто не можетъ быть оставлено безъ вниманія.

284. Вотъ пункты ученія и еще нѣкоторые другіе, въ которыхъ св. Августинъ кажется темнымъ и даже не состоятельнымъ (*rebutant*), но которые, по видимому, могутъ быть согласены съ его системою; онъ утверждаетъ, что изъ божественной субстанціи можетъ исходить только Богъ, и, слѣдовательно, твореніе возникло изъ ничтожества (*Augustin, de Lib. arb. 1, с. 2*). Именно это и дѣлаетъ твореніе несовершеннымъ, ограниченнымъ и браннымъ. (*De Genes. ad litt., с. 15; contr. Epistotam Manichaei, с. 36*). Зло возникаетъ не по природѣ, а изъ злой воли. (Август. во всей своей книгѣ о природѣ добраго). Богъ не можетъ приказывать ничего невозможнаго: *Firmissime creditur Deum justum ei bonum impossibile non potuisse praecipere.* (Надобно самымъ твердымъ образомъ открытъ, что праведный и благой Богъ не могъ заповѣдать чего-либо невозможнаго. *Lib. de nat. et grat., с. 43, 69*). *Nemo peccat in eo quod caveri non potest* (Никто не согрѣшаетъ въ томъ, отъ чего не можетъ уберечься. *Lib. 3, de Lib. arb., с. 16, 17. L. 1; Retract. с. 11, 13, 15*). У праведнаго Бога никто не можетъ быть несчастнымъ, если только онъ того не заслуживаетъ. *Neque sub Deo justo miser esse quisquam, nisi mereatur, potest.* (*Lib. 1, с. 32*). Свободная воля не въ состояніи исполнить заповѣдей Божіихъ, безъ помощи благодати (*Ep. ad Hilar. Caesaraugustan.*). Мы знаемъ, что благодать

не даруется согласно съ заслугами (*Ер.* 106, 107, 120). Человѣкъ въ невинномъ состояніи имѣлъ бы необходимую помощь для исполненія добра, еслибы захотѣлъ этого; но хотѣніе это зависѣло уже отъ свободной воли: *Habeat adjutorium, per quod posset, et sine quo non vellet, sed non adjutorium quo vellet.* (Онъ имѣлъ помощь, по которой могъ и при которой хотѣлъ, но не имѣлъ помощи, которою хотѣлъ. *Lib. de corrupt. c. 11 et c. 10, 12*). Богъ подвергъ испытанію ангеловъ и людей въ томъ, что могутъ совершить они по своей свободной волѣ и въ томъ, что можетъ совершить Его благодать и Его правда (*D.*, с. 10, 11, 12). Грѣхъ отвратилъ человѣка отъ Бога и обратилъ его къ тварямъ (*Lib. 1, qu 2, ad Simpl.*). Радованіе грѣху есть свойство рабской воли (*Enchir. c. 103*): *Liberum arbitrium usque adeo in peccatore non perit, ut per illud peccent maxime omnes, qui cum delictatione peccant.* (Свободная воля не до такой степени погибла въ грѣшникѣ, чтобы преимущественно ею согрѣшали всѣ тѣ, которые грѣшатъ съ радостію. *Lib. 1, ad Bonifac., c. 2, 3*).

285. Богъ говоритъ Моисею: *Я буду милосердъ къ тому, къ кому буду милосердъ, и помилую того, кого помилую* (*Исх. XXXIII, 19*). И такъ все зависитъ не отъ хотѣнія, ни отъ подвѣла, но отъ помилованія Божія (*Рим. IX, 15, 16*). Это не препятствуетъ тому, чтобы всѣ имѣющіе добрую волю и хранящіе ее не были спасены. Именно Богъ даетъ имъ хотѣніе и дѣйствіе. И такъ Онъ милуетъ того, кого хочетъ, и ожесточаетъ того, кого хочетъ (*Рим. IX, 29*). И однако же тотъ же Апостоль говоритъ, что *Богъ хочетъ всѣхъ спастись и въ разумъ истины прійти*; и я не хотѣлъ бы понимать этого, согласно съ нѣкоторыми мѣстами св. Августина, какъ будто бы это значить, что нѣтъ спасаемыхъ. кромѣ тѣхъ, кого Богъ желаетъ спасти, или, какъ будто бы Онъ желаетъ спасти *non singulos generum, sed genera singulorum* (не индивидуумовъ изъ рода, но родъ изъ индивидуумовъ). Я лучше сказалъ бы, что нѣтъ человѣка, котораго онъ не желалъ бы спасти, насколько допускаютъ это величайшія основанія, по которымъ Богъ спасаетъ только пріемлющихъ даруемую Имъ вѣру, и предающихся

сообщаемой Имъ благодати, если это согласно съ ненарушимостію плана Его дѣйствій, наиболѣе совершеннаго ¹⁾).

286. Что касается предопредѣленія ко спасенію, то оно тоже содержитъ, по ученію св. Августина, послѣдовательность средствъ, ведущихъ ко спасенію. „*Praedestinatio sanctorum nihil aliud est, quam praescientia et praeparatio beneficiorum Dei, quibus certissime liberantur, cuicumque liberantur.* (Предопредѣленіе святыхъ есть не иное что, какъ предвѣдѣніе и предуготовленіе благодѣній Божіихъ, которыми наилучшимъ образомъ могли бы спастись тѣ, которые спасутся. (*Lib. de persev. c. 14*). Итакъ, онъ не принимаетъ этого въ смыслѣ безусловнаго опредѣленія; онъ думаетъ, что существуетъ благодать, которая не можетъ быть отвергнута никакимъ ожесточеннымъ сердцемъ, потому что она преимущественно даруется для отнятія ожесточенія сердець (*Lib. de praedest. c. 8, et lib. de grat. c. 13, 14*). Однако же я не нахожу, чтобы св. Августинъ сильно настаивалъ, будто эта благодать, подчиняющая сердце, всегда была дѣйствительна сама по себѣ. И я думаю, что можно утверждать, не оскорбляя его, что одна и та же степень внутренней благодати является побѣдоносною у одного чело-

¹⁾ Лейбницъ не могъ допустить мысли о вѣчномъ осужденіи всѣхъ нехристіанъ и всѣхъ дѣтей, умершихъ безъ крещенія. Въ этомъ отношеніи онъ не только держался строго православнаго ученія о томъ, что судьба ихъ намъ неизвѣстна и что *о отишихъ судитъ Богъ*: но и допускалъ какое то особенное, чрезвычайное содѣйствіе имъ Божіе въ минуту ихъ смерти. Конечно, онъ дѣлаетъ это произвольно; ни въ св. Исаіи, ни въ св. Преданіи мы не находимъ ни малѣйшаго намека на подобное ученіе. Равнымъ образомъ, Лейбницъ не могъ допустить и строго логическаго ученія бл. Августина о непреоборимой благодати (*gratia irresistibilis*), по которой Богъ однимъ даетъ непреоборимую благодатную помощь, а другихъ лишаетъ ее совершенно произвольно, независимо отъ нравственнаго направленія людей. И въ этомъ отношеніи Лейбницъ сблизился съ православнымъ ученіемъ, по которому спасеніе условливается, съ одной стороны, благодатною помощію, а съ другой, добровольнымъ усвоеніемъ себѣ этой помощи самимъ человѣкомъ. Кирхманъ говоритъ, что подобное ученіе есть уже открытое признаніе невозможности примирить вѣру съ разумомъ. Но почему же? Когда мы не можемъ объяснить какого-либо факта извѣстными намъ причинами или силами, то при этомъ надобно говорить о нашемъ невѣдѣніи, а не о какомъ то коренномъ противорѣчій нашего вѣдѣнія съ наличнымъ фактомъ. Вѣдь и въ природѣ извѣстны намъ многіе факты, которыхъ мы не можемъ объяснить себѣ; но отсюда мы не выводимъ заключенія о непримиримости этихъ фактовъ съ нашимъ разумомъ.

ловѣка, при содѣйствіи обстоятельствъ, и не является таковою у другаго.

287. Воля находится въ соотвѣтствіи съ нашимъ пониманіемъ добра и при этомъ слѣдуетъ тому добру, которое пересиливаетъ. „*Si utrumque tantumdem diligimus, nihil horum dabimus. Item, quod amplius non delectat, secundum id operetur necesse est.* (Если обоимъ одинаково сильно любимъ, то никому изъ нихъ ничего не дадимъ. Поэтому если не любимъ кого-либо сильнѣе, то по необходимости поступаемъ сообразно съ этимъ (In cap. 3 ad Gal.)“.

Я объяснилъ уже, какимъ образомъ, не смотря на все это, въ дѣйствительности мы имѣемъ большую власть надъ нашею волею. Св. Августинъ понимаетъ это нѣсколько иначе и въ смыслѣ не очень обширномъ, говоря, наприм., что ничто столько не находится въ нашей власти, какъ дѣйствіе нашей воли, и въ пользу этого приводитъ почти тождественное основаніе. Ибо, говоритъ онъ, дѣйствіе готово въ ту минуту, когда мы его хотимъ. „*Nihil tam in nostra potestate est, quam ipsa voluntas, ea enim mox ut volumus praesto est.* (Ничто столько не находится въ нашей власти, какъ наша воля, ибо какъ только захотимъ, она уже готова. Lib. 3. de lib. Arb. c. 3; lib. 5, de Civ. Dei c. 10)“.

Но это значить только, что мы хотимъ, когда хотимъ, а не то, что мы хотимъ того, чего желаемъ хотѣть. Вѣрнѣе будетъ сказать съ нимъ: „*Aut voluntas non est, aut libera dicenda est.* (Или вовсе нѣтъ воли, или она свободна (д. I, 3, с. 3); и когда воля непогрѣшимо и правильно ведетъ къ добру, то это не препятствуетъ ей быть свободной. „*Perquam absurdum est, ut ideo dicamus non pertinere ad voluntatem (libertatem) nostram, quod beati esse volumus, quia id omnino nolle non possumus nescio qua bona constrictione naturae. Nec dicere audemus ideo Deum non voluntatem (libertatem), sed necessitatem habere justitiae, quia non potest velle peccare. Certe Deus ipse numquid qui peccare non potest, ideo liberum arbitrium habere negandus est?* (Весьма безразсудно утверждать, что когда желаемъ быть блаженными, то это не принадлежитъ нашей воли (свободѣ), потому что не желать этого мы совершенно не можемъ, не знаю по какому доброду расположенію природы. И мы не смѣемъ ска-

затѣ, что у Бога существуетъ правосудіе не по волю (свободу), а по необходимости, потому что Онъ не можетъ хотѣть грѣшнѣть. Долженъ ли Богъ, такъ какъ не можемъ грѣшнѣть, отказаться поэтому отъ свободной воли. *De Nat. et Grat. c. 46, 47, 48, 49*?)“ Онъ очень хорошо говоритъ также, что Богъ сообщаетъ первое доброе движеніе, но послѣ этого человѣкъ дѣйствуетъ уже самъ. *Aguntur ut agant, non ut ipsi nihil agant.* (Они будутъ дѣйствовать, чтобы дѣйствовать, а не такъ, чтобы самимъ ничего не дѣлать. *De Corrupt. c. 2*)¹⁾.

К. Истоминъ.

(Продолженіе будетъ).

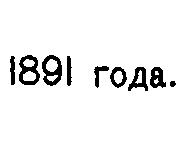
---

¹⁾ Православный читатель видитъ, что бл. Августинъ, подобно Лейбницу, вдается въ такіа богословскія тонкости, которыя хотя и могутъ быть допускаемы при спекулятивныхъ созерцаніяхъ, но не могутъ отличаться характеромъ несомнѣнной достовѣрности, такъ какъ при нихъ всегда остается мѣсто вопросу: дѣйствительно ли это такъ есть на самомъ дѣлѣ? Всѣ эти предположенія обладаютъ вѣроятностію только относительною. Лишь одно положительное ученіе Св. Писанія и Св. преданія, принимаемое всѣми, всегда и повсюду, запечатлѣно характеромъ безусловнымъ и общеобязательнымъ. Тѣмъ не менѣе ошибочно было бы думать, будто божественная свобода подчинена своего рода необходимости; потому что не обуреваются противоположными мотивами и не употребляетъ напряженныхъ усилій для побѣды надъ страстными мотивами, какъ это сплошь да рядомъ случается у людей. Высочайшая сила Божественной свободы именно и состоитъ въ высочайшей независимости отъ всего грѣховнаго и въ безконечномъ возвышеніи надъ всѣми страстными. Именно, по этой свободѣ Богъ творитъ существующій міръ не отъ вѣчности, а во времени, сохраняетъ его временное существованіе только опредѣленный періодъ вѣковъ и затѣмъ возводитъ его къ вѣчному существованію.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Іюля № 13. 1891 года.

Содержаніе. Назначеніе преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую Духовную Семинарію.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1891 г. и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 22-го іюня 1891 г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Кулянскаго Духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годичныхъ испытаній за 18^{90/91} учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 іюня н. г.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ испытаній, бывшихъ за 18^{90/91} учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 іюня 1891 года.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Правленія Кулянскаго Духовнаго училища.—Для свѣдѣнія духовенства Сумскаго училищнаго округа.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

На вакантную должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковской Духовной Семинаріи 6-го іюня сего 1891 года Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода назначенъ преподаватель Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, кандидатъ Московской Духовной Академіи, Николай Гогинъ.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковскаго Духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1891 года, и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 22 іюня 1891 года.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Протопоповъ Леонтій, Жадановскій Николай, Корнильевъ Василій, Александровъ Иванъ, 5. Нѣмчиновъ Тихонъ, Поповъ Григорій.

Разрядъ II-й. 2. Колосовскій Сергій, Щербининъ Владиміръ, Черни-

вецкій Сергій, 10. Ольховый Алексій, Нестеровъ Василій, Закрицкій Юсифъ, Бековъ Дмитрій, Соколовскій Михаилъ, 15. Хоручъ Иаія, Кобыляцкій Александръ, Корнильевъ Иванъ, Онацкій Михаилъ, Рубинскій Павелъ, 20. Стеллецкій Юсифъ, Измайловъ Николай, Николаевскій Дмитрій, Никитскій Евгений, Пономаревъ Николай, 25. Сильванскій Михаилъ, Посельскій Андрей, Виноградскій Александръ, Бѣликовъ Николай, Созонтьевъ Андрей, 30. Степурскій Василій.—Всѣ эти тридцать учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ первый классъ духовной семинаріи безъ новаго испытанія. 31. Ролнскій Юсифъ, 32. Толмачевъ Иванъ.—Эти два ученика не признаются достойными перевода въ первый классъ духовной семинаріи, на основаніи постановленія Правленія училища, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ 2 мая 1884 г., п. 1, но, согласно § 87 Уст. Дух. Учл., получаютъ свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса ученія въ духовномъ училищѣ. 33. Киктевъ Семень.

Разрядъ III-й. Геновскій Алексій, 35. Македонскій Иванъ, Титовъ Семень, Стаховскій Николай, Шокотовъ Григорій, Протопоповъ Захарій.—Эти семь учениковъ также могутъ быть признаны окончившими полный курсъ ученія въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Киктевъ—по латинскому языку, Геновскій, Македонскій, Стаховскій и Шокотовъ—по латинскому и греческому языкамъ, Протопоповъ Захарій—по катихизису и греческому языку, Титовъ—по катихизису и латинскому языку. 40. Соболевъ Иванъ—оставляется на повторительный курсъ въ IV классѣ по болѣзни, 41. Павловскій Макарій—оставляется на повторительный курсъ по прошенію отца.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Иванцкій Иванъ—этотъ ученикъ за благоправіе и отличные успѣхи награждается книгою, Селезиевъ Александръ, Мураховскій Владиміръ.

Разрядъ II-й. Мухинъ Константинъ, 5. Дейнеховскій Николай, Владыковъ Константинъ, Рубинскій Михаилъ, Червонецкій Алексій, Закрицкій Тимоѳей, 10. Поповъ Дмитрій, Рогальскій Михаилъ, Котляровъ Иванъ, Рудинскій Тимоѳей, Инноковъ Александръ, 15. Сильванскій Федоръ, Евѣиновъ Евгений, Власовскій Яковъ, Мураховскій Григорій, Стеллецкій Сергій, 20. Пипенко Николай, Ходаковскій Иванъ, Рубинскій Николай, Зеленинъ Иванъ, Петинъ Петръ, 25. Бѣляевъ Парѳеній, Матвѣевъ Петръ, Чернивецкій Павелъ.—Эти двадцать семь учениковъ признаются достойными перевода въ четвертый классъ. 28. Корнильевъ Петръ, Созонтьевъ Василій, 30.

Насѣдкинъ Константинъ, Васильковскій Яковъ, Семеновъ Александръ, Антоновъ Тихонъ.

Разрядъ III-й. Ѳедоровъ Григорій, 35. Мигулинъ Николай, Леонтовичъ Николай, Дюковъ Владиміръ.—Эти десять учениковъ также могутъ быть переведены въ четвертый классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Антоновъ—по латинскому языку, Корнильевъ Петръ, Васильковскій, Семеновъ—по русскому языку, Мигулинъ—по русскому языку и русскому диктанту, Ѳедоровъ и Леонтовичъ—по русскому и греческому языкамъ, Дюковъ—по русскому языку и ариметикѣ, Созопьевъ и Насѣдкинъ—по церковному пѣнію 38. Богдановъ Николай, Василевскій Иванъ, 40. Коцаревъ Яковъ, Пономаревъ Александръ, Краснокутскій Антонъ, Шаховскій Владиміръ.—Эти шесть учениковъ остаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности. 44. Согинъ Александръ, 45. Крыжановскій Константинъ.—Эти два ученика, не державшіе экзамена по болѣзни, допускаются къ сдачѣ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. 46. Корнильевъ Григорій. 47. Согальскій Сергій.—Эти два ученика увольняются изъ училища по прошенію родителей.

ВТОРОЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Гутниковъ Василій, Червонецкій Дмитрій, Дьяковъ Николай, Шебатинскій Алексѣй, 5. Чернявскій Владиміръ.—Эти пять учениковъ за благоправіе и отличные успѣхи награждаются книгами. Грабовскій Николай, Тарацскій Иванъ, Рудневъ Антонъ, Подлуцкій Петръ, 10. Татариновъ Ѳедоръ.

Разрядъ II-й. Ястремскій Евгеній, Хоручъ Николай, Энеидовъ Иванъ, Сглабинскій Василій, 15. Давидовъ Георгій, Павловскій Василій, Толмачевъ Яковъ, Алейниковъ Петръ, Поповъ Александръ, 20. Корнильевъ Иванъ, Камашниковъ Даніилъ, Носовъ Александръ, Хижняковъ Николай, Поповъ Алексѣй, 25. Ѳедеяко Василій, Полтавцовъ Константинъ, Полницкій Павелъ, Ольховый Тимоѳей.—Эти двадцать восемь учениковъ признаются достойными перевода въ третій классъ. 29. Лободовскій Алексѣй, 30. Домницкій Василій, Мигулинъ Иванъ, Любарскій Василій, Поповъ Андрей.

Разрядъ III-й. Литкевичъ Михаилъ, 35. Ведринскій Алексѣй, Чунихинъ Андрей.—Эти восемь учениковъ также могутъ быть переведены въ третій классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Домницкій, Любарскій и Мигулинъ—по русскому диктанту, Поповъ и Лободовскій—по латинскому языку, Литкевичъ—по латинскому языку и русскому диктанту, Ведринскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, по греческому языку и русскому диктанту. 37. Ѳедоровъ Иванъ, Вышемирскій Николай, Бѣляевъ Алексѣй, 40. Васютинскій Ни-

колай, Иванецкій Василій, Шевченко Антонъ, Брайловскій Захарій.— Эти семь учениковъ оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по малоуспѣшности. 44. Мокрецскій Иванъ,—этотъ ученикъ оставляется на повторительный курсъ по болѣзни, 45. Бутковскій Алексѣй,—этотъ ученикъ, недержавшій экзамена по болѣзни, допускается къ сдачѣ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ, 46. Бѣловъ Павелъ—увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Курской Павелъ, Михайловскій Данилъ, Григоревичъ Николай, Жуковскій Виталій.—Эти четыре ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами. 5. Васильковскій Андрей, Пакуль Николай, Поповъ Александръ, Черняевъ Евлампій, Амелинъ Гаврилъ, 10. Литкевичъ Иванъ, Масляниковъ Ѳедоръ, Васильевъ Димитрій, Лашкаревъ Николай, Кіановскій Василій, 15. Лагутинъ Николай.

Разрядъ II-й. Ѳесенко Александръ, Рудинскій Николай, Бутковскій Степанъ, Христіановскій Василій, 20. Клевановъ Василій, Посельскій Степанъ, Поповъ Василій, Дмитріевъ Виталій, Петинъ Александръ, 25. Эварницкій Петръ, Измайловъ Николай, Рубинскій Александръ, Андриенко Николай, Тарасенко Левъ, 30. Васильковскій Левъ, Власовскій Александръ, Стеллецкій Игнатій, Николаевскій Евгений, Крючковъ Николай, 35. Созонтьевъ Александръ, Александровъ Ѳедоръ, Чернявскій Степанъ, Мухинъ Иванъ.—Эти тридцать восемь учениковъ признаются достойными перевода во второй классъ. 39. Богославскій Василій, 40. Миловъ Анатолій, Брайловскій Иванъ, Найдовскій Михаилъ, Никитскій Алексѣй, Огульковъ Сергій, 45. Покровскій Василій.

Разрядъ III-й. Владыковъ Иванъ, Мигулинъ Георгій, Носовъ Димитрій, Ковалевъ Александръ, 50. Котляревскій Димитрій.—Эти двѣнадцать учениковъ также могутъ быть переведены во второй классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Богославскій и Брайловскій—по русскому диктанту, Огульковъ—по ариметикѣ, Миловъ, Найдовскій, Никитскій и Покровскій—по русскому языку съ церковнославянскимъ, Владыковъ, Ковалевъ, Котляревскій, Мигулинъ и Носовъ—по русскому языку съ церковнославянскимъ и русскому диктанту. 51. Любарскій Иванъ, Макухинъ Александръ, Протопоповъ Димитрій.—Эти три ученика оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности. 54. Кіаницынъ Владиміръ, недержавшій экзамена по болѣзни, допускается къ сдачѣ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. 55. Новомирскій Тихонъ—увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ I-й. 1. Рубинскій Николай, Чурсинъ Александръ, Калашниковъ Александръ, Ѳедоровъ Сергій.—Эти четыре ученика за благопріятіе и отличные успѣхи награждаются книгами. 5. Лысенко Владиміръ, Перепелица Газактіонъ, Кратенко Николай, Молодыхъ Александръ, Измайловъ Борисъ, 10. Николаевскій Сергій, Чернявскій Анатолій, Пономаревъ Аванасій, Журавлевъ Василій, Протопоповъ Гавріилъ.

Разрядъ II-й. 15. Ведринскій Василій, Пантелеймоновъ Антонъ, Круподеровъ Петръ, Влоковскій Алексѣй, Ильинъ Михаилъ, 20. Архангельскій Илія, Васютинскій Григорій, Евѣимовъ Георгій, Краснопольскій Яковъ, Приходько Павелъ, 25. Семеновъ Петръ, Анисимовъ Александръ, Дюковъ Григорій, Поповъ Михаилъ, Рудневъ Кирилъ, 30. Кіиновскій Георгій, Сталлецкій Василій, Шипенко Иванъ, Бортниковъ Иванъ, Невпрятинъ Виталій, 35. Еверскій Іосифъ, Люлюковъ Алексѣй, Шебатинскій Василій, Дикаревъ Леонтій, Базилевичъ Александръ, 40. Шепелевскій Іуліанъ, Якубовичъ Сергій.—Эти ученики, въ количествѣ 41. признаются достойными перевода въ 1-й классъ. 42. Созонтьевъ Павелъ, Труфановъ Александръ, Ходаковскій Григорій.

Разрядъ III-й. 45. Коробкинъ Ѳедоръ, Давидовъ Павелъ, Поповъ Николай, Сукачевъ Михаилъ, Толмачевъ Веніаминъ, 50. Роменскій Митрофанъ, Краснокутскій Виталій.—Эти десять учениковъ также могутъ быть переведены въ 1-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ переекзаменовку послѣ канікулъ: Созонтьевъ и Ходаковскій—по ариѳметикѣ, Труфановъ—по русскому языку, Коробкинъ и Давидовъ—по ариѳметикѣ и русскому диктанту, Поповъ, Краснокутскій и Роменскій—по русскому языку и ариѳметикѣ, Сукачевъ и Толмачевъ—по русскому языку и русскому диктанту. 52. Рубинскій Евграфъ, Чиркинъ Петръ, 54. Мигулинъ Николай,—эти ученики по малоуспѣшности оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Переекзаменовки учениковъ всѣхъ классовъ будутъ произведены 7 и 8 августа, пріемные экзамены въ приготовительный классъ 9 и 10 августа; въ I и II классахъ вакансій нѣтъ, въ III и IV классахъ вакансій не предвидится. Молебень и начало учепія 14 августа.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Купянскаго духовнаго училища, составленный училищнымъ Правленіемъ послѣ годовыхъ испытаній за 18^{90/91} учебный годъ и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 іюня н. г.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ семинаріи.

Разрядъ I. 1. Могиляскій Θεодосій, Евфимовъ Иванъ—награждены книгами, Марнопулъцевъ Константинъ, Мищенко Николай, 5. Паптелеимоновъ Григорій, Шалаевъ Сергій, Шинловъ Дмитрій.

Разрядъ II. Лукашевъ Астерій, Каплуненко Александръ, 10. Дзюбановъ Антоній, Климентовъ Гавріилъ, Ковалевскій Семень, Смирнскій Владиміръ, Кувичинскій Сергій, 15. Васютинъ Павелъ, Юшковъ Александръ, Ляницкій Евгений, Цебенко Григорій, Краснокутскій Викторъ, 20. Бошарновскій Владиміръ, Запка Андрей, Торанскій Евлампій, Поповъ Евгений, 24. Подольскій Василій.

III КЛАССА.

Переводятся въ IV классъ.

Разрядъ I. 1. Поповъ Θεодоръ, Спасивцевъ Антоній, Филевскій Захарій, Приходьговъ Алексѣй, 5. Нигровскій Николай, Оранскій Яковъ, Соколовскій Николай.

Разрядъ II. Космынинъ Петръ, Оглоблинъ Николай, 10. Θεодоровъ Василій, Краснокутскій Леонидъ, Филевскій Михаилъ, Филевскій Василій, Смирнскій Григорій, 15. Свѣцовъ Аванасій, Краснокутскій Владиміръ, Феневъ Яковъ, Ильящевъ Хрисанфъ, Пономаревъ Яковъ, 20. Павловъ Георгій, Ляницкій Александръ, Чернявскій Поликарпъ, Труфановъ Николай, Вересовичъ Николай.

Будутъ переведены въ IV классъ, если передержать экзамены:

25. Θεодоровскій Алексѣй—по письменному упражненію по русскому языку, Сильванскій Григорій—по латинскому языку, Григоровъ Гавріилъ—по греческому языку, Бѣляевъ Макарій—по латинскому языку.

Разрядъ III. Свратскій Михаилъ—по русскому и латинскому языкамъ.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

30. Макаровскій Алексѣй, Кошарновскій Павелъ, Соболевъ Владиміръ, Николаевскій Леонидъ, Бугуцкій Иларіонъ,—по малоуспѣшности, 35. Мухинъ Павелъ—по болѣзни.

Допускается къ экзамену послѣ кампулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни.

Богдановъ Веніаминъ.

Увольняется изъ училища.

37. Титовъ Иванъ—по малоуспѣшности.

II КЛАССА.

Переводятся въ III классъ.

Разрядъ III. 1. Смирнскій Николай, Поповъ Митрофанъ, Масловъ Петръ, Линацкій Павелъ, 5. Жуковъ Стефанъ—награждены книгами, Макухинъ Сергій, Скляръ Леонидъ, Оржельскій Никифоръ, Васютинъ Николай, 10. Сильванскій Николай.

Разрядъ II. Любичскій Сергій, Макаровскій Федоръ, Капустинъ Михаилъ, Толмачевъ Георгій, 15. Поповъ Григорій, Недохлѣбовъ Василій, Петровъ Гавриилъ, Поповъ Николай, Рубинскій Павелъ, 20. Васильковскій Яковъ, Любарскій Георгій, Лукашевъ Григорій, Базилевичъ Иванъ, Косминъ Петръ, 25. Насѣдникъ Григорій, Жуковскій Александръ, Рубинскій Михаилъ, Сулима Евсеvій, Захарьевъ Константинъ, 30. Василевскій Алексѣй, Жуковскій Николай, Макухинъ Александръ.

Будутъ переведены въ III классъ, если передержать экзамены.

Оружикскій Василій—по русскому языку, Поповъ Елисей, 35. Поповъ Дмитрій—по греческому языку.

Разрядъ III. Лаврентьевъ Иванъ—по греческому и латинскому языкамъ.

Оставаются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Сапухинъ Григорій, Бовдаренко Семенъ, Бѣляевъ Мелетій, 40. Евфимовъ Андрей, Исиченко Александръ, Исиченко Иванъ, Семитренниковъ Игнатій, Сорочинскій Θεодосій,—по малоуспѣшности, 45. Сѣвериновъ Николай, Федоровъ Николай,—по болѣзни.

Допускается къ экзамену послѣ каникулъ, какъ не державшій онаго по болѣзни.

Власовъ Петръ.

Увольняются изъ училища.

Бутковъ Сергій, Макаровскій Стефанъ, 50. Якубовичъ Дмитрій, Любичскій Николай—по малоуспѣшности, Цебенко Александръ—какъ не бывшій въ училищѣ въ теченіе года.

I КЛАССА.

Переводятся во II классъ.

Разрядъ I. 1. Кабловъ Арсеій, Коваленко Ѳедоръ, Бородаевъ Павелъ—награждены книгами, Курячій Георгій, 5. Барановъ Николай, Олягъ Александръ, Улановъ Порфирій, Макаровский Петръ, Чернявскій Николай, 10. Поповъ Александръ, Петровъ Георгій, Башнискій Василій, Бутковъ Николай, Поповъ Петръ, 15. Лукашевъ Даніилъ, Голчаревскій Ѳедоръ, Евфимовъ Александръ.

Разрядъ II. Чалый Владиміръ 1-й, Скляръ Георгій, 20. Недохлѣбовъ Георгій, Ветуховъ Михаилъ, Чалый Владиміръ 2-й, Макаровский Николай, Макаровъ Викторъ, 25. Любицкій Матвѣй, Сѣвцовъ Антоній, Самойловъ Андрей, Бѣлоусовъ Аполлонъ, Соколовскій Алексѣй, 30. Прокофьевъ Сергій, Ковалевскій Африканъ, Базилевичъ Валеріанъ, Дмитріевъ Сергій, Рогальскій Артемій, 35. Раменскій Семенъ, Липицкій Иванъ, Дзюбановъ Стефанъ.

Будутъ переведены во II классъ, если передержать экзамены.

Дьяковъ Яковъ—по русскому языку, Рудинскій Григорій—по арифметикѣ.

Разрядъ III. 40. Поповъ Яковъ—по Священной Исторіи.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Дикаревъ Иванъ, Аписимовъ Николай, Любарскій Дмитрій, Михайловскій Андрей, 45. Бѣликовъ Александръ, Жуковъ Иванъ,— по малоуспѣшности.

Увольняется изъ училища,

47. Рушковскій Николай, какъ не бывшій въ училищѣ въ теченіе года.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНОГО КЛАССА.

Переводятся въ I классъ.

Разрядъ I. 1. Даниловъ Сергій, Филевскій Григорій, Кореницкій Борисъ—награждены книгами, Власовъ Иванъ, 5. Бугуцкій Ѳедоръ, Ягниченко Ѳедоръ, Жуковъ Григорій, Роменскій Яковъ, Дудниковъ Андрей, 10. Хижняковъ Павелъ, Ѳедоровскій Владиміръ, Соколовскій Иванъ.

Разрядъ II. Пантелеимоновъ Акимъ 1-й, Воскобойниковъ Александръ, 15. Залуговскій Николай, Леницкій Сергій, Эвальдъ Владиміръ, Арефьевъ Григорій, Смирнскій Митрофанъ, 20. Бутковскій Дмитрій, Микунинъ Николай, Васильевъ Максимъ, Жуковскій Михаилъ, Захарьевъ Иванъ, 25. Любарскій Иванъ, Мухлинъ Георгій, Поповъ Николай, Чалый Михаилъ, Грабовскій Владиміръ, 30. Поповъ Михаилъ, Твердохлѣбовъ Николай, Со-

болевъ Григорій, Рубинскій Иванъ, Щелоковскій Николай, 35. Өоминъ Алексѣй.

Будутъ переведены въ I классъ, если передержать экзамены.

Вертеловскій Арсеній—по ариметикѣ.

Разрядъ III. Маяцкій Іустинъ—по Закону Божію.

Оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Поповъ Арсеній, Шебатинскій Яковъ, 40. Пантелеимоновъ Аквиль 2-й, Грабовскій Владиміръ, Щелоковскій Петръ,—по малоуслѣшности, Николаевичъ Веніаминъ, 44. Петровъ Өедоръ,—по болѣзни.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища, составленный Правленіемъ училища послѣ испытаній, бывшихъ за 18⁹⁰/91 учебный годъ, и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 20 Іюня 1891 г.

IV КЛАССА.

Удостоены перевода въ I классъ Семинаріи.

Разрядъ 1-й. 1. Рубинскій Василій—награжденъ книгою, Краснокутскій Василій, Кузнецовъ Петръ, Клинченко Өедоръ, Поповъ Павелъ.

Разрядъ 2-й. Строевскій Иванъ, Огнискій Петръ, Лапоноговъ Иванъ, Красиль Павелъ, 10. Михайловскій Николай, Столяревскій Өедоръ, Фіалковскій Константинъ, Өедоровъ Николай, Антоновъ Иванъ, 15. Федоровъ Александръ, Назаревскій Иванъ, Ястремскій Сергѣй, Крушодольскій Иванъ, Рубинскій Егоръ, 20, Өедоровъ Иванъ, Вассаковскій Александръ, Котляровъ Өедоръ, Стефановскій Павелъ.

Окончили курсъ съ полученіемъ свидѣтельствъ:

Горанстовъ Александръ, 25. Петрусенко Прокофій, Өедоровскій Николай, Филоненко Григорій, Москаленко Алексѣй, Ковалевскій Константинъ, 30. Пономаревъ Данилъ, Донченко Константинъ.

Разрядъ 3-й. Вербицкій Стефанъ, Быковъ Павелъ.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Родовскій Евфимъ, Приходьковъ Константинъ, Стефановскій Николай, 37. Люминарскій Дмитрій.

III КЛАССА.

Переведены въ IV классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Александровъ Павелъ, Бозловскій Николай,—оба награждены книгами, Николаевъ Константинъ, Фальченко Иванъ, 5. Грищенко Василій, Понкратьевъ Андрей.

Разрядъ 2-й. Матвѣевъ Василій, Захаровъ Александръ, Петровскій Мпхалъ, 10. Волковъ Иванъ.

Назначены къ переводу съ передержкой экзамена:

Аристовъ Иванъ, Поповъ Евграфъ, Пестряковъ Василій, Николаевскій Антоній, 15. Луценко Иванъ, Клисенко Андрей, Заграфскій Юсифъ, Новомірскій Ефимъ,—по греческому языку, Чугаевъ Сергій—по греческому и латинскому языкамъ.

Оставляются въ томъ же классѣ:

Разрядъ 3-й. 20. Чугаевъ Евгений, Чефраковъ Михайль, Григорьевъ Иванъ, Чефрановъ Александръ, Ильинъ Иванъ, 25. Кривошоевъ Сергій,—по малоуспѣшности, Поповъ Григорій, Денисенко Михайль, Доброславскій Веніаминъ, 30. Донченко Александръ и Малиженевскій Михайль,—по болѣзни.

Увольняется послѣ двухгодичнаго курса съ правомъ держать экзаменъ послѣ каникулъ для поступленія въ четвертый классъ.

32. Флоринскій Петръ.

II КЛАССА.

Переведены въ III классъ.

Разрядъ 2-й. 1. Артѣмьевъ Василій, Владыковъ Георгій, Клисенко Михайль, Бородаевскій Михайль, 5. Каравановъ Павелъ, Котляровъ Алексѣй, Кучеровскій Николай, Ястремскій Сергій, Бородаевскій Иванъ, 10. Полтавцевъ Всеволодъ.

Назначены къ переводу съ передержкой экзамена.

а) по греческому языку: Калужный Федоръ, Стеллецкій Николай, Торанскій Владиміръ, Завадовскій Андрей; б) по латинскому языку: 15. Мигулинъ Павелъ; в) по арифметикѣ: Ступницкій Василій.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ.

Разрядъ 3-й. Горайнъ Иванъ, Должанскій Иванъ, Полтавцевъ Константинъ, 20. Краснополъскій Моисей, Любарскій Евгений, Лащенко Василій, Троицкій Евграфъ, Эпнатскій Андрей, 25. Левченко Леонидъ, Столяревскій Яковъ,—по малоуспѣшности; Вербицкій Андрей, Картовъ Александръ, Столяревскій Алексѣй, 30. Погорѣловъ Михайль,—по болѣзни.

Увольняются изъ училища послѣ двухгодичнаго курса: а) съ правомъ держать экзаменъ для поступленія въ третій классъ послѣ каникулъ: Шматовъ Григорій; б) за малоуспѣшность—Горайнъ Алексѣй, 33. Чумаковъ Николай.

I КЛАССА.

Переведены во II классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Слюсаревъ Александръ, Покровский Николай, Сорочинскій Николай,—награжденные книгами. Бибиць Николай. 5. Давидовъ Сергѣй, Фальченко Николай, Проскурниковъ Михайлъ.

Разрядъ 2-й. Торанченко Іустинъ, Грищенко Николай, 10. Котлярѳвъ Александръ, Коваленко Савва, Столяревскій Георгій, Полянскій Иванъ, Петровскій Григорій, 15. Карновъ Григорій, Семеновъ Иванъ, Певядовскій Стефанъ.

Назначены въ переводу съ передержкой экзамена:

Поморцевъ Николай, 20. Федоровскій Николай, Чефрановъ Василій и Романовъ Аполосъ—по русскому языку; Рубинскій Петръ—по Закону Божию; Новицкій Константинъ, 25. Нестеренко Василій, Барабоха Викторъ—по русскому языку и арифметикѣ, Федоровскій Василій—по русскому языку и Закону Божию.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Разрядъ 3-й. Стефановскій Василій—по болѣзни, Елминскій Петръ, 30. Заводовскій Стефанъ, Рубинскій Иванъ, Лисенко Яковъ, Малярѳвъ Николай, Василевскій Василій, Сляровъ Петръ,—по малоуспѣшности, Федоровъ Владиміръ—по неявкѣ за болѣзнію.

ПРИГOTOВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Переведены въ I классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Поповъ Евфимій, Поповъ Іосифъ, Василевскій Михайлъ,—награждены книгами. Гревизирскій Иванъ, 5. Филоненко Никонъ, Сербинѳвъ Наркиссъ, Торанскій Алексѣй, Григорьевъ Алексѣй, Карновъ Павелъ, Поповъ Федоръ.

Разрядъ 2-й. Грызодубовъ Дмитрій, Подлункій Евгений, Поливанный Николай, Луценко Леонидъ, 15. Огинскій Дмитрій, Ястремскій Карпъ, Краснопольскій Николай, Веселовскій Иванъ, Индутный Александръ, 20. Хижняковъ Григорій, Сукачевъ Михайлъ, Григорьевъ Антоній, Калужный Валентинъ.

Допускаются въ переекзамены:

25. Артюховскій Яковъ, Быковъ Иванъ, Заграфскій Моисей и Ястремскій Николай,—по русскому языку, Вассаковскій Евгений—по русскому языку и арифметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ:

Разрядъ 3-й. 30. Проскурниковъ Василій, Масловъ Иванъ, Рубинскій Федоръ, Червонецкій Василій,—по малоуспѣшности; Стефановскій Антоній,

35. Мпиченко Михаилъ, Насѣдкинъ Иванъ, Степлецкій Иванъ и Минченко Федоръ,—по болѣзни.

Увольняются изъ училища:

Петровскій Михаилъ, 40. Троицкій Димитрій и Стефановъ Леонидъ,— по просьбѣ родителей; Жуковскій Иларіонъ и Поповъ Андрей,— за малоуспѣшность послѣ двухгодичнаго пребыванія въ приготовительномъ классѣ; 44. Маляровъ же Димитрій—по неподготовленности къ училищной дисциплинѣ.

Примѣч. 1. Для вновь поступающихъ въ училище имѣются вакансіи: въ приготовительномъ классѣ—41, въ I кл.—2, въ III—13 и въ IV—17 вакансій.

Примѣч. 2. Переэкзаменовка назначается на 10 и 12 августа, а приемные экзамены—на 13 и 14 числа того же августа.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

I.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1) Приемные экзамены для поступленія во всѣ классы Семинаріи, въ настоящемъ году, будутъ начаты 2-го, а переэкзаменовка для воспитанниковъ Семинаріи—7-го августа.

2) Всѣ поступающіе въ Семинарію, лица свѣтскаго званія, не исключая и тѣхъ, которые переведены въ 1-й классъ Семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ въ количествѣ 40 рублей или за полугодіе—20 рублей, безъ чего не будутъ приняты въ Семинарію.

3) Всѣ воспитанники Семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя ректора Семинаріи въ 7-му августа сего года съ приложеніемъ благочинческаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько дѣтей и на чей счетъ воспитывается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ семинарское общежитіе, должны испросить на это разрѣшеніе у инспектора Семинаріи и внести 35 рублей впередъ за первую треть года. Кромѣ того, они обязаны имѣть постельныя принадлежности такого же точно вида, каковой установленъ для казеннокоштныхъ учениковъ, или

внести эконому 15 рублей на пріобрѣтеніе ихъ, въ противномъ случаѣ не будутъ приняты въ общежитіе.

5) Всѣ воспитанники Семинаріи обязаны имѣть къ 1-му октября сего года форменную одежду: одну суконную пару, одну лѣтнюю парусинную пару и суконную фуражку. При заказѣ для казенно-коштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 руб., лѣтняя въ 6 руб. 50 к., фуражка 1 руб. 25 к.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

II.

2-го іюля сего 1891 года въ Правленіе Семинаріи благочиннымъ 2-го Сумскаго округа, священникомъ Алексѣемъ Чугаевымъ доставлены слѣдующія пожертвованія на устройство общежитія при семинаріи: отъ Рождество-Богородичной церкви г. Бѣлополя 10 р., отъ Покровской церкви г. Бѣлополя 5 р., отъ причта той же церкви 3 р., отъ Пророко-Ильинской церкви того же города 25 р., отъ причта той же церкви 6 р., отъ Преображенской церкви того же города 10 р., отъ причта той же церкви 3 р., отъ Петро-Павловской церкви того же города 5 р., отъ Успенской церкви сл. Климовки 5 р., отъ Троицкой церкви сл. Проруба 10 р., отъ Варваровской церкви с. Искрыковщины 3 р. 50 к., отъ Архангело-Михайловской церкви сл. Павловокъ 5 р., отъ причта той же церкви 5 р., отъ Покровской церкви сл. Рѣчекъ 50 р., отъ причта той же церкви 3 р. 50 к., отъ Іоанно-Воинской церкви с. Андреевки 10 р., отъ причта той же церкви 3 р., отъ Пророко-Ильинской церкви с. Ульяновеи 5 р., отъ Всѣхсвятской церкви сл. Вирей 5 р., отъ Георгіевской церкви с. Воробьевки 3 р., отъ причта той же церкви 1 р. 50 к., отъ Успенской церкви сл. Хотѣни 10 р., отъ Васильевской церкви с. Ястребеннаго 10 р., отъ причта той же церкви 5 р., отъ Дмитріевской церкви сл. Стецьовки 10 р., отъ Іоанно-Воинской церкви с. Рогознаго 5 р., отъ причта той же церкви 3 р., отъ Покровской церкви с. Ободовъ 3 р., отъ причта той же церкви 2 р. Итого 224 р. 50 к.,

10-го того же іюля благочиннымъ 3 Лебединскаго округа, протоіеремъ Петромъ Краснопольскимъ доставлено 10 р., пожертвованныхъ на устройство общежитія священникомъ Ольшанской Сергіе-Анастасіевской церкви Михаиломъ Лободовскимъ.

Увѣдомляя о семъ, Правленіе Семинаріи считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семинаріи.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что въ настоящемъ году переэкзаменовка ученикамъ 1-го класса будетъ произведена 9 августа, ученикамъ 2, 3 и 4 классовъ—10 и 12 августа, приемный экзаменъ въ приготовительный классъ—13 августа и приемные экзамены въ другіе классы—14 августа.

Для свѣдѣнія духовенства Сумскаго училищнаго округа.

Журналь Правленія Сумскаго Духовнаго училища, отъ 8-го Апрѣля 1891 года, на которомъ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «Апрѣля 14. Утверждается».

Слушали: Записку смотрителя училища, отъ 30 Марта сего 1891 г., слѣдующаго содержанія: Въ видахъ устраненія крайняго нерадѣнія и безопасности нѣкоторыхъ родителей своекоштныхъ воспитанниковъ училища въ отношеніи снабженія послѣднихъ, домашнимъ спальнымъ бѣльемъ и постельными приборами, доставляемыми въ училище въ очень ограниченномъ количествѣ и въ крайне разнообразномъ видѣ, нерѣдко ветхомъ, до конца изношенномъ и совершенно негодномъ къ употребленію, равно въ видахъ установленія полного однообразія въ постельныхъ приборахъ и соблюденія должной чистоты въ спальномъ бѣльѣ и въ постельныхъ принадлежностяхъ учениковъ, я полагаю-бы необходимымъ, по указанію долговременнаго опыта, въ замѣнъ напрасной траты времени въ побужденія неисправныхъ родителей къ обезпеченію своихъ дѣтей указанными имъ и обязательными для каждаго воспитанника однообразными постельными принадлежностями, предложить Правленію училища принять съ будущаго учебнаго года на собственное попеченіе снабженіе всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ, за счетъ ихъ родителей, упомянутыми спальными приборами на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Всѣ наличные постельные приборы своекоштныхъ учениковъ замѣнить съ 1 августа сего 1891 года новыми, имѣющими быть заготовленными къ этому сроку Правленіемъ училища по образцамъ, однообразнымъ по виду и качеству съ приборами казеннокоштныхъ учениковъ и полныхъ пансіонеровъ училища, а состоящія нынѣ въ распоряженіи своекоштныхъ учениковъ постельныя принадлежности возвратитъ ихъ отцамъ при отпускѣ учениковъ на каникулярное время;

2) Потребное количество новыхъ постельныхъ приборовъ, по числу состоящихъ въ училищѣ пансіонеровъ, заготовить на счетъ сихъ послѣднихъ: для чего въ Августѣ мѣсяцѣ текущаго года взыскать единовременно съ каждаго ученика по 10 рублей, и деньги эти употребить на слѣдующіе необходимые для каждаго ученика постельные приборы, по слѣдующей разцѣнкѣ: а) на тиковый, пеньковый; изъ чистой битой мочалы матрасъ 2 р. 25 к.; б) подушку изъ оленьей шерсти, вѣсомъ 2 фун., съ наволочкой пеньковаго тиву (полагая за 2 ф. шерсти 80 коп., 2 арш. тиву 50 к. и за пошитыя наволочки и заготовленіе подушки 10 коп.) 1 р. 40 к.; в) зимнее, шерстяное одѣяло (однообразное по качеству матеріала и виду съ одѣялами казеннокоштныхъ учениковъ) 2 руб. 75 коп.; г) три простыни льнянаго холста, полагая на каждую по $2\frac{1}{2}$ арш. или на три простыни $7\frac{1}{2}$ арш. (по 30 к. арш. и за пошитыя 15 коп.) 2 р. 40 к.; д) три наволоки для подушки, бѣлаго лучшаго каленкору, полагая по 2 арш. на каждую или на три наволоки 6 арш. (по 15 к.) и за пошитыя 30 к.—1 р. 20 к.; а всего на полный постельный приборъ—10 рублей.

3) Предполагаемый съ 1 Августа сего года взносъ на постельныя принадлежности своекоштныхъ учениковъ считать единовременныхъ и окончательнымъ взносомъ для каждаго воспитанника на все время обученія его въ заведеніи; на будущее-же время (съ 1-го Августа 1892 г.) тому-же единовременному взносу и при томъ-же условіи должны подлежать только ученики пансіонеры, вновь поступающіе въ училище.

4) Имѣющая поступить съ послѣднихъ единовременная плата въ будущемъ 1892 г. должна быть обращена сплона на приобрѣтеніе новыхъ лѣтнихъ марселевыхъ одѣялъ для всѣхъ своекоштныхъ учениковъ по цѣнѣ не дороже 2 р. 50 к. за штуку, а во всѣ послѣдующіе годы плата эта должна поступать на исполненіе постельныхъ принадлежностей, взамѣнъ обветшалыхъ, и вообще на возобновленіе постельныхъ приборовъ, не исключая и покраски находящихся въ пользованіи учениковъ казенныхъ желѣзныхъ краватей.

5) Срокъ для пользованія вышеозначенными постельными приборами до замѣны ихъ новыми назначить трехлѣтній; но Правленіе училища, удостовѣряясь каждый разъ, при ежегодномъ и полугодиномъ обзорѣніи и освидѣтельствованіи училищнаго имущества, въ пригодности или непригодности къ употребленію отдѣльныхъ спальныхъ принадлежностей, можетъ увеличить или

сократить, по указанію нужды, упомянутый срокъ пользованія оными, дѣлая каждый разъ соотвѣтствующее о томъ распоряженіе по журнальнымъ постановленіямъ представляемымъ на утвержденіе Епархіальной власти.

б) Всѣмъ постельнымъ приборамъ, подлежаще перенумерованнымъ и засвидѣтельствованнымъ печатью Сумскаго Духовнаго училища, должна быть ведена опись подлежащая провѣркѣ Правленія училища на общемъ основаніи о храненіи казеннаго имущества.

Примѣчаніе. Упомянутыя въ п. 2 постельные приборы выдаются ученикамъ за нумераціею, назначенною для каждого изъ нихъ, по мѣсту и № занимаемой имъ кровати.

Предлагая вышеозначенныя условія какъ необходимыя, по моему мнѣнію, мѣры къ упорядоченію спальнаго дѣтскаго бѣлья и постельныхъ приборовъ, на обсужденіе и заключеніе училищнаго Правленія, я полагаю, что онѣ не будутъ стѣснительны для родителей училищныхъ воспитанниковъ, какого-бы состоянія они ни были, такъ какъ, по расчету 5-ти—6-ти лѣтняго курса обученія воспитанника въ заведеніи, на постельные приборы требуется въ дѣйствительности не болѣе 2-хъ руб. въ годъ для каждого воспитанника.

По обсужденіи вышеизложеннаго предложенія г. смотрителя училища, постановили: Принимая во вниманіе, что введеніе однообразныхъ постельныхъ приборовъ для всѣхъ воспитанниковъ училищнаго общежитія есть мѣра крайне необходимая къ соблюденію надлежащей чистоты и благообразія въ спальныхъ ученическихъ помѣщеніяхъ, равно въ практическомъ осуществленіи мѣра удобоисполнимая и нестѣснительная для родителей воспитанниковъ: принять предложеніе г. смотрителя во всѣхъ его частяхъ къ обязательному исполненію для всѣхъ своекоштныхъ воспитанниковъ училища съ 1 Августа сего 1891 г., о чемъ дать знать своевременно родителямъ воспитанниковъ къ надлежащему съ ихъ стороны выполненію. вмѣстѣ съ сѣмъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о заготовленіи въ теченіе предстоящихъ лѣтнихъ каникулъ потребнаго количества постельныхъ приборовъ, по числу своекоштныхъ воспитанниковъ училища, за счетъ ихъ родителей, и на условіяхъ, подробно изложенныхъ въ предложеніи г. смотрителя училища о способѣ заготовленія, порядкѣ выдачи и храненія, равно срокѣ пользованія постельными приборами. Но предварительно представить о семъ на утвержденіе Его Высокопреосвященства и всепокорнѣйше просить Его Высокопреосвященство

разрѣшить училищному Правленію настоящей журналъ, по утвержденіи онаго, если таковое послѣдуетъ, напечатать въ журналѣ «Вѣра и Разумъ.»

Во исполненіе изложеннаго постановленія, утвержденнаго Его Высокопреосвященствомъ, Правленіе училища доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ училища, что всѣ воспитанники Сумскаго духовнаго училища, помѣщающіеся въ училищномъ общежитіи, обязаны съ 10 Августа сего года внести, кромѣ полугодовой платы за свое содержаніе, еще по 10 рублей на устроенныя постельныя принадлежности. Исключеніе изъ сего составляютъ сироты духовнаго званія, состоящія на полномѣснѣномъ епархіальномъ содержаніи.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Николаевской церкви, слоб. Волкодавовой, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Базилевичъ*, перемѣщенъ на праздно священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Бѣловодска, того же уѣзда.

— Сынъ псаломщика Богородичной церкви, села Кочина, Старобѣльскаго уѣзда, Ивана *Оржельскаго*, Василій *Оржельскій* опредѣленъ на пречестначеское мѣсто къ оной церкви, на мѣсто отца своего.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви, слоб. Отрадной, Волчанскаго уѣзда, Ѳеодосій *Наумовъ*, уволенъ отъ должности псаломщика, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ священника, Антоній *Филевскій*.

— Псаломщикъ Захаріевской церкви, села Кантакузова, Валковскаго уѣзда, Пётръ *Корнильевъ*, перемѣщенъ на праздно псаломщицкое мѣсто къ Петро-Павловской церкви, слоб. Ново-Бѣлгорода, Волчанскаго уѣзда, а на псаломщицкое мѣсто къ церкви села Кантакузова опредѣленъ сынъ псаломщика Симеонъ *Власовскій*.

— Псаломщикъ Георгіевской церкви, слоб. Барвенкова, Изюмскаго у., Пётръ *Доброницкій*, перемѣщенъ къ Соборной Троицкой церкви города Волчанска.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ Архангело-Михайловской церкви, заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго у., крест. Косма Мироновъ *Цымбалъ*, къ Бѣлопольской Петро-Павловской церкви, Сумскаго уѣзда, крест. Яковъ Григорьевъ *Губскій*.

— Заштатный священ. Покровской церкви, слоб. Алешни, Лебедянскаго уѣзда, Андрей *Аксененковъ*, 28 мая 1891 г. волею Божіею умеръ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ.—Предполагаемая полезная мѣропріятія къ упорядоченію отношеній между старшими и младшими членами семейства.—Упорядоченіе сельскихъ сходовъ.—Мѣры для развитія шелководства.—Приведеніе въ извѣстность всѣхъ благотворительныхъ учреждений.—Поселки для нищихъ.—Заботы о малолѣтнихъ ипшихъ.—Борьба съ алкоголизмомъ.—Выселки при больницахъ умалишенныхъ.—Облегченіе пользованія водами минеральныхъ источниковъ Россіи.—Появленіе холеры въ Сиріи.—Положеніе переселенцевъ въ Бразиліи.—Некрологъ.—Рѣчь при погребеніи ключаря Харьковскаго Каѳедральнаго Собора, протоіерея Сумеона Илларионова.—Тиражъ выигршей билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа, произведенный въ Петербургѣ 1-го іюля 1891 года.

Въ понедѣльникъ, 1 іюля, въ 9^{1/2} час. утра состоялось первое засѣданіе съѣзда миссіонеровъ, подъ предсѣдательствомъ отца архимандрита Павла, въ присутствіи управляющаго канцеляріей Св. Синода тайнаго совѣтника В. К. Саблера. По сообщенію «Моск. Вѣд.», въ числѣ депутатовъ участвовало 8 протоіереевъ, до 70 священниковъ, 8 діаконовъ, 3 псаломщика и 58 свѣтскихъ миссіонеровъ, всего въ числѣ болѣе 140 депутатовъ изъ 41 епархіи. Послѣ пѣнія молитвы: *Царю Небесный*, предсѣдатель отецъ архимандритъ Павелъ обратился къ депутатамъ съ краткою рѣчью, отличавшеюся рѣдкою широтою миссіонерскаго опыта, замѣчательною простотою изложенія и сердечностью. Обративъ вниманіе съѣзда на цѣли и характеръ его, о. архимандритъ высказалъ, что съѣздъ долженъ быть по преимуществу практическимъ, опираться на факты и наблюденія депутатовъ-миссіонеровъ, и только на нихъ построить свои выводы, соображенія и постановленія. Кратко коснувшись вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда и порядка его занятій, маститый старецъ указалъ на то, что нынѣшнему съѣзду необходимо подробно разработать вопросъ о рационалистическихъ сектахъ и опредѣлить, насколько онѣ вредны для церкви и государства. Послѣ рѣчи о. предсѣдателя, къ депутатамъ обратился профессоръ Н. И. Субботинъ со словомъ, въ которомъ очертилъ подробно кругъ предметовъ, которые необходимо съѣзду обсудить. По мнѣнію Н. И. Субботина, необходимо, согласно указанной самими миссіонерами перваго съѣзда главной цѣли повторительныхъ съѣздовъ, прежде всего подвергнуть обсужденію, на основаніи личныхъ наблюденій собравшихся теперь дѣятелей противъ раскола, въ какой степени оказались удобоприложимыми и дѣйствительными указанная въ постановленіяхъ перваго съѣзда мѣры и способы дѣйствованія къ ослабленію раскола. Съѣздъ, принявъ программу занятій, предложенную достопочтеннымъ профессоромъ, выразилъ ему глубокую благодарность за руководство и тру-

ды. Послѣ этого къ сѣзду обратился тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ съ рѣчью, вызвавшею глубокое одушевленіе въ слушателяхъ. Говоря о важности и задачахъ сѣзда, В. К. Саблеръ замѣтилъ, что миссіонерскіе сѣзды не есть увлеченіе минутой или модой; они вызываются жизненною потребностію разумнаго коллегіальнаго обсужденія вопросовъ такой святой и высокой важности, какъ спасеніе погибающихъ отъ лжеученій, какъ охраненіе православнаго народа отъ пути погубительнаго, какъ защита святынь Церкви и вѣры отъ дерзновеннаго попранія враговъ ея. «Враги Церкви, говорилъ досточтимый ревнитель православія, стараются наступать на насъ сплотненною ратью; необходимо для ратоборцевъ православія единство мыслей и дѣйствій,—нужна техника дѣла, плотная связь между собой и въ общемъ трудѣ. Какъ бы ни былъ кто, отцы и братія, опытенъ, какихъ бы чиновъ и отличій не имѣлъ, но учиться нужно всѣмъ всегда. Живя подъ однимъ кровомъ гостепрѣимной обители, вы, отцы и братія, сѣхавшіеся съ разныхъ концовъ Россіи, имѣете возможность сблизиться мыслями и чувствами, удобно подѣлиться наблюденіями, и связь эта не порвется и послѣ. Когда будетъ кто заброшенъ въ глухую даль, одинокъ и утомленъ борьбой на тернистомъ пути миссіонерской дѣятельности, онъ всегда, думаю, можетъ найти себѣ изъ среды многочисленнаго сонма друга, утѣшителя, и станетъ такому легче. Желательно не одно только всестороннее обсужденіе затронутыхъ на сѣздѣ вопросовъ, но нужно, отцы и братія, идти и далѣе. Всѣмъ извѣстно, что сила враговъ, если по мѣстамъ и ослабѣваетъ, то разгорается съ новою силой въ другихъ мѣстахъ. Не будемъ убаюкивать себя... Опасность есть, и не столько отъ раскола, сколько отъ раціоналистическихъ сектантскихъ ученій, изъ коихъ питунда уничтожаетъ не только вѣковое религіозное достояніе—православную вѣру въ народныхъ массахъ, но и дорогія національныя свойства и даже искажаетъ внѣшній образъ нашего простолюдина, его костюмъ, рѣчь и т. п. На это явленіе нужно обратить серіозное вниманіе, пока не поздно. Мы увѣрены, что православная Церковь вынесетъ эту невзгду, какъ многія уже вынесла, и выйдетъ изъ нея не только съ побѣдой, но, быть-можетъ, съ новою честію и славою... Не надо только давать врагу усиливаться». Рѣчь досточимаго ревнителя православія была выслушана съ глубокимъ вниманіемъ и искреннею благодарностію. Въ засѣданіяхъ 2 іюля сѣздъ обсуждалъ нѣсколько вопросовъ существенной важности не только для цѣли миссіи, но и для всей отечественной Церкви во-

обще; таковы, на примѣръ, вопросы объ удовлетвореніи народной потребности въ свѣтлыхъ иконахъ строго-церковной школы по доступной цѣнѣ; о распространеніи церковнаго пѣнія древняго напѣва; о постановкѣ школьнаго народнаго обученія въ селахъ, зараженныхъ расколомъ. Какъ извѣстно, раскольники имѣютъ большое предубѣжденіе противъ иконъ новаго итальянскаго письма и отвращеніе отъ партеснаго пѣнія. Съѣздъ нашелъ полезнымъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ изданіи по доступной цѣнѣ обиходовъ древняго распѣва и объ учрежденіи по возможности во всѣхъ епархіяхъ курсовъ церковнаго пѣнія для обученія ему учителей и учительницъ церковно-приходскихъ школъ. При этомъ выражено желаніе, чтобы и учителя школъ свѣтскаго вѣдомства также пользовались уроками истоваго церковнаго пѣнія на епархіальныхъ курсахъ, такъ какъ въ большинствѣ учителя земскихъ и министерскихъ школъ заводятъ по селамъ хоры именно партеснаго итальянскаго пѣнія, въ ущербъ древне-церковному. Для улучшенія нашей иконописи, съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы Св. Синодъ издалъ и распространилъ лицевой подлинникъ образцовыхъ иконъ и чтобы женскія обители привлечены были и поощрены къ заведенію у себя иконописнаго искусства, по примѣру Нижегородскихъ, Понетаевскаго и Дивѣвскаго монастырей. По сообщенію знающихъ эти монастыри членовъ съѣзда, въ нихъ дѣло иконописи поставлено на широкіхъ началахъ и даетъ обители хорошія средства къ содержанію. Особенно правильно, съ точки зрѣнія церковности, поставлено дѣло въ Поветаевскомъ монастырѣ. Такъ какъ школы составляютъ одно изъ главныхъ пособій просвѣтительной дѣятельности миссіонерства среди раскольниковъ, то школьный вопросъ долго и всесторонне обсуждался съѣздомъ и вызвалъ живой обмѣнъ интересныхъ наблюденій. Сообщеніями отцовъ и господъ депутатовъ съѣзда еще разъ удостовѣрено, что церковно-приходскія школы за послѣднее время получили широкое распространеніе вообще и въ частности во всѣхъ мѣстахъ раскольничьихъ поселеній, за немногими исключеніями. Оживленный обмѣнъ соображеній вызвалъ важный и трудный вопросъ о постановкѣ обученія Закона Божія въ школахъ, гдѣ смѣшанные ученики, то есть дѣти православныхъ родителей и раскольничьихъ. При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса о наилучшей постановкѣ школьнаго дѣла въ мѣстахъ, зараженныхъ расколомъ, миссіонерскимъ съѣздомъ выяснено, между прочимъ, что въ пропагандѣ раскола и фанатическомъ вліяніи на свои семьи женщины

играють главную роль; всѣ онѣ отличаются сильною приверженностью лжеученію секты, а потому крайне необходимо смягчающее просвѣтительное вліяніе на нихъ. Между тѣмъ дочерей своихъ раскольники почти не учатъ и не отдають въ школу. Съѣздъ призналъ весьма полезнымъ, въ видахъ вліянія на расколъ, учреждать спеціальныя женскія школы въ деревняхъ съ раскольничьимъ населеніемъ, съ учительницей-женщиной, которая можетъ ближе поставить себя къ женской половинѣ раскольничьяго населенія, и въ лицѣ такихъ учительницъ, при усердіи ихъ къ дѣлу, возродится женская противораскольничья и противосектантская миссія. На томъ же засѣданіи одинъ изъ депутатовъ предложилъ вниманію съѣзда докладъ объ обязательномъ учрежденіи въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ бесѣдъ со старообрядцами и другими сектантами. Выслушавъ этотъ докладъ съ большимъ вниманіемъ и выразивъ искреннюю благодарность референту за всестороннее выясненіе столь важнаго для миссіонерства вопроса, съѣздъ миссіонеровъ призналъ нужнымъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ: 1) объ учрежденіи при духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ публичныхъ собесѣдованій со старообрядцами и другими сектантами, на основаніяхъ изложенныхъ выше; 2) о сложеніи съ преподавателей этого предмета обязанности: быть бібліотекаремъ семинаріи; 3) о вмѣненіи въ обязанность миссіонерамъ-преподавателямъ въ семинаріи ученія о расколѣ или другимъ лицамъ, посланнымъ преосвященными въ разныя мѣста епархіи для исслѣдованія состоянія сектантовъ и для бесѣдъ съ заблуждающимися, словесно или письменно докладывать непосредственно епархіальному преосвященному о всѣхъ явленіяхъ, препятствующихъ успѣху дѣла миссіи и проповѣди православія. Въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ съѣздъ, рассматривая условія, благопріятствующія успѣшной дѣятельности миссіи, между прочимъ, съ особымъ вниманіемъ оставался на вопросѣ о благоповеденіи духовенства. Извѣстно, что раскольники, при ихъ враждѣ къ православной Церкви и православному духовенству, съ особенною бдительностію слѣдятъ за поведеніемъ православныхъ священниковъ, и, подмѣчая всякіе, даже и мельчайшіе ихъ недостатки, ставятъ послѣдніе въ вину самой Церкви, обращаютъ это въ средство совращенія православныхъ въ расколъ. Поэтому крайне необходимо, чтобы священно-и-церковнослужители православной Церкви тщательно избѣгали въ отправленіи церковныхъ службъ и въ поведеніи своемъ недостатковъ, на кои въ особенности указываютъ раскольники. Благовѣрнымъ

и истовымъ служеніемъ, а также доброю жизнію священникъ всего болѣе привлечетъ къ себѣ и къ самой Церкви раскольниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ приготовить миссіонеру добрую почву для сѣянія православной проповѣди. Съѣздъ постановилъ просить Св. Синодъ предложить епархіальнымъ начальствамъ зависящими отъ нихъ мѣропріятіями искоренять недостатки въ членахъ клира и особое вниманіе обратить на духовныя школы. Кромѣ того, на томъ же засѣданіи съѣздъ призналъ крайне необходимымъ для дѣла миссіи ходатайствовать предъ Св. Синодомъ разрѣшить пзъявившимъ готовность присоединиться къ Церкви на правахъ единовѣрія, но такъ, чтобы не имѣющихъ по близости единовѣрческой церкви и не могущихъ образовать особаго единовѣрческаго прихода дозволено было православному миссіонеру или приходскому священнику присоединять именно къ единовѣрію и потомъ совершать для нихъ необходимыя требы (крещеніе дѣтей, причащеніе и проч.) по старопечатному требнику. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій съѣздомъ, по сообщенію «Моск. Вѣд.», было выслушано чтеніе присланной съ нарочитымъ записки Его Высокопреосвященства Харьковскаго Архіепископа Амвросія, по вопросу о томъ, какія изъ существующихъ въ Россіи религіозныхъ сектъ должны быть признаны наиболѣе вредными и опасными для Церкви и Государства. Чтеніе этой записки вызвало въ членахъ съѣзда восторженныя чувства благодарности къ высокопреосвященному автору ея, которому тутъ же пропѣто было многолѣтіе и постановлено послать владыкѣ отъ съѣзда благодарственную телеграмму. Въ отвѣтъ на свою благодарственную телеграмму, съѣздъ удостоился получить отъ Высокопреосвященнаго Амвросія также телеграмму, въ которой доблестный архипастырь-витія въ свою очередь благодаритъ предсѣдателя съѣзда и членовъ-миссіонеровъ за вниманіе къ его запискѣ.

— 3 іюля весь съѣздъ миссіонеровъ, во всемъ его составѣ, представлялся Великому Князю Сергію Александровичу, при чемъ предсѣдатель съѣзда, архимандритъ Павелъ, привѣтствовалъ Его Высочество рѣчью. Его Высочество спрашивалъ также въ большомъ количествѣ собравшихся преподавателей семинарій объ ихъ занятіяхъ, о времени службы, о расколахъ и сектахъ, существующихъ по преимуществу въ той или другой епархіи. Особое вниманіе обращено было Великимъ Княземъ на прибывшаго изъ Петербурга священника С. Слѣпяна, извѣстнаго своимъ собесѣдованіями съ рабочимъ народомъ на петербургскихъ фабрикахъ, въ совершен-

ствѣ владѣющаго англійскимъ языкомъ, на которомъ недавно онъ совершалъ литургію въ Петербургскомъ братскомъ храмѣ, также на миссіонера Донской епархіи, казака Е. Холостова, лишеннаго обѣихъ ногъ и двигающагося единственно съ помощію рукъ, однако, весьма ревностнаго и искуснаго миссіонера. «Моск. Вѣд.»

— Въ виду проектируемаго министерствомъ юстиціи усиленія наказанія родителей и родственниковъ, не только не принимающихъ никакихъ мѣръ противъ развратнаго поведенія своихъ дѣтей и родныхъ, а даже поощряющихъ развратъ изъ корыстныхъ и другихъ цѣлей, въ правительственныя учрежденія представленъ проектъ устройства особаго опекунскаго учрежденія, на попеченіе котораго должны быть отдаваемы дѣти такихъ родителей и сироты, толкаемыя на путь разврата нуждой.

— Въ правительственныхъ сферахъ вырабатываются мѣры, которыя будутъ направлены къ упорядоченію сходовъ. Рѣшено лишить права участія въ сходахъ людей, уличенныхъ въ воровствѣ, неоднократномъ буйствѣ, пьянствѣ, вообще предосудительномъ поведеніи, а также оказавшихъ неуваженіе къ начальству, духовенству и являющихся постоянно неаккуратными плательщиками государственныхъ, земскихъ и мірскихъ сборовъ. Къ подобнымъ лицамъ будутъ примѣняемы, въ случаѣ необходимости, извѣстныя мѣры; характеризующія разрядъ штрафованныхъ.

— Харьковское уѣздное земство, предпринимая мѣры для развитія шелководства въ уѣздѣ, выписываетъ саженцы тутовыхъ деревьевъ (шелковицы) изъ Одессы и Умани. Въ настоящее время столичныя газеты сообщаютъ, что въ видахъ наиболѣе успѣшнаго развитія шелководства въ южныхъ губерніяхъ, министерство государственныхъ имуществъ намѣрено устроить громадныя питомники шелковичныхъ или тутовыхъ деревьевъ; изъ этихъ питомниковъ сельскимъ хозяевамъ каждой губерніи будетъ ежегодно отпущаться до 50,000 саженцевъ безплатно. Съ теченіемъ времени, когда туковыя плантаціи, какъ сѣтью, покроютъ край, министерство предпріиметь раздачу грены и организуетъ сбытъ коконовъ.

— Губернскими статистическими комитетами предпринято собираніе точныхъ свѣдѣній о всѣхъ безъ исключенія благотворительныхъ учрежденіяхъ въ Россіи. Эти учрежденія, разбросанныя рѣшительно по всѣмъ вѣдомствамъ, до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность; изданныя же по этому предмету «Сборники» теперь значительно устарѣли.

— «Гражданинъ» сообщаетъ, что предполагается въ недалекомъ

будущемъ устроить невдалекѣ отъ Петербурга, въ видѣ опыта, два или три поселка, куда будутъ отправляться нищѣ-рецидивисты. Здѣсь имъ будетъ предоставлена полная возможность зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, не прибѣгая къ общественной благотворительности.

— Въ шлиссельбургскомъ пригородномъ участкѣ, по почину одного изъ обывателей этого участка, предпринимается устройство попечительства, на обязанности котораго будетъ лежать устройство судьбы дѣтей, которыя прибѣгаютъ къ нищенству по дѣйствительной нуждѣ. Кроме того, въ кругъ дѣятельности попечительства войдетъ принятіе мѣръ къ обученію ихъ грамотѣ.

— Въ виду значительнаго успѣха недавно образовавшихся обществъ трезвости, въ ближайшемъ будущемъ предполагается созвать въ Петербургѣ съѣздъ общественныхъ дѣятелей и врачей, для выясненія различныхъ вопросовъ, касающихся борьбы съ алкоголизмомъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

— Петербургскія газеты передаютъ, что въ медицинскомъ департаментѣ обсуждается въ настоящее время весьма важный вопросъ объ устройствѣ выселковъ при всѣхъ больницахъ умалишенныхъ. Опытъ многихъ лѣтъ убѣждаетъ, что концентрированіе больныхъ въ болѣе или менѣе тѣсныхъ помѣщеніяхъ затрудняетъ излѣченіе и чаще приноситъ вредъ, чѣмъ пользу; между тѣмъ тихихъ помѣщаныхъ можно было бы отдавать въ сосѣднія деревни на содержаніе подъ присмотромъ и постояннымъ контролемъ врачебнаго персонала и, по мѣрѣ надобности, устраивать цѣлыя поселки умалишенныхъ. Одновременно съ этимъ, тѣмъ же департаментомъ разрабатывается вопросъ объ установленіи дѣятельнаго надзора за все умножающимися въ имперіи частными лѣчебницами для душевно-больныхъ и о запрещеніи содержанія на будущее время такого рода заведеній лицамъ, не принадлежащимъ къ медицинскому сословію, такъ какъ такое управленіе названными лѣчебницами нерѣдко вызываетъ на практикѣ явленія вредныя и вовсе нежелательныя относительно призрѣваемыхъ тамъ лицъ.

— Въ медицинскомъ департаментѣ разсматривается проектъ, которымъ предлагается установить особые транспорты минеральной воды изъ источниковъ Пятигорска, Славянска, Липецка, Старой Руссы, Друскеникъ и проч. по желѣзнымъ дорогамъ при удешевленномъ тарифѣ. Отъ правильнаго веденія этого дѣла, по мнѣнію департамента, будетъ зависѣть удешевленіе этой минеральной воды.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

8-го іюля въ 4^{1/2} часа утра послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни мирно скончался членъ консисторіи и ключарь Харьковскаго кафедральнаго Успенскаго собора, протоіерей Сумеонъ Алексѣевичъ *Илларіоновъ*.

Покойный былъ сынъ священника одного изъ бѣднѣйшихъ селъ Старобѣльскаго уѣзда Харьковской епархіи. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, въ которое поступилъ въ 1831 г., на девятомъ году своей жизни. Въ 1837 г., окончивъ прекрасно курсъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, Сумеонъ Алексѣевичъ былъ привезенъ отцемъ своимъ въ Харьковъ и поступилъ въ число воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи. Имѣя отъ природы блестящія умственныя способности и привыкнувъ еще въ родительскомъ домѣ къ трудолюбію и исполнительности, овъ въ теченіе всего семинарскаго курса учился съ большимъ прилежаніемъ и потому всегда занималъ въ разрядныхъ профессорскихъ спискахъ высшія мѣста среди своихъ товарищей. За добрый и тихій характеръ, честность, привѣтливость Илларіонова въ семинаріи любили всѣ—и начальствующіе, и преподаватели, и товарищи. Ему довѣрено было даже завѣдываніе порядкомъ и хозяйствомъ семинарской церкви въ качествѣ церковнаго старосты. Среди своихъ товарищей въ семинаріи Сумеонъ Алексѣевичъ особенно былъ любимъ за свою веселость, живость, умѣнье занимать другихъ интересными разсказами, за свою товарищескую общительность и готовность помогать каждому, чѣмъ только было возможно. Всѣ эти качества усопшаго были причиною того, что онъ, будучи еще семинаристомъ, былъ лично извѣстенъ Высокопреосвященному Архіепископу Иннокентію (Борисову), управлявшему тогда Харьковскою епархіею. На такъ называемыхъ «рекреаціяхъ», которыя часто любилъ устраивать Иннокентій для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, Сумеону Алексѣевичу всегда было поручаемо принять на себя руководительство. На экзаменахъ на долю Сумеона Алексѣевича всегда оставалось рѣшеніе вопросовъ, предложенныхъ Иннокентіемъ, но не разрѣшенныхъ удовлетворительно учениками.

Въ іюль 1843 г., на двадцать-первомъ году своей жизни, Сумеонъ Алексѣевичъ окончилъ полный курсъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи и за свои успѣхи и отличное поведеніе былъ удостоенъ степени студента. Въ томъ же году онъ женился на дочери священника Старобѣльскаго уѣзда о. Льва Пантелеимонова, дѣвицѣ Александрѣ, и получилъ мѣсто священника въ слободѣ Городищѣ того-же уѣзда. 8-го сентября, въ праздникъ Рождества Пресв. Богородицы, Высокопреосвященный Иннокентій (Борисовъ) рукоположилъ его.

По прибытіи на мѣсто своего служенія о. Сумеонъ обратилъ свое особенное вниманіе на благоустроеніе св. храма, который былъ до его поступленія въ весьма жалкомъ положеніи, и на улучшеніе религіозно-нравственнаго состоянія своихъ прихожанъ. Не мало ему стоило трудовъ, чрезъ собраніе пожертвованій какъ деньгами, такъ и разнаго рода вещами (полотною, хлѣбомъ, общественными запашками полей и т. п.), добыть средства для благоуукрашенія своего приходскаго храма. Но для энергіи о. Сумеона не было непреодолимыхъ препятствій. Вскорѣ храмъ въ Городищѣ былъ настолько благоуукрашенъ, что на него обратилъ особенное вниманіе, во время осмотра епархіи, самъ преосвящ. Филаретъ, предложившій консисторіи выразить «священнику Сумеону Илларионову особенную благодарность за ревностное попеченіе о храмѣ» и представить его къ награжденію набедренникомъ. Свѣтлый умъ, энергія, исполнительность по службѣ, любовь къ порядку и церковной дисциплинѣ, которыми всегда отличался усопшій, также не остались незамѣченными Филаретомъ. Вотъ почему уже въ 1853 году тѣмъ же преосвященнымъ Филаретомъ Сумеонъ Алексѣевичъ былъ опредѣленъ благочиннымъ по 3-му округу церковей Старобѣльскаго уѣзда. Что выборъ Филарета былъ удаченъ, доказывается тѣмъ, что Сумеонъ Алексѣевичъ не переставалъ быть благочиннымъ до самаго перехода своего въ Харьковъ въ 1873 году, несмотря на то, что съ 1864 г. благочинныхъ уже избирало не епархіальное начальство, а само духовенство.

Религіозно-нравственное состояніе своихъ прихожанъ о. Сумеонъ старался улучшить 1) возможно частыми и возможно болѣе торжественными и стройными богослуженіями, 2) усерднымъ проповѣдываніемъ слова Божія и 3) школьнымъ просвѣщеніемъ народа въ духѣ Православной Церкви. Цѣлыхъ восемь лѣтъ (съ 1845 по 1853 г.) онъ одинъ, безъ всякаго помощника, велъ школьное дѣло въ открытомъ имъ же приходскомъ училищѣ и велъ его настолько хорошо и усердно, что по прошествіи только одного года учебныхъ занятій, «за усердное прохожденіе училищной должности отъ предсѣдателя Государственнаго Коннозаводства графа Левашова онъ получилъ письменную благодарность», а въ слѣдующемъ году—и единовременную денежную награду. Преосвященный Филаретъ въ свою очередь цѣнилъ его труды какъ сельскаго наставника, но еще болѣе—какъ священника и благочиннаго. Въ 1854 году, т. е., чрезъ годъ послѣ назначенія на должность благочиннаго, онъ предложилъ консисторіи объявить о. Сумеону его благодарность, именно, «за примѣрную распорядительность по должности благочиннаго», и въ то же время ходатайствовалъ о его награжденіи предъ св. Синодомъ.

Въ 1856 году, при Бѣловодскомъ Троицкомъ соборѣ открылась протоіерейская вакансія. Много было желающихъ занять это мѣсто. Но Фи-

лареть не нашелъ никого достойнѣе покойнаго Сумеона Алексѣевича. 30-го января 1856 года онъ произвелъ его въ протоіерея и назначилъ настоятелемъ Бѣловодскаго собора. Окончаніе постройки пачатаго до него храма и украшеніе его, благолѣпіе священнослуженія, преподаваніе Закона Божія въ Бѣловодскомъ двухклассномъ образцовомъ училищѣ и проповѣданіе слова Божія въ храмѣ—были предметомъ особыхъ трудовъ и заботливости молодого протоіерея, какъ и въ Городищѣ. Но здѣсь присоединились еще заботы и особаго рода. Въ Бѣловодскѣ о. Сумеонъ много сдѣлалъ особенно по сбору пожертвованій: а) въ пользу жителей Севастополя, потерявшихъ во время крымской войны все свое имущество и б) на устройство и содержаніе новооткрытаго училища дѣвицъ духовнаго званія, что нынѣ—Харьковское епархіальное желское училище. За эти труды онъ удостоился не только дважды получить благодарность высокопреосвященнаго Макарія, бывшаго тогда харьковскимъ Архіепископомъ, но и благодарность Высочайшую. Кромѣ того здѣсь все время своей службы онъ исправлялъ безвозмездно всѣ требы по Бѣловодскому Коннозаводскому лазарету и нѣсколько лѣтъ состоялъ гласнымъ старобѣльскаго земства по выбору отъ мелкихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ. Начальство цѣнило вполнѣ всѣ труды Сумеона Алексѣевича; въ Бѣловодскѣ онъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою скуфіею, камилавкою, орденомъ св. Анны 3-й, 2-й и 2-й степени съ Императорскою короною. Общество и прихожане также вполнѣ цѣнили всѣ труды и заслуги его. Рѣдко кто пользовался изъ приходскихъ священниковъ такою народною любовію, преданностію и уваженіемъ, какъ о. Сумеонъ среди своихъ бѣловодскихъ прихожанъ.

Когда умеръ ключарь харьковскаго кафедральнаго собора, протоіерей о. Александръ Малиновскій, преосвященный Нектарій вызвалъ на его мѣсто Сумеона Алексѣевича Иларіонова изъ отдаленнѣйшаго пункта своей епархіи. Это было въ 1873 году. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ членомъ и казначеемъ епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, а харьковское городское духовенство избрало его на должность своего благочиннаго. Черезъ два года онъ былъ назначенъ уже членомъ харьковской духовной консисторіи.

Здѣсь, въ Харьковѣ, въ центрѣ епархіальнаго управленія вполнѣ проявилась вся плодотворная дѣятельность покойнаго о. Сумеона. Его свѣтлый умъ, служебная опытность, знаніе жизни епархіальнаго духовенства и ея условій, его находчивость въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ—были по достоинству оцѣнены почти всѣми іерархами, управлявшими въ послѣдніе двадцать лѣтъ Харьковскою епархіею. Онъ былъ всегда ихъ лучшимъ помощникомъ, сотрудникомъ и другомъ, и трудно было бы имъ найти другого болѣе вѣрнаго, исполнительнаго и преданнаго слугу. Каждое

порученіе, каждое распоряженіе того или другого преосвященнаго онъ выполнялъ съ такимъ усердіемъ, съ такою точностію и умѣніемъ, что его восхваляли самые враги его. Въ консисторіи онъ внимательно слѣдилъ даже за движеніемъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію другихъ членовъ; голосъ его былъ рѣшающимъ, и въ затруднительныхъ случаяхъ обыкновенно прибѣгали къ его помощи. Въ рѣшеніи дѣлъ разнаго рода ему помогали не одни только канцелярскія справки и слѣдственныя дѣла, но и его личное знаніе тѣхъ условій, среди которыхъ произошло дѣйствіе, подлежащее обсужденію консисторіи. Въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ настолько безпристрастенъ, что нерѣдко оправдывалъ самыхъ враговъ своихъ, не смотря на то, что иногда ему приходилось обращаться къ представленію отдѣльныхъ миѣній, которыхъ онъ не любилъ.

Въ Харьковѣ за свою отличную усердную службу покойный Сумеонъ Алексѣевичъ Иларіоновъ былъ награжденъ сребропозлащеннымъ наперснымъ крестомъ, орденомъ св. Владимира 4-й степени, палицею и—въ текущемъ уже году—орденомъ св. Владимира 3-й степени, котораго ему не пришлось, къ сожалѣнію, не только возложить на себя, но даже и видѣть.

Господь вознаградилъ покойнаго о. Сумеона счастіемъ въ прекрасныхъ, добрыхъ, образованныхъ и почтительныхъ дѣтяхъ. Послѣ него остались двѣ дочери: одна въ замужествѣ за священникомъ, другая—за столоначальникомъ канцеляріи попечителя Харьковского учебнаго округа,—и два сына, находящіеся на общественной службѣ и пользующіеся общественнымъ уваженіемъ и почетомъ.

Враги и завистники нерѣдко огорчали покойнаго о. Сумеона клеветою и всякаго рода грязными сплетнями. Подобнаго рода непріятности сильно дѣйствовали на впечатлительнаго отъ природы Сумеона Алексѣевича: разстраивали и безъ того всегда напряженную его нервную систему и подрывали его здоровье. Онъ перенесъ нѣсколько нервныхъ ударовъ. Въ послѣдніе два года силы окончательно стали измѣнять ему. При бодрости духа все больше и больше стала сказываться его тѣлесная немощь. Полгода назадъ онъ заболѣлъ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ. Послѣдствія этойто болѣзни и повлекли за собою его смерть. О. Сумеонъ умеръ на своей дачѣ близъ Куряжскаго Преображенскаго монастыря.

9-го іюля въ 8 часовъ утра преосвященный Владиміръ, вмѣстѣ со многими протоіереями и священниками г. Харькова, совершилъ обрядъ перенесенія праха усопшаго въ главную церковь Куряжскаго монастыря.

На другой день заупокойную литургію и отпѣваніе совершалъ самъ Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій, въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Владиміромъ и многочисленнымъ духовенствомъ г. Харькова и монашествующихъ Куряжской обители. Много дѣтей духовныхъ и почитателей усопшаго прибыло изъ Харькова для оказанія ему

послѣдней почести и поклоненія его праху. На литургіи священникомъ Харьковскаго кафедральнаго собора Т. Бутковичемъ была произнесена рѣчь, помѣщаемая ниже. Во второмъ часу по-полудни тѣло усопшаго Сусеона Алексѣевича было опущено въ могилу, устроенную въ сѣверной сторонѣ Преображенской церкви Куряжскаго монастыря.

Миръ праху твоему, честный и неутомимый труженникъ!

РѢЧЬ

при погребеніи ключаря Харьковскаго Кафедральнаго Собора,
протоіерея Сусеона Илларионова.

*Подвизомъ добрымъ подвижася, теченіе
скончашъ, тру соблюдохъ: прочее соблю-
дается мнѣ отъ нескъ правды (2 Тим. IV,
7—8).*

Не для участія въ семейной радости, не для раздѣленія твоихъ тяжелыхъ трудовъ, не для тихой дружеской бесѣды о прошедшихъ временахъ и протекшей жизни созвалъ ты насъ къ себѣ, досто-почтенный усопшій братъ и сослужитель нашъ! Какая радость можетъ быть здѣсь, когда вокругъ тебя раздаются одни рыданія, проливаются горячія слезы твоихъ дѣтей и внуковъ, сослужителей и почитателей? Какіе труды теперь мы будемъ раздѣлять съ тобою, когда ты лежишь во гробѣ неподвижно, не имѣя уже болѣе ни печали, ни воздыханія? Какой намъ ждать отъ тебя дружеской бесѣды, когда твои уста немы и ты лежишь бездыханенъ? Одна только глубокая скорбь, однѣ только обильныя слезы теперь приличествуютъ твоему гробу. Но и этого ты не требуешь отъ насъ. Мы скорбимъ о тебѣ, а ты, притекъ къ тихому пристанищу, конечно, еще болѣе скорбишь душою о насъ, оставшихся до нѣкотораго времени еще здѣсь, на этой грѣшной землѣ, полной зла, тяжелыхъ трудовъ, безконечной борьбы и безотрадныхъ страданій. Мы слышимъ какъ будто твой голосъ въ церковномъ пѣснопѣніи: „*Почто мене рыдаете люто, о человекы?*“ (Погр. священ.) Когда я жилъ на вашей грѣшной землѣ, я подвизался подвигомъ добрымъ, теперь я скончалъ положенное мнѣ свыше теченіе, и благодарю милосердаго Бога моего, что до самой кончины своей я соблюлъ живую и горячую вѣру въ Него. *Почто же рыдаете мене люто о человекы?* Не рыдайте, а возрадуйте нынѣ со мною, сродники и друзья мои: теперь мнѣ остается получить отъ Праведнаго Судіи только вѣнецъ правды».

Намъ суждено, быть можетъ, ближе другияхъ, свидѣтельствовать

истину, выраженную въ сказанныхъ нами словахъ. Не въ похвалу усопшаго, которой ему уже не нужно отъ насъ, а въ утѣшеніе скорбящихъ у гроба, мы рѣшаемся нынѣ высказать нѣсколько воспоминаній о жизни и дѣятельности почившаго, ясно убѣждающихъ насъ въ томъ, что въ теченіе своей земной жизни онъ воистину *подвизался подвигомъ добрымъ*. Въ служебной дѣятельности мнѣ суждено было идти по стопамъ усопшаго отъ отдаленнаго Бѣловодска до здѣшняго кафедральнаго собора, — и мы узнали его жизнь не со словъ его или словъ другихъ людей, которые могли быть пристрастными къ нему, но изъ самыхъ дѣлъ его, которыя краснорѣчивѣе говорятъ всякихъ словъ.

Этимъ путемъ мы прежде всего научились видѣть въ усопшемъ нѣжнаго, любящаго и заботливаго сына. Своего престарѣлаго отца-священника, изнемогшаго для трудовъ, онъ взялъ нѣбогда въ свой домъ, окружилъ его самою нѣжною заботою, предоставилъ ему удобства и покой, собственными руками закрылъ глаза умирающаго старца, устроилъ его могилу у самаго алтаря, имъ же благолѣпно украшеннаго Бѣловодскаго собора, и до самой смерти своей молитвенно читалъ дни смерти и рожденія каждаго изъ своихъ предковъ и родителей.

Мы научились знать въ усопшемъ самаго нѣжнаго и заботливаго супруга и отца. Нѣжно любимой супруги своей усопшій лишился весьма рано. Переносить вдовство для священника слишкомъ тяжело. Но усопшій собратъ нашъ несъ его безропотно, какъ крестъ Христовъ; въ дѣтяхъ онъ находилъ для себя утѣшеніе, имъ онъ посвятилъ всѣ свои усугубленныя съ потерю матери заботы и далъ имъ такое прекрасное образованіе, какое да удостоитъ Господь получать и дѣтей не вдовствующихъ родителей!

Мы научились видѣть въ нынѣ усопшемъ неусыпнаго, заботливаго и образцоваго пастыря Церкви Православной. Онъ благоу-красилъ дивный Троицкій храмъ въ Бѣловодскѣ; въ духѣ Церкви онъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія. И его прихожане, за его отзывчивость къ ихъ нравственно-религіознымъ нуждамъ, платили ему всегда истинно сыновнею любовію. Если только знаютъ они уже теперь, что мы погребаемъ прахъ ихъ незабвеннаго «отца Сумеона», то они скорбятъ вмѣстѣ съ нами и не менѣе насъ. Не одинъ только драгоценно-украшенный наперсный крестъ, поднесенный нами усопшему, есть знакъ ихъ любви и уваженія. Нѣтъ, — самое имя его стало любимымъ въ устахъ бывшихъ его прихожанъ; его бесѣды и наставленія передаются изъ рода въ родъ. И какъ тяжела была для нихъ разлука съ нимъ, при его пере-

водѣ въ г. Харьковѣ! Семитысячное населеніе Бѣловодска пѣшкомъ провожало его болѣе 10 верстъ; рыданія раздавались какъ по умершемъ; колеса его экипажа не могли быстро двинуться впередъ. Хватаясь за нихъ руками, прихожане какъ-бы насильно хотѣли удержать у себя своего любимаго пастыря.

Мы научились видѣть въ усопшемъ самаго исполнительнаго подчиненнаго и образцоваго начальника. Уже вскорѣ по поступленіи на мѣсто сельскаго священника онъ былъ назначенъ лично Архіеп. Филаретомъ и въ должность благочиннаго церковей 3-го округа Старобѣльскаго уѣзда. Ровно 20 лѣтъ онъ исполнялъ эту обязанность, и его мудрыми наставленіями и опытными совѣтами Старобѣльское духовенство руководствуется еще и по настоящее время.

Мы научились видѣть въ лицѣ усопшаго также и человѣка, котораго за умъ, энергію и труды всегда и высоко цѣнили почти всѣ наши знаменитые Архипастыри. Мудрый, правдивый и проникательный Филаретъ отыскалъ его въ одномъ изъ самыхъ дальнихъ селъ и молодого, нѣсколько лѣтъ только прослужившаго священника, возвелъ въ санъ соборнаго протоіерея и далъ ему настоятельское мѣсто въ Бѣловодскѣ, который былъ въ то время главнымъ центромъ Государственнаго Коннозаводскаго Управленія. Преосвященный Макарій всегда съ особеннымъ уваженіемъ выслушивалъ голосъ нынѣ усопшаго; Архіепископъ Нектарій вызвалъ его изъ Бѣловодска въ Харьковѣ, назначилъ его ключаремъ Каѳедральнаго Собора и благочиннымъ городскихъ церковей, имѣлъ въ немъ своего лучшаго друга, на рукахъ котораго отдалъ и духъ свой Господу. Высокопреосвященнѣйшій Савва, возведши его въ должность члена Консисторіи, нашелъ въ немъ своего лучшаго помощника и сотрудника. Прибытіе сюда Владыки нашего для возданія послѣдней почести усопшему и молитвы о немъ есть ясное доказательство, что его труды не потеряли значенія своего и до самой кончины его. Думаемъ, что не погрѣшимъ, если скажемъ открыто, что Высокопреосвященнѣйшій Амвросій за умные совѣты и усердіе въ епархіальномъ управленіи при насъ называлъ его своимъ другомъ. Его знали и съ большимъ уваженіемъ отзывались о немъ многіе православные іерархи, даже не управлявшіе Харьковскою епархіею. Его лично зналъ и воплнѣ по достоинству оцѣнилъ его умъ даже почивающій въ Бозѣ Великій Князь Николай Николаевичъ (Старшій), имѣвшій случай видѣть его при посѣщеніи коннозаводскихъ учрежденій.

Но къ сожалѣнію, какъ и всегда бываетъ, справедливая оцѣнка

Иерархами его заслугъ и его быстрое повышение по службѣ причинили ему много непріятностей и скорбей, подорвавшихъ его крѣпкое отъ природы здоровье. Явились завистники и тайные враги, низкая клевета и предубѣжденіе дѣлали свое дѣло. Но усопшій благодарилъ Господа и за это. «Несправедливый людской судъ», говорилъ онъ неоднократно намъ,—«облегчаетъ человѣку праведный судъ Божій». О. Сумеонъ любилъ всегда съ особеннымъ вниманіемъ слушать церковныя поученія и домашнія бесѣды нашего Владыки, онъ находилъ въ нихъ для себя и утѣшеніе, и подкрѣпленіе. А Архипастырь нашъ говорилъ нѣкогда у одного гроба слѣдующее: «Есть замѣчательное явленіе въ жизни человѣческой, получившее силу какого-то неизбежнаго закона, по которому люди, болѣе или менѣе выдающиеся изъ среды обыкновенныхъ, становятся предметомъ самыхъ противоположныхъ сужденій: отъ однихъ встрѣчаютъ они одобреніе и даже восторженные похвалы, отъ другихъ—порицаніе, а иногда и непріязненные чувства и дѣйствія». О чужихъ дѣлахъ мы «сомнѣваемся,—дѣйствительно ли они происходятъ изъ побужденій чистыхъ и направляются къ добрымъ цѣлямъ. При смѣшеніи въ насъ добра и зла, при соперничествѣ, борьбѣ изъ-за выгоды и житейскихъ преимуществъ, при возбужденіи страстей, при общей склонности нашей къ сужденіямъ ошибочнымъ,—сомнѣнія эти могутъ быть преувеличены, а иногда и вовсе несправедливы,—и вотъ являются предубѣжденія, незаслуженныя порицанія, дурныя слухи, клеветы и враждебныя дѣйствія».

Одинъ Господь—нынѣ Судія усопшаго. Но и мы знаемъ много изъ его жизни, что ясно указываетъ намъ на его высокую честность, непамятозлобіе и любовь къ справедливости. У всѣхъ насъ въ памяти много случаевъ, подтверждающихъ слова наши.

Скорбь неизбежна у гроба отца, родственника или друга. Даже Господь нашъ І. Христосъ возмутился духомъ и заплакалъ у гроба друга своего—Лазаря. Но самъ усопшій не разъ увѣщевалъ своихъ духовныхъ чадъ не предаваться этой скорби до отчаянія. Тяжело лишаться отца, горько терять друга. Но таковъ законъ жизни. Ни усопшій, ни другіе люди не могли прибавить ни одного часа къ предназначенному ему теченію. Возблагодаримъ-же Господа и за то, что усопшій пріялъ отъ Него. Будемъ хранить свято память о немъ и будемъ молиться объ упокоеніи его и о прощеніи его согрѣшеній—вольныхъ и невольныхъ.

1) Изъ „Слова при погребеніи Московскаго вупеческаго старшины В. М. Бостанжкова“

Достопочтеннѣйшій собратъ и сослужитель нашъ, покоящійся нынѣ о Господѣ! Приношу согласно съ желаніемъ всѣхъ не вѣнокъ изъ увядающихъ цвѣтовъ, а глубокій братскій поклонъ твоему праху отъ имени кафедральнаго причта и прихожанъ, съ которыми такъ дружно и братски ты прожилъ два послѣднія десятилѣтія своей земной жизни. Въ твоемъ лицѣ мы оплакиваемъ великую потерю нашу; слезы нынѣ молящихся о тебѣ сослуживцевъ твоихъ не позволяютъ имъ произнести внятно даже имени твоего на самыхъ заукоинныхъ молитвахъ. Ты разорвалъ внѣшнюю связь нашей братской семьи; но не прекращай никогда своего духовно-молитвеннаго общенія съ нами. Ты никогда не забывалъ вспоминать насъ здѣсь у престола Божія; вспоминай же насъ и тамъ, по ту сторону гроба, если будешь имѣть дерзновеііе предъ лицомъ Всевышняго. Съ объятіями друга ты принималъ каждыаго новаго члена нашего причта. Такъ же дружественно ожидай насъ къ себѣ и въ ту таинственную область, въ которую ты нынѣ преселился.

Приношу тебѣ поклонъ и благодарность отъ бывшихъ твоихъ и моихъ прихожанъ въ Бѣловодскѣ. До самой смерти ты не прерывалъ общенія съ ними; не забывай же ихъ и нынѣ въ своихъ молитвахъ ко Господу.

Приношу тебѣ благодарность и отъ всѣхъ лицъ, тобою облагодѣтельствованныхъ, поддержанныхъ твоимъ совѣтомъ, защищенныхъ твоимъ ходатайствомъ.

Да упокоитъ тебя Господь *съ лики святыхъ въ селеніяхъ праведныхъ, и дѣже нѣсть ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная!* Аминь.

Свящ. Т. Бутнѣвичъ.

8-го Іюля 1891 года.

Тиражъ выигрышей билетовъ перваго внутренняго съ выигрышами займа, произведенный въ Петербургѣ 1-го іюля 1891 года.

Главные выигрыши на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.	№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
18485	6	200000	47	50	8000	647	42	1000	10078	34	1000
3858	31	75000	5373	18	8000	7760	31	1000	12604	11	1000
1946	29	40000	1376	17	5000	17921	45	1000	2385	47	1000
2213	49	25000	9083	34	5000	15679	7	1000	12740	42	1000
18549	28	10000	15013	19	5000	7015	25	1000	15504	33	1000
8710	39	10000	1894	45	5000	5261	18	1000	17367	43	1000
1674	7	10000	8562	29	5000	8119	15	1000	3659	50	1000
10021	8	8000	15131	15	5000	3463	50	1000	4649	5	1000
13327	17	8000	12516	31	5000	14307	10	1000	7680	32	1000
12169	5	8000	15605	34	5000	6076	37	1000	10236	44	1000

Выигрыши въ 500 руб. пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.	№№ серій.	№№ билет.
1758	1	6707	11	195	19	444	26	17344	31	2340	38	6927	45
6143	1	12899	11	6264	19	1139	26	18243	31	8990	38	12932	45
17690	1	329	12	8191	19	8519	26	60	32	11338	38	19268	45
25	2	5471	12	17373	19	9526	26	1440	32	19428	38	5703	46
4757	2	12650	12	17840	19	10723	26	3541	32	264	39	7841	46
6343	2	7943	13	19925	19	12535	26	7332	32	5799	39	10289	46
7024	2	8765	13	938	20	13088	26	12072	32	8445	39	17691	46
9097	2	13974	13	2633	20	14311	26	14697	32	8941	39	18968	46
11518	2	14791	13	6664	20	3417	27	17300	32	15353	39	1465	47
11869	2	15063	13	14923	20	7495	27	1284	33	8143	40	2775	47
13178	2	17787	13	5340	21	10461	27	7927	33	8724	40	3075	47
4897	3	18101	13	7312	21	14129	27	9870	33	9095	40	3910	47
3541	4	1377	14	14007	21	14580	27	1903	34	13091	40	5787	47
7717	5	7484	14	14754	21	18486	27	10846	34	17208	40	7214	47
14134	5	9508	14	16788	21	1206	28	14020	34	17895	40	10466	47
3209	6	11342	14	17177	21	4648	28	14925	34	7012	41	12278	47
9354	6	14728	14	18542	21	11804	28	1242	35	11112	41	14781	47
2504	7	15212	14	3293	22	12260	28	8470	35	12392	41	7931	48
3834	7	15748	14	15659	22	13664	28	13624	35	14508	41	9083	48
4830	7	1188	15	15715	22	13903	28	14049	35	14692	41	9364	48
8423	7	2308	15	16115	22	4764	29	16124	35	15246	41	9731	48
13646	7	10441	15	6252	23	11400	29	16942	35	18778	41	10688	48
17877	7	14291	15	10087	23	17674	29	19138	35	4527	42	10878	48
1998	8	2662	16	10412	23	18048	29	1470	36	6695	42	11598	48
4285	8	11354	16	15568	23	2007	30	5555	36	8032	42	13077	48
7106	8	11578	16	19895	23	5104	30	6418	36	10240	42	14935	48
13888	9	12550	16	4551	24	5151	30	7733	36	11827	42	956	49
16966	9	14406	16	10187	24	8794	30	8303	36	19439	42	5374	49
257	10	18869	16	11552	24	8962	30	12846	36	19502	42	11395	49
1883	10	392	17	12796	24	14369	30	12887	36	53	43	12130	49
2768	10	4291	17	17278	24	17053	30	16479	36	9901	43	17795	49
7861	10	4771	17	18345	24	2529	31	17336	36	18398	43	17928	49
10265	10	5890	17	1009	25	3021	31	18883	36	2154	44	18985	49
16330	10	14190	17	2778	25	3720	31	4483	37	6867	44	3171	50
16910	10	2062	18	14503	25	9508	31	6722	37	9642	44	14924	50
19640	10	5670	18	14903	25	11829	31	14799	37	13916	44	19894	50
1732	11	18915	18	15345	25	17309	31	16686	37	1462	45		

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1891 года.

Таблица серій билетовъ 1-го внутренняго 50/0 съ выигрышами займа 1864 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго банка 1-го юля 1891 года.

18595	13249	282	19189	11836	18652	9252	11535	6235	3775
8164	92	12179	6858	3199	14998	5745	4455	12975	17764
1987	5166	8311	18058	1764	12470	6745	15759	13688	14531
13209	10582	3709	3341	17473	1011	766	3944	414	16461
18333	15099	2955	19960	7402	7995	7139	12063	17042	531
9358	15646	5927	12641	10418	15950	16986	8410	15793	3958
14717	13519	6496	10246	19501	8843	3546	7828	11866	
4443	11481	8072	6759	18022	18888	927	19291	7889	
12687	8112	3954	17803	8745	2854	3563	17078	11018	
9062	15370	19313	18202	4260	19493	11927	8825	9378	

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 125 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1891 года въ Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Въ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала «Вѣра и Разумъ».

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.